

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ



т е р и

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

*Издательство «Центрполиграф»
выпустило в свет романы Ф. Пола Вилсона*

в серии «Наладчик Джек»

МОГИЛА
НАСЛЕДНИКИ
БЕЗДНА
ЯРОСТЬ
ПОЖИРАТЕЛИ СОЗНАНИЯ
КРОВАВЫЙ ОМУТ
ВРАТА

в серии «Ночной мир»

ЗАМОК
МОГИЛА
ПРИКОСНОВЕНИЕ
РОЖДЕННЫЙ ДВАЖДЫ
АПОСТОЛ ЗЛА
НОЧНОЙ МИР

в серии «Федерация Ла Нага»

ЦЕЛИТЕЛЬ
КОЛЕСО В КОЛЕСЕ
ТЕРИ

F. PAUL

WILSON

T H E T E R Y

A NOVEL

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

т е р и



РОМАН



Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2006

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)
В44

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

This edition published by arrangement
with Writers L.L.C. House and Synopsis Literary Agency

*Художественное оформление
И.А. Озерова*

Вилсон Ф. Пол
Б44 Тери: Роман / Пер. с англ. А.И. Ганько. —
М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — 253 с.

ISBN 5-9524-2171-7

В результате катастрофы на колонизированной людьми планете вышли из-под контроля эксперименты по созданию сверхчеловека и появились человекоподобные существа тери, телепаты и монстры-мутанты. Планетарный разведчик Стивен Дейлт хочет помочь отвергнутым, но представители Федерации запрещают ему вмешиваться.

**УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)**

ISBN 5-9524-2171-7

The Tery
Copyright © 1990 by F. Paul Wilson
© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2006
© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2006

т е р и



РОМАН

Пролог

Слова складывались в своего рода молитву, которая звучала у него в голове непрерывно.

Целая планета христиан... Невозможно поверить в такую удачу. Непременно разочаруешься.

Он все повторял и повторял про себя одно и то же, пока остальные мысли и соображения не отошли на второй план. Однако предчувствие неизбежного разочарования не могло заглушить предвкушения чего-то необычного; от волнения у него мурашки побежали по коже. Он приблизился к молельне.

Планету лишь недавно открыли для внешних контактов и торговли. Первые поселенцы много веков назад сами себя отрезали от остального человечества. Но их потомки — по крайней мере, большинство из них — мыслили по-иному.

В настоящее время население планеты разделилось на две неравные части. Меньшая часть, живущая изолированно, — но слухам, они называли себя «талантами», — не желала иметь ничего общего с Федерацией. Поэтому талантов следовало оставить в покое. Большая часть обитателей планеты, наоборот, радовалась возможности вновь влиться в

общее русло межгалактической цивилизации, что особенно интересовало Геби Пиреллу, члена специального совета.

Его миссия имела решающее значение для Объединенной Христианской Церкви, потому что обитатели данной планеты, если верить описаниям, были последователями религии, определенно похожей на христианскую, включающей даже такое понятие, как распятие. О распятии упоминали торговые агенты, побывавшие на планете ранее; им даже удалось, с согласия местных жителей, заглянуть в одну из молелен. В донесениях торговых агентов сообщалось: здешние распятия какие-то не такие, другие. Однако из донесений было неясно, чем именно они отличаются от общепринятых.

Не важно! Весть о существовании целой планеты, на которой существует христианская община, всколыхнет пребывающую в застое Объединенную Церковь; ее учение распространится повсеместно, и в нее мощным потоком вольются новообращенцы из всего освоенного космоса.

— Разумеется, крест — просто символ, — говорил тем временем Манта, указывая на купол часовни.

Манта был высоким белокурым мужчиной, на котором по случаю жары была лишь набедренная повязка. Его речь и язык носили отпечаток архаичной грамматики.

— А вовсе не объект поклонения. Мы чтим Того, кто умер на кресте, и помним завет братства, которому он нас научил.

— Конечно, — согласился отец Пирелла, одобрительно кивнув.

Услышанное не просто вдохновило его; он обрадовался тому, что молчаливый туземец наконец

сообщил нечто ценное. Судя по всему, данный абориген является для местных кем-то вроде религиозного начальства.

Вначале отец Пирелла пытался склонить туземца к обсуждению основных религиозных понятий, однако вскоре выяснилось, что они с Мантой говорят на разных языках. Отцу Пирелле удалось выяснить лишь то, что интересующая его секта, похожая на христианскую, существует менее двухсот лет. На остальные его вопросы туземец отвечал недоуменным взглядом. Пирелла решил, что проще и логичней всего пойти в ближайший храм и там начать разговор с азов. Если они поймут друг друга в частных вопросах, им потом легче будет перейти к более абстрактным понятиям.

Манта охотно согласился.

Туземец придержал дверь, пропуская отца Пиреллу вперед. Дверь на петлях! Да, в вопросах технического прогресса они значительно отстали...

Отец Пирелла вошел в прохладный темный зал.

Алтаря не было; лишь в противоположном углу высилось огромное распятие в натуральную величину. Он поспешил вперед: ему не терпелось поближе рассмотреть распятие. Если он обнаружит фигуру Христа здесь, на планете, которая долго была оторвана от общемировой цивилизации, одного этого будет вполне достаточно; однако продемонстрировать, что распятие занимает центральное положение в культуре планеты, — о таком ни один церковник даже и мечтать не смеет! Будет достигнута конечная цель...

— Матерь Божья!

В полумраке его возглас эхом отразился от гулких стен. Ноги отца Пиреллы заскользили на от-

полированном полу; он в ужасе отпрянул при виде фигуры на кресте. Сокрушительное разочарование раздувало его праведный гнев.

— Какое кощунство! — прошипел он, кусая тонкие бескровные губы. — Святотатство!

На мгновение он едва не поддался искущению; его так и подмывало наброситься с кулаками на оцепеневшего, совершенно сбитого с толку Манту. Наконец отец Пирелла пожал плечами и выбежал из зала на яркий целебный свет.

— Не знаю, что вы надеялись увидеть, — сказал Манта, когда ему удалось нагнать отца Пиреллу, — однако у меня такое чувство, что у нас вы не найдете того, чего ожидали.

— Почему вы меня не предупредили?

Манта осторожно взял священника под руку и повел его по тропинке между деревьями.

— Пойдемте. Пойдемте со мной к Божьей Отметине; возможно, там вы все поймете.

Отец Пирелла позволил увести себя. Божья Отметина? Это еще что такое?! Но уж конечно, не хуже того, что он обнаружил в молельне.

— Все началось очень давно, — говорил тем временем Манта. — Если быть точным, все началось сто шестьдесят семь лет тому назад. Все начинается на поле, расположенному неподалеку...

1

Они не приняли его за мертвого. Должно быть, поняли, что он еще жив; когда он ничком рухнул на траву, обливаясь кровью, грудь его продолжала судорожно сокращаться. Впрочем, он часто проваливался в небытие. Как долго он умирает! Тери недо-

стоин последнего удара, который разом покончил бы с его мучениями, поэтому его бросили на пожизненную стервятникам.

Сознание то возвращалось, то покидало его; когда же он открывал глаза, ему казалось, что весь мир заполнен мухами и комарами. На то, чтобы шевелиться, сил уже не оставалось. Всякий раз, как он пытался поднять руку, чтобы отогнать назойливую мошкуру, он снова терял сознание. Впрочем, находиться без сознания не так уж плохо. Темно, тихо и не больно. Однако он всегда выплывал на поверхность.

Если ему повезет, вскоре он снова погрузится в темные пучины и больше уже никогда не вынырнет оттуда. Почему не остаться там навсегда? Ведь у него отняли всех, кто у него был.

Его вернул к жизни скрип плохо смазанной деревянной оси. Потом он услышал осторожные шаги. Кто-то легко ступал по лесной тропе и остановился рядом с ним, где-то слева. В душе тери забрезжила надежда.

Может быть, еще один тери...

Собрав последние силы, он ударил по земле правой рукой и попытался перекатиться на бок. Внезапно дневной свет начал меркнуть, и он понял, что снова теряет сознание. Однако он удержался на краю. Ему даже удалось слегка выпротистать из-под себя левую руку. Он пошевелился. Центр тяжести сместился — и вот он перекатился на спину, прямо в тучу злых мух.

От напряжения сил тери снова на короткий период потерял сознание. Когда он снова пришел в себя, скрипа уже не было слышно. Его охватило отчаяние. Тот, кто подходил к нему, ступал тихо, словно украдкой; вполне вероятно, его обнаружил

другой тери. Солдаты никогда не крадутся. Когда они попадают в лес, они вытаптывают все на своем пути. Но теперь шагов не было слышно, и с ними ушла последняя надежда на спасение.

Тери знал, что умирает. Если к ночи его не добьет жаркое иссушающее солнце, если он не умрет от потери крошки из многочисленных ран, значит, дело довершит какой-нибудь крупный ночной хищник. Тери никак не мог решить, какой способ менее мучителен, какой он выбрал бы для себя сам...

Снова шаги!

Те же самые, легкие, крадущиеся; они приближаются. Создание, которое проходит мимо, должно быть, заметило движение в высокой траве, когда он перекатывался на спину, вот и решило разведать, что к чему. Видимо, оно на некоторое время отошло на безопасное расстояние и затаилось.

Тери затих. У него осталась только надежда. Больше ничего.

Шаги замерли возле его головы; внезапно сверху вниз на него посмотрело человеческое лицо. Человек был с бородой и яркими синими глазами. Тут тери утратил последнюю надежду. Если бы он не охрип, он бы сейчас завыл от тоски, досады и отчаяния.

Однако человек не убежал в испуге и не стал его мучить. Наоборот, он присел рядом с тери на корточки и стал осматривать бесчисленные колотые и резаные раны, покрывшие его тело. Лицо человека потемнело от... неужели от гнева? Тери не умел распознавать выражение человеческого лица. Не переставая осматривать раненого тери, человек пробормотал что-то неразборчивое.

Потом человек покачал головой, поднялся на ноги и перешел к голове тери. Он склонился над ним, подсунул руки тери под плечи и попытался его поднять. У него ничего не получилось. Человеку не хватило сил, чтобы поднять массивное тело, но от легкого толчка все бесчисленные раны отзвались белой вспышкой острой боли. Тери захотелось закричать, чтобы человек прекратил, однако ему удалось выдавить из себя лишь хриплый мучительный стон.

Человек отпустил его и встал; очевидно, он находился в замешательстве и не знал, что делать дальше.

— Ты умеешь говорить? — спросил человек.

Неожиданный вопрос удивил тери. Да, он умел говорить. Он попытался ответить, но из-за распухшего языка не сумел произнести ни единого слова.

— Ты меня понимаешь?

Тери закрыл глаза. К чему расспросы? Какое это имеет значение? Скоро он умрет. Так почему бы странному человеку не уйти и не оставить его в покое?

После короткой паузы человек оторвал от своей груботканой рубахи полосу материи и накрыл ею глаза тери. Потом он пошел прочь. К звуку его удаляющихся шагов вскоре присоединился скрип несмазанной тележной оси. И постепенно все звуки затихли в отдалении.

Полоска материи стала поистине подарком судьбы для раненого тери; однако он ничего не понимал. Почему человек отогнал мух от его лица? Ведь он все равно умирает.

Однако ему стало немного легче.

Солнце пекло все жарче; в те краткие мгновения, что тери приходил в сознание, он чувство-

вал, как распухает и сохнет его язык. Провалы становились все длиннее. Еще немного — и он вовсе не придет в себя.

Он очнулся, почувствовав затылком, как дрожит земля. Потом он распознал цокот копыт и другие звуки — как будто что-то волокут по земле. Солдаты! Они возвращаются! Тери почти обрадовался им. Они наверняка затопчут его, проезжая мимо, и положат конец невыносимым мукам.

Однако цокот прекратился; снова послышались шаги. По земле ступало множество ног. Тряпку убрали с глаз, и он увидел склонившиеся над ним лица. Человеческие. Однако не солдатские. Людей было четверо; они переглядывались и молча кивали друг другу. Один, со светлыми волосами, повернулся и скрылся из вида. Другие же, к изумлению тери, нагнулись над ним и принялись отгонять мух и комаров, облепивших его раны. И все это без единого слова!

Вскоре вернулся белокурый; он вел в поводу косматую лошадь. К лошадиной сбруе по бокам были прикреплены длинные деревянные шесты; они волочились по земле за копытами. Между шестами в шахматном порядке были протянуты толстые веревки.

Ни один из людей по-прежнему не произнес ни слова.

Их молчание озадачило тери. Очевидно, его спасители боятся обнаружить себя. Но чего им бояться здесь, в лесу, кроме солдат правителя Китру? А людям незачем бояться Китру, ведь он уничтожает только тери...

Дальнейшие его размышления были прерваны появлением кувшина с водой. Горлышко кувши-

на прижали к его губам; несколько капель попало в его пересохший рот. Тери попытался сделать глоток, но вода попала в дыхательное горло, и он закашлялся. Кувшин убрали, но его язык больше не горел, как обожженная кожа.

Стараясь двигаться как можно осторожнее, четверо мужчин, которые действовали на редкость слаженно, подняли тери с земли. Боль вернулась, но ему было не так плохо, как когда тот, первый, попытался приподнять его. Люди опустили его на сетку, потом привязали к сетке длинными лоскутами материи. По-прежнему никто из них не проронил ни звука.

Может, они — изгои? И все равно, уж слишком они осторожничают. Сейчас можно было бы и не молчать. Солдаты давно ушли.

Люди сели на лошадей и поскакали в глубь леса. На неровной земле волокуша двигалась толчками; некоторые из его едва затянувшихся ран снова открылись, но тери молча терпел боль. Ему стало лучше, потому что он чувствовал себя в безопасности; ему даже показалось, что все будет хорошо. Хотя он понятия не имел, откуда у него возникла такая уверенность.

Хотя тери провел в лесу, можно сказать, всю жизнь, тропа, по которой они ехали, была ему незнакома. Они проезжали мимо сырых пещер, поросших огромными уродливыми грибами; трибы росли на всех холмах и возвышенностях, и их шляпки почти заслоняли собой солнце. По бокам тропинки росли кусты волнообразно извивающихся щупалец, угрожавших схватить неосторожного путника и затянуть его в свою ненасытную утробу. Тери показалось, что они едут и едут без конца. Отряд забрался в совсем непроходимые за-

росли. Оттуда они выехали на поляну, на которой располагался лагерь.

Большие и маленькие хижины и палатки были поставлены наспех — грубые, неправильной формы. Они были разбросаны по поляне там и сям без особого порядка. Их обитатели тоже не слишком походили друг на друга. Одни были хрупкими на вид, другие явно страдали ожирением. Тери не ожидал увидеть ничего подобного. Изгои, которых он рисовал в своем воображении, были худые, поджарые, словно волки; чтобы выстоять против хорошо обученных солдат Китру, необходимо развить в себе жестокость. А здесь, в лагере, были женщины и дети. Многие бросили свои дела или игры и смотрели на него. Нет, эти люди совсем не были похожи на изгоев, объявленных вне закона.

Однако молчание становилось гнетущим.

Четверо его спасителей спешились и отвязали волокушу от лошади. Потом осторожно опустили концы шестов на землю. Тери приятно было почувствовать землю спиной. Наконец один из спасителей разомкнул уста:

— Адриэль!

Из ближайшей хижины вышла девушка со светлыми волосами, в которых мелькали рыжие прядки. Она была молода — с виду лет семнадцать, пухленькая, но симпатичная. Увидев Тери, она проворно подбежала к нему и присела рядом на корточки. Потом осторожно ощупала его раны.

— Как жестоко его изрезали! — воскликнула она. Голосок у нее оказался высокий и звонкий; от волнения он прерывался. — Как это случилось?

— Раны нанесены мечами, — нетерпеливо дернув плечом, ответил один из спасителей. — Значит, он наткнулся на солдат Китру.

— Зачем вы его принесли?

Первый мужчина пожал плечами:

— Тлад предложил.

— Тлад? — недоверчиво переспросила девушка.

— Да. Он обнаружил его раньше нас; ему каким-то образом удалось убедить твоего отца помочь раненому зверю. И твой отец послал нас за ним.

Адриэль сдвинула брови.

— Значит, Тлад? Интересно! Подобная добрая ему не свойственна!

Мужчина снова дернул плечом:

— Кто вообще может понять Тлада? — Он показал рукой в сторону хижины. — Твой отец дома?

— Нет. — Адриэль встала и указала в дальний угол лагеря. — Он где-то там. По-моему, беседует с Деннелом.

Мужчины молча удалились. Тери смотрел на девушку. Она нырнула в хижину и на какое-то время исчезла.

Тлад?! Значит, так зовут человека, который заговорил с ним и закрыл его глаза тряпицей! Тлад. Надо запомнить.

Вскоре Адриэль появилась вновь; она опустилась на колени рядом с Тери. В руках у нее был смоченный в воде лоскут.

— Ах ты бедняжка!

Тери снова балансировал на грани небытия; последнее, что он запомнил перед тем, как мрак накрыл его, было прикосновение холодной мокрой материи, которая вытирала грязь и осушала кровь на лице. А в ушах звучал ласковый девичий голос:

— Бедняжка... бедняжка...

— Думаешь, он выживет?

При звуках человеческого голоса Адриэль удивленно вскрикнула и обернулась. Рядом с ней стоял высокий мускулистый мужчина с бородой; поверх ее плеча он смотрел на раненого.

— Ах, это ты, Тлад. Как ты меня напугал! Нельзя так подкрадываться к людям!

— Извини. Как он?

— По-моему, выживет. Если не будет нагноения, он скоро поправится.

— Хорошо. — Тлад быстро кивнул и отвернулся, явно собираясь уйти.

— Погоди! Я не понимаю...

Тлад оглянулся; глаза его на мгновение сверкнули.

— Чего тут непонятного?

— Зачем ты сообщил моему отцу о раненом тери? — спросила девушка. — И зачем убедил его привезти тери сюда?

— Ему нужна была помощь, а я один не справился бы. И еще я подумал, что тебе понравится выхаживать его.

— Ах, вот как? — возмутилась девушка. Как смеет этот человек, которого она почти не знает, решать за нее! Да откуда он знает, что бы ей понравилось, а что — нет!

— Да. Похоже, и тебе и ему одиноко. Вы придется друг другу по душе.

Адриэль всматривалась в непроницаемое лицо Тлада. Его беззаботное замечание настолько тронуло ее, что она не в силах была вымолвить ни слова. Она разглядывала Тлада. Его прямые темно-русые волосы были светлее оттенком, чем борода. Он был

грязен, от него плохо пахло; в общем, он никогда особенно ей не нравился. Тлад не отводил взгляда.

— Очень мило с твоей стороны, — сказала Адриэль наконец.

— Не благодари меня. Он, как и вы, вынужден бежать и спасаться; вот я и подумал, что вам стоит помочь ему. К тому же без помощи он скоро умер бы. Так что ты уж постараися.

— Не нуждаюсь в твоих указаниях! — отрезала девушка, не скрывая раздражения. Разумеется, она позаботится о замученном животном! Какие могут быть сомнения?!

Тлад хрюкло хохотнул и поспешил к своей повозке. Быстро и ловко нагнувшись, он впрятался в нее и покатил в лес, волоча повозку за собой. Из повозки выпало несколько черепков глиняной посуды; ось левого колеса сильно скрипела.

Адриэль провожала его взглядом. Наконец Тлад скрылся в чаще. Девушка нахмурилась и снова занялась делом. После того как Тлад выказал сочувствие к раненому зверю, он немного вырос в ее глазах. И все же она его не понимала. И он по-прежнему ей не нравился. Она не могла понять, в чем дело, однако в этом странном человеке было нечто не вызывающее доверия.

И все же жаль, что он ушел! С ним хотя бы можно поговорить...

Адриэль вернулась в хижину и нарвала побольше чистых тряпок для перевязки. Вернувшись, она увидела, как по поляне идет ее отец.

— Существо до сих пор живо? — спросил отец, подходя к ней и разглядывая лежащую на земле массивную тушу.

Комак был человеком крупным, высоким, статным и полным достоинства. Густые рыжие

волосы и борода обрамляли лицо львиной гривой; к белой коже не приставал загар. Несмотря на то что в последнее время он часто бывал на воздухе, кожа у него была не смуглой, а красной, словно ошпаренной. С лица смотрели ясные голубые глаза. Адриэль унаследовала отцовский цвет волос, кожи и глаз, но была ниже ростом и не так крепко сложена.

— Конечно, он жив! И я не дам ему умереть!

Неужели еще кто-то усомнился в ее силах?

Комак оттянул верхнюю губу лежащего в обмороке существа, осмотрев острые клыки.

— Значит, вот он какой — тери Тлада. Настоящий урод!

— Никакой не урод. Просто весь изранен, а шерсть у него свалилась от запекшейся крови. Когда я его вымою и вычищу, станет гораздо красивее.

— Итак, теперь он у нас. Что мы будем с ним делать?

— Папа, я хочу оставить его у себя, приручить. Больше не называй его «тери Тлада», — сурово добавила она. — Отныне он — мой питомец!

— Не знаю, не знаю. Посмотри, какой он огромный — какие у него сильные мускулы. Если он набросится на тебя...

— Не набросится, — пылко возразила девушка. — Он знает, что я его друг. Я видела, как он смотрел на меня, когда я только начала промывать его раны!

— Что ж, посмотрим.

— Отец! — произнесла Адриэль после паузы, перевязав очередную рану. — Неужели люди Китту охотятся и на лесных терий? Их-то зачем уничтожать?

Она помнила, как по указу Верховного правителя всех тери, живущих в крепости и вокруг нее, убили или куда-то увезли. Это было ужасно, но тогда солдаты хотя бы не охотились на тери по лесам. Видимо, сейчас все изменилось.

Комак присел на корточки рядом с дочерью:

— Да, боюсь, что дело обстоит именно так. Последний указ Верховного правителя Мекка касается не только нас, но и лесных тери и даже некоторых самых причудливых растений. По крайней мере, так сообщил нам Рэб.

— Где же сам Рэб, на которого ты все время ссылаешься?

— Не знаю. — Комак сел рядом с дочерью на землю. — Но мне бы хотелось, чтобы он скорее нас нашел.

Медленно, словно преодолевая боль, он лег на спину и закрыл глаза.

— Устал? — спросила Адриэль, прекратив хлопотать вокруг тери и участливо глядя на отца.

— Очень. Я не создан для такой жизни. Я не хотел становиться вождем нашего отряда. Когда я согласился, я думал, это всего на несколько дней... пока не объявится Рэб. Но с тех пор как мы бежали, прошло уже много месяцев.

— Где же он может быть? По-твоему, его схватили?

— Скорее всего. Он предупредил, что у нас мало времени и нужно как можно скорее бежать из крепости. Может, сам слишком долго медлил, желая убедиться в том, что все носители Дара благополучно выбрались оттуда.

Адриэль живо вспомнила тот день. Ее отец служил при дворе Китру; много лет он был советником по вопросам строительства и планировал

все постройки в местности, граничащей с крепостью. Вечером он прибежал домой в крайнем волнении. Один неизвестный носитель Дара, который называл себя Рэбом, мысленно связался с отцом, сообщил о неких тайных знаниях, скрытых в каких-то древних книгах, и о том, что в провинцию Китру направляется гонец Верховного правителя Мекка. Гонцу поручено передать дополнение к Указу об истреблении тери. Указ предписывал местным властителям повсеместно выслеживать и истреблять всех тери. Но не это встревожило Рэба и других талантов. Самой печальной была вторая часть поправки, в которой носители Дара провозглашались преступниками, злоумышляющими против Господа. Все носители Дара отныне приравнивались к тери; их всех следовало немедленно истребить — без суда и следствия.

Весть быстро распространилась среди талантов — неизвестный, назвавшийся Рэбом, мысленно связался со многими из них. Большинство поверило ему. Верховный правитель Мекк с некоторых пор попал под влияние религиозной секты фанатиков, которые обожествляли Истинную Форму. Все отклонения от Истинной Формы признавались дьявольскими порождениями. Новая поправка исключала талантов из числа носителей Истинной Формы.

Среди талантов, конечно, нашлись сомневающиеся. Они заявляли: их уничтожение идет вразрез со всеми существующими законами! Нельзя же убивать людей только потому, что они обладают Даром. Те немногие остались в крепости, а Комак, Адриэль и другие наспех собрали свои пожитки и убежали в лес. Если сведения, полу-

ченные от Рэба, не подтвердятся, сказал тогда Комак, они ничем не рискуют. Все, что им грозит, — несколько дней тягот и лишений. Но если окажется, что опасения не напрасны...

На третью ночь в лесу им со всей ужасающей ясностью открылась их правота. Тогда носителей Дара пробудили ото сна ужасные крики и предсмертные стоны и хрипы тех, кто, на свою погибель, остался в крепости. Беглецы издали мысленно следили за агонией и муками своих сородичей. Солдаты врывались в дома носителей Дара, хватали с постелей спящих, волокли всех к крепостным воротам и бросали в костер, разведенный в огромной яме. Только Адриэль спала всю ночь: она не принимала посланий.

— Я по-прежнему считаю, что называть нас тери нечестно! — сказала она. — Мы не животные. Мы люди!

Отец печально улыбнулся:

— Бедная малышка Адриэль! Я потакал всем твоим капризам и избаловал тебя, а теперь вынужден оторвать тебя от роскоши, к которой ты привыкла. Я бы отдал все на свете, лишь бы для тебя все стало как прежде.

Адриэль с трудом удержалась от слез. Она скучала по дому. Там можно носить нарядную одежду, жить в комнате, спать на кровати. Там есть друзья, лавки, рыночная площадь... Там есть люди, которые разговаривают!

Отец вздохнул и сменил тему:

— Не думаю, что Рэб к нам придет.

— А может, Рэб уже здесь, в нашем лагере, просто мы его не узнаём, — возразила Адриэль, которой хотелось немного поднять отцу настроение.

Комак открыл глаза и приподнялся на локте.

— Это невозможно. Не знаю, как тебе объяснить, но... как только ты связываешься с другим носителем Дара, ты получаешь способность всегда узнавать его. Рэба среди нас нет.

— А может быть, Рэб — это Глад. Мы ведь ничего о нем не знаем.

— Но у Тлада нет Дара. Ты сама так сказала. А уж кому знать, как не тебе — Искательнице!

Да, она — Искательница, все верно. Иногда она жалела о том, что наделена способностью повсюду находить и выявлять носителей Дара.

— Как хочешь. — Адриэль пожала плечами. — И все равно, есть в Тладе что-то отталкивающее. Он мне не нравится. Я ему не верю.

— Напрасно! Он ни разу не обидел ни тебя, ни кого-то из нас. Наоборот, он все время был нам хорошим другом.

— Возможно, я неудачно выразилась. Не знаю. Он какой-то скользкий. Мне все время кажется, что он за нами следит. Может, он служит Китру — шпионит за нами?

— Милая, если бы таков был его замысел, он бы давно навел солдат на наш след. И не забывай, как он помог Тери. Ни один приспешник Китру так бы не поступил.

Но Адриэль никак не могла расстаться со своими подозрениями.

— Его сегодняшний поступок необъясним, но...

— Никогда не пытайся объяснить поступки Тлада, — перебил ее отец. — Он не такой, как мы. Он живет один, никому не мешает, изготавливает глиняные горшки и плошки. Впрочем, кажется, он и сам никого не боится. Но пока, на время, забудь о нем. У нас есть более насущные задачи.

— Вот как? — Адриэль перевязала последнюю рану Тери и посмотрела на отца.

— Да. Прошел слух, что Верховный правитель Мекк скоро собирается лично объехать все свои владения. Видимо, именно поэтому Китру то и дело высыпает в лес отряды солдат — искать и убивать Тери. Он хочет произвести на Верховного правителя хорошее впечатление. — Комак помолчал с минуту, а потом добавил: — Животное обнаружено слишком близко к нашему лагерю. Нам нельзя здесь больше оставаться. Мы должны бежать. И чем скорее, тем лучше.

Адриэль смотрела, как отец встает, упирает кулаки в бедра и оглядывает тягостно молчавший лагерь. Все тут же насторожились, бросили свои дела и повернулись к Комаку. После короткой паузы отец снова обратился к дочери. Жизнь, остановившаяся было, закипела с новой силой.

— Как только забинтуешь его, начинай собирать вещи. Мы выступаем завтра на рассвете.

III

Их было около пятидесяти — странных молчаливых людей. Как только небокрасили первые лучи солнца, они начали совещаться без слов. Тери с изумлением наблюдал за ними. Они собрались с поразительной быстротой, погрузили свои пожитки на вьючных животных и подготовились брести по лесу в поисках нового, более безопасного места для лагеря.

Тери был еще очень слаб от потери крови; всякий раз, как он приподнимал голову или пытался пошевелиться, у него двоилось в глазах, кружилась

голова. Кроме того, его тошнило. Ночь он провел в глубоком, спокойном сне; на рассвете проснулся прородившим от холода, но бодрым.

Когда он проснулся, Адриэль была уже на ногах.

— Ну вот, — ласково проговорила она, укладывая его голову на носилки-волокушу, где он провел ночь. — Тебе не нужно никуда идти; ты не пойдешь. — Ее голос был ласковым и убедительным. Так как она не была уверена, что Тери поймет смысл произносимых ею слов, она подкрепляла слова интонациями и жестами. — Вот попробуй — может, тебе понравится.

Она поставила перед ним глиняную плошку с молоком и кусочками сырого мяса. В два-три приема он расправился с мясом, потом выпил все молоко.

От удивления Адриэль даже приоткрыла рот.

— Должно быть, ты умирал с голоду! Но пока больше я тебе не дам — если позволить тебе наесться вдоволь, тебя вырвет. — Она налила в плошку холодной воды. — Выпей; пока больше ничего не получишь.

Когда отряд приготовился выступать, носилки Тери снова прикрепили к шестам за одной из лошадей. Адриэль накрыла его попоной и шла рядом, время от времени гладя его по плечу.

Тери рассматривал свою покровительницу. У нее было чистое открытое лицо, на котором почти ничего невозможно было прочесть. Она не выглядела ни счастливой, ни несчастной, ни довольной, ни огорченной. Возможно, она одинока. Но почему? Ведь она, судя по всему, дочь вождя. Странно... Тери решил: может быть, по человеческим меркам девушка считается некрасивой.

Они шли и шли; через какое-то время к Адриэль приблизился молодой человек и пошел рядом, приоравливаясь к ее шагам. Он был хорошо сложен, с курчавыми каштановыми волосами и веселой улыбкой. Щеки и подбородок покрывал пушок — намек на будущую бороду.

— Как сегодня поживает наша Искательница? — спросил он.

Адриэль вздохнула:

- А как по-твоему, Деннел?
- Все то же, что и раньше?

Адриэль понурилась и кивнула.

— Неужели ты не понимаешь? — самодовольно ухмыльнувшись, спросил молодой человек. — Речь для нас — тяжкое бремя; мы в момент обмениваемся мыслями, как категориями; целые понятия передаются от одного другому как одно целое, в один миг! Мы общаемся цветами, эмоциями и даже такими сложными сочетаниями, что я не сумею их тебе объяснить! Мы не нарочно не обращаем на тебя внимания. Просто... словом, зачем ходить, если умеешь летать?

— Я знаю, Деннел. Мы с тобой неоднократно обо всем говорили, но ничего не помогает. Я все равно чувствую себя покинутой и заброшенной. Там, в крепости, меня, кроме вас, окружали и другие, обычные люди, с которыми я могла говорить. А здесь... здесь я — единственная, родившаяся без Дара.

— Но в тебе Дар проявился по-другому! Ты — Искательница!

— Да, конечно, я умею выявлять носителей Дара. Зато не могу общаться с ними. Я отрезана от вас!

— Однако твоя способность отыскивать носителей Дара делает тебя самой ценной среди всех нас. Благодаря тебе мы будем находить другие таланты,

которые, возможно, примкнут к нам. А нам понадобится помочь всех носителей Дара, какие только есть. — Деннел оглядел колонну путников. — Всех до одного!

— Все равно среди вас я чувствую себя калекой, — мрачно отвечала Адриэль. — С другой стороны, согласно указу Верховного правителя Мекка, я — такая же тери, как и вы все. И потому он хочет убить меня тоже. Я подвергаюсь всем опасностям, каким подвергаетесь вы, однако никакой выгоды из своего положения я не извлекаю!

Последовало молчание; у тери появилось время подумать над тем, что он только что услышал. Теперь он понимал, почему эти люди бегут от Китру. Они, как и тери, отныне подпадали под действие Указа об истреблении. Людям всегда нравилось убивать друг друга, учила его мать. Теперь они нашли для себя еще одно оправдание. Еще его мать однажды упоминала о людях, подобных Комаку и его сородичам. Их называют носителями Дара, пси-талантами. Вот почему в лагере царит такое странное молчание. Они общаются мысленно. Все, кроме Адриэль.

— Тери! — воскликнул Деннел, и глаза у него сверкнули. — Мы стали жертвами страшного захлуждения! Мы не тери! Все знают, что тери — порождения Страшной Болезни. Тери — бессловесные, уродливые, глупые создания, вроде вот этого существа.

— А ты, по-твоему, не такой? — спросил другой голос.

Адриэль и Деннел вздрогнули от удивления, но тери заранее слышал приближение шагов. При виде человека, который вчера стал его спасителем, на сердце у него стало теплее.

— Здравствуй, Тлад, — сказал Деннел. — Да, я уверен, что наш Дар — не порождение Страшной Болезни.

— Тогда как ты объяснишь, откуда он взялся? — В глазах Тлада заплясали веселые огоньки. Казалось, ему нравится подкалывать самодовольного Деннела.

— Таланты — совершенные люди, венец творения. По-моему, это вполне очевидно. Мы умеем то, что недоступно другим.

— Что не обязательно делает вас любимцами остальных людей, которым приходится общаться вслух.

— Нас нельзя преследовать; наоборот, нас нужно почитать! Мы поднялись на высшую ступень развития!

— Может, и так, — тихо сказала Адриэль. — Но Мекк, скорее всего, не желает оставаться на низшей ступени.

— Кстати, как дела у тери? — спросил Тлад как бы между прочим.

Адриэль немедленно просветлела:

— Он приходит в себя, бедняжка. Быстро поправляется. Самые неглубокие порезы уже затянулись.

— Благодаря тебе я уверен, — ответил Тлад и махнул рукой. — Пойду вперед, найду твоего отца.

Деннел смотрел вслед Тладу.

— Не нравится мне, как он приходит и уходит. Кажется, ему всегда известно, где мы находимся.

— Тери повезло, что Тлад знал, где мы были вчера, — возразила Адриэль.

Деннел склонился над тери посмотреть на его раны, но быстро отвернулся.

— Что такое? — спросила девушка.

— Просто мне в голову пришло вот что: однажды так будем выглядеть ты или я, если солдаты нападут на наш след.

— Не нападут, — возразила Адриэль, лунась неподдельной радостью. — Мой отец сумеет всегда опережать Китру на один шаг, не прилагая особых усилий. Давай сейчас не будем беспокоиться о нас. Посмотри, какое прекрасное утро!

— Хорошо. — Деннел рассмеялся и снова посмотрел на тери, на сей раз с более дальнего расстояния. — По крайней мере, твой тери молчит; и потом, он вовсе не такой уж урод. Похож на помесь крупной обезьяны и косматого медведя.

Тери не понравился пренебрежительный тон Деннела, но невольно он подумал, что молодой человек нашел верное сравнение. Когда он поднимался во весь рост, он становился размером с человека, хотя предпочитал передвигаться на четырех конечностях. У него были огромные руки, вдвое большие, чем у взрослого мужчины; его тело с головы до ног было покрыто грубым черным мехом, коротким и курчавым везде, кроме островка вокруг гениталий. Там мех был длинным и прямым.

— Что значит — мой тери молчит? — Адриэль переводила взгляд с Деннела на тери и обратно.

— Знаешь, некоторых тери можно научить говорить. Я как-то видел таких тери; они скитались по городкам и крепостям и давали представления. В нашу крепость они приходили несколько лет назад. Одни пели, некоторые танцевали; был даже такой, который читал стихи. Разумеется, труппы тери выступали до того, как Мекк объявил их «порождением дьявола».

— Правда? Может быть, мне удастся научить его говорить!

Деннел покачал головой:

— Сомневаюсь. Во-первых, я слышал вот что: если хочешь добиться успеха в обучении тери, начинать надо в раннем возрасте. А во-вторых, надо, чтобы тебе повезло и твой тери оказался способным. Видишь ли, все тери сильно отличаются по уровню интеллекта.

— Понятно, — разочарованно протянула девушка. — А я обрадовалась... думала, наконец у меня появится друг, с которым я смогу говорить.

— Адриэль, тери не умеют думать! При самом лучшем раскладе они просто подражают звукам человеческой речи. И потом, я вовсе не уверен, что ты захочешь, чтобы он говорил. Некоторым удается так хорошо воспроизводить звуки, что даже кажется, будто у них есть разум.

— Да, — нехотя согласилась Адриэль, — это немного пугает.

Тери мог бы в одно мгновение разрушить ложные представления Деннела, так как он был именно «говорящим» и не сомневался в том, что обладает мышлением. Однако он сдержался. Если людям отвратительна сама мысль о говорящем тери, что они скажут, если узнают, что существо, которое они считают бессловесным животным, слушает их разговор и понимает каждое слово? Пока они ему нужны — особенно сейчас. Сейчас он ранен, одинок и беспомощен. Нельзя рисковать и наживать себе врагов в их лице. Поэтому тери продолжал молчать.

— Кстати, — сказала Адриэль, — что означает само слово «тери»?

Деннел пожал плечами:

— Понятия не имею. Насколько мне известно, так их называли всегда. Возможно, название берет начало со времен Страшной Болезни.

Потом Деннел извинился и направился к голове колонны. Получше разглядев идущих вокруг людей, обладающих пси-талантом, Тери начал понимать, в каком трудном положении находится Адриэль. Ее спутники обменивались взглядами, иногда кто-то улыбался, кто-то вдруг начинал смеяться, однако речь использовалась лишь при общении с вычными животными; их понуждали, чтобы лошади двигались вперед.

Да, Адриэль действительно было здесь очень одиноко!

Когда на землю пали сумерки, караван остановился. Тери наконец сняли с носилок и позволили пройти несколько трудных шагов. Вначале онемевшие суставы причиняли ему сильную боль, но постепенно мышцы растянулись. Он начал медленно кружить по лагерю. Хорошо снова быть на ногах, иметь возможность передвигаться самостоятельно! Настроение у него улучшилось, но не слишком.

Остановившись, он заметил, что только две самые глубокие раны вновь кровоточат, да и то чуть-чуть. Адриэль прекрасно прочистила и перевязала его раны; дело довершила его животная жизненная сила.

Вскоре появилась и сама Адриэль; она несла в руках две миски. При виде ее улыбки у него по-теплело на сердце.

— Проголодался? — спросила она, когда он с трудом приковылял к ней.

Целый день она лишь понемногу поила его молоком, а теперь во второй миске принесла ему немного сырого мяса. На сей раз он ел медленно, наслаждаясь вкусом еды. Адриэль угостила его мясом проворного жвачного животного, которого называли «ма». Поймать ма считалось делом непростым; Тери понял, что среди пси-талантов наверняка немало хороших охотников.

Пока он ел, Адриэль что-то ласково приговаривала, осматривая его повязки.

— Похоже, ты быстро поправляешься. Совсем скоро ты снова станешь таким же, как раньше. — Вдруг она посерезнела. — И тогда, наверное, убежишь обратно в лес. Но знаешь, тебе вовсе не обязательно уходить. Мы будем хорошо с тобой обращаться — правда-правда! У тебя будет еда, кров и друг — я.

Тери задумался над ее словами.

Позже, сытый, заново перебинтованный, он вслед за Адриэль направился в то место, где беглецы готовили еду. Однако он остался на почтительном расстоянии от всех, довольствуясь крохами, которыми угождали его пси-таланты. Он едали не с радостью изображал из себя бессловесное животное.

При виде того, как едят носители Дара, он испытал чувство, схожее с благоговением: женщины быстро раздавали миски с едой, они скользили по столу во всех направлениях; в протянутые руки подавались лепешки, напитки разливались в кубки, еда накладывалась на тарелки, и каждый получал ровно столько, сколько хотел. И все без единого слова. Тишину иногда нарушали

только тоненький голосок Адриэль да чья-нибудь отрыжка.

Когда все насытились, столы свернули, посуду помыли и убрали, вся группа собралась вокруг самого большого костра. Казалось, они устроили нечто вроде совещания. Адриэль нерешительно попятилась: видимо, она не знала, что ей делать. Высокий мужчина улыбнулся, когда она опустилась на колени рядом с ним. Тери по-прежнему держался поодаль, но в пределах видимости; он наблюдал и внимательно слушал.

— Мы только что обсуждали, что нам делать, — объяснил Адриэль отец. — Похоже, нам придется скитаться по лесу долгие годы. — Внезапно он бросил неприязненный взгляд на Деннела, чье лицо высветилось в отблесках пламени на другой стороне.

В глазах Комака тери почти прочитал вызов, направленный молодому человеку.

— Я же просил общаться словами, когда присутствует моя дочь! Если не из снисхождения к ней, то, по крайней мере, из вежливости!

Деннел нехотя заговорил:

— Комак, ты не принимаешь во внимание мои соображения. Мы можем стать очень полезными для Китру — и даже для самого Верховного правителя Мекка. Только представь, какое сообщество разумных людей мы сумеем организовать для него! Благодаря нам он сможет в любое время знать, что происходит в самом отдаленном уголке его владений!

— Шпионить для Верховного правителя? — воскликнул кто-то. — Никогда!

— Послушайте! — вскричал Деннел. — Я показываю вам путь к спасению! Да и Мекк полу-

чит определенную выгоду от нашего сотрудничества!

— Ты бредишь, — заявил Комак. — Сейчас к Мекку практически невозможно подступиться. Он стал религиозным фанатиком. Попы напитали его ненавистью ко всему, что не является носителем Истинной Формы! А теперь в список врагов, нечестивых, включили и нас. Нет, боюсь, Мекк для нас недосягаем.

— А Китру? — не сдавался Деннел. — Благодаря нам он превратится в могущественного правителя!

Комак покачал головой:

— Китру боится Мекка и не посмеет ослушаться его приказов. Уж я-то хорошо его знаю, так как много лет был его советником. Китру жестокий, продажный и жадный человек, охочий до власти. Но стоит упомянуть Мекка, Китру поджимает хвост. Он не посмеет перечить новому Указу об истреблении. И даже наоборот. Он не задумываясь ужесточит указ. Он такой же фанатик, как Мекк, но захочет произвести выгодное впечатление на Верховного.

— Но мы ведь можем ему пригодиться! Мы можем стать полезными! — не сдавался Деннел.

— Ты хотел сказать «нас можно использовать»!

— Нет. Мы — люди! Граждане! С нами нельзя обращаться как с тери! Должен же быть какой-то выход!

— Человек является тем, кем хочет быть, — отрезал Комак, явно показывая, что разговор окончен. — В данный момент мы бежим, спасая свою жизнь, однако твое предложение кажется мне наихудшим выходом из положения. Неужели мы должны стать рабами? Орудиями тирана? По-моему,

нет. Даже если он согласится на некоторое время сохранить нам жизнь. Сейчас мы можем только бежать, но Рэб обещал, что однажды мы вернемся, и вернемся на собственных условиях!

— Рэб! — возмущенно воскликнул Деннел. — Загадочный носитель Дара!

— Но где же он? — спросила Адриэль. — Ответ на мой вопрос значит для меня куда больше, чем для всех вас. Многие из вас общались с тем человеком посредством своего Дара. Я довольствуюсь лишь тем, что услышала от вас, так сказать сведениями из вторых рук, и тем не менее я тоже здесь, в лесной чаще, бегу от всего, что мне было знакомо. Где Рэб? Мне казалось, он должен был присоединиться к нам здесь.

— Да, — согласился ее отец. — Не знаю, что с ним случилось. Возможно, он встретил свою судьбу — то, против чего предостерегал нас. Если бы только мы знали о нем больше, возможно, мы бы поняли, что с ним произошло.

— Не доверяю я вашему Рэбу, — заявил Деннел. — Откуда он столько всего знает? И почему мы раньше ничего о нем не слышали?

Комак пожал плечами:

— Я не в состоянии ответить на твои вопросы. Вполне возможно, он жил в крепости Мекка — может, именно оттуда он черпал свою информацию. Известно нам одно: его предостережение пришлось вовремя и было верным. Надо ли мне напоминать вам о той резне, о которой мы узнали опосредованно, на третью ночь после побега из крепости? Мы могли бы сами стать ее жертвами, если бы не Рэб!

Под его пристальным взглядом все поспешили отводили глаза.

— Ты не развеял моих подозрений, — сказал наконец Деннел. — Как Рэбу удалось связаться с теми носителями Дара, о которых не было известно всем? Адриэль — единственная Искательница в нашей провинции... Комак, я опасаюсь ловушки.

— Что ж, если даже Рэб подстроил нам ловушку, он первый в нее попадется. Он связался с нами посредством Дара, значит, он вместе с нами подпадает под Указ об истреблении! И вот еще что нужно знать вам всем: во владениях Китру прячутся неопознанные носители Дара.

Деннел ахнул.

— Неужели? Откуда ты знаешь?

— Наутро после резни, перед тем, как мы убежали дальше в лес, я спросил Адриэль, не ощущает ли она поблизости присутствия выживших. — Он повернулся к дочери: — Скажи им!

Адриэль покраснела и откашлялась.

— Несколько талантов прячутся где-то неподалеку. Их немного. Четверо, пятеро — но не более шести.

— Сейчас Китру, наверное, уже обнаружил их, — сказал Деннел.

— А может быть, и нет, — возразил Комак. — Бывает, носитель наделен скрытым Даром; возможно, они не догадываются о своих способностях. Следовательно, никто не знает, что они — таланты.

— Подумать только! — с печалью в голосе воскликнул Деннел. — Если раньше человек узнавал о том, что он наделен Даром, он мог гордиться! А сейчас Дар равносителен смертному приговору.

Кто-то сказал:

— Если Мекк, объезжая свои владения, случайно наткнется на неизвестных носителей Дара, он повесит Китру на его собственных воротах!

— Вот бы взглянуть! — воскликнул другой.
Деннел ничего не сказал.

— Нам это, тем не менее, не поможет, — сказал Комак. — Придется нам полюбить лес. Боюсь, он станет нашим домом очень, очень надолго.

На такой тоскливой ноте Адриэль встала, ушла к себе в палатку, и словесный разговор прекратился.

Тери обдумал услышанное. Мир людей пребывает в хаосе. Он сочувствовал положению Адриэль, однако остальных ему почти не было жалко. Собственное горе жгло его изнутри, и в его утрах были повинны люди.

Он улегся у костра и попытался заснуть. Завтра ему понадобятся силы. Потому что завтра он вернется домой.

IV

На следующий день Тери уже вполне мог передвигаться самостоятельно. Когда караван пси-талантов углубился в чащу, он незаметно ускользнул от них. Он не бросал своих спасителей; он собирался оставаться с ними, потому что сейчас ему некуда было идти, а они были сравнительно хорошо организованы.

Вчера он поел сырого мяса с молоком; утром ему дали то же самое. Еда помогла восстановить силы. Тери уверенно, хотя и не быстро, шел направик, продираясь сквозь густую листву. Он знал, куда направляется и что найдет там. Ему не хотелось покидать Адриэль. Так просто оставаться рядом с ней и забыть боль утраты! Но нельзя. Ему придется взглянуть в лицо ужасу.

Два дня назад они удачно поохотились. Тери охотятся с дубинками. Он двигался молниеносно, был силен и, когда хотел, мог передвигаться бесшумно, как насекомое. Теперь ему недоставало только дубинки.

В тот день он рано вернулся на поляну, у которой находилась пещера, служившая ему и его родителям домом. Он хотел устроить родителям сюрприз, порадовать их двумя поймаными им огромными дантами. Однако удивляться пришлось ему самому: на их поляну ворвался отряд незнакомцев в стальных шлемах и кожаных куртках.

Пригнувшись, молодой тери пополз по огороду — клочку земли, где они выращивали съедобные коренья. На полпути к пещере он заметил в зарослях маиса какую-то темную массу. Он подполз поближе.

На земле лежал его отец. Огромный, сильный отец, которому больше всего нравилось греться на солнышке и с непреходящим удивлением следить, как растут коренья и овощи, которые он выращивал под руководством своей жены. Теперь глаза отца невидящие таращились на лице, искашенном в маске предсмертной муки. Из тела отца торчала дюжина или больше оперенных стрел; красная кровь, уносящая жизнь, вытекла и разлилась огромной лужей.

Ярость и страх взорвались внутри молодого тери, и он не знал, какое из этих чувств сильнее. Однако он поспешил закрыть лицо руками и пригнулся к земле; он выждал, пока его перестало тошнить. Потом страх ушел. Осталась только ярость.

Он поднял охотничью дубинку.

Крепко сжав ее в руке, он, пригнувшись, побежал к пещере. Он бежал на звук человеческих голосов...

У входа в пещеру толпились солдаты. Они перекидывались шуточками и гоготали. И все пили вино, которое сделал его отец.

— Интересно, где они его украли! — сказал один солдат; у него по бороде текла красная струйка. — Вкусно!

У ног солдат лежала мать Тери; голова была почти отсечена от изуродованного тела.

Тут он потерял всякую осторожность. Хрипло крича и размахивая дубинкой, он набросился на солдат. Дикая, свирепая ярость поразила его самого так же сильно, как и солдат. Он слышал, как они кричат от страха, видел ужас в их глазах, когда ворвался в гущу толпы.

Вот и хорошо! Пусть солдаты тоже познают хоть часть того ужаса и боли, что испытали родители перед тем, как были жестоко убиты!

Лучники не успели натянуть тетивы, но мечи у солдат были обнажены и все — в запекшейся крови. Тери было все равно. Он хотел испачкать свою дубинку их кровью! Когда Тери приблизился, первый солдат поднял меч, но Тери отшвырнул его прочь и опустил дубинку на голову солдата. Тот уклонился, но недостаточно проворно. Дубинка скользнула по левой щеке. Кровь хлынула у человека из носа; у Тери стало одним противником меньше.

Он почуял движение справа. Не глядя размахнулся, вложив в удар всю свою силу. Дубинка ударила по плечу лучника; тот со стоном упал на землю. Следующий удар пришелся в шею третьему солдату с мечом.

В первые мгновения боя преимущество было на стороне молодого тери; солдаты лишь без толку размахивали кулаками и натыкались друг на друга. Вдруг он подумал: сейчас он перебьет их всех и полностью отомстит за родителей! Но людей было слишком много, и все они были опытными воинами. Тери не успел причинить им серьезных повреждений, когда дубинку выбили у него из рук. Кто-то ткнул его мечом между ребер.

Оставшись без оружия, раненый тери побежал. Ему легко удалось бы скрыться, если бы капитан не приказал солдатам сесть на лошадей.

— Не давите его! — услышал тери голос капитана. — Просто рубите, режьте его на куски! Сейчас позабавимся.

Они здорово позабавились. Все солдаты были отличными наездниками. Они отрезали ему путь к бегству, окружили его и изрубили мечами. Когда каждый солдат омочил меч его кровью, они позволили ему пробежать круг и даже удалиться на небольшое расстояние — но потом снова окружили и принялись кромсать на куски. К тому времени, как тери наконец рухнул в высокую траву, от него практически ничего не осталось.

— Сожжем его и двух других? — спросил один солдат.

— Времени нет, — задыхаясь, ответил капитан, оглядев с высоты лежащего тери.

— Но Мекк приказывает сжигать...

— У нас нет времени! И потом, если он еще не издох, его склюют стервятники! Они работают так же чисто, как огонь, только они действуют медленнее!

Тери хорошо запомнил лицо того капитана.

Поляна была в том же виде, в каком он с нее уползал, — если не считать хищных птиц. Он отогнал их от разлагающихся, полусъеденных останков, которые прежде были его родителями.

Мама... Папа...

У молодого тери перехватило горло; спотыкаясь, он побрел по поляне. До сих пор он даже не понимал, как сильно любил своих родителей, как много они для него значили, как важно было для него самого заботиться о них. Среди повседневных дел ласка и нежность не бросались в глаза, забывались. Родители. Они любили его, заботились о нем, беспокоились о нем — а он ни разу не поблагодарил их, ни разу не дал себе труда понять, как много значат для него родители, — до тех пор, пока не понял: их нет и больше никогда не будет. Никогда!

А они... знали? Догадывались о том, как сильно он их любит? Или умерли, так и не поняв, какими замечательными родителями они были...

Не обращая внимания на саднившие, едва затянувшиеся раны, он начал затачивать останки в пещеру. То, что ему предстояло, вселяло в него ужас. До сознания не доходило: жуткие зловонные останки — все, что осталось от двух самых близких и дорогих ему существ. От боли и ужасного запаха, царящего повсюду, к горлу подступала тошнота. Прежде чем он завершил дело, ему пришлось несколько раз из-за рвоты отходить в сторону.

Он отдыхал, восстанавливая силы, и вспоминал о родителях. В его памяти они навечно живы — хотя бы там он мог сохранить их живыми! Он вспоминал их семейную историю, узнанную по рассказам мамы. Когда он был маленьким, она часто усаживала его к себе на колени, обнимала и рассказывала...

Его отец был диким, звероподобным созданием. Он родился от одичавших родителей и вырос в дикости. Всю свою жизнь отец провел в лесу. И все же характер у него был мягкий; мясу он предпочитал ягоды, а охоте — сон на солнцепеке.

Мама была другой как внешне — кроме прямых родственников, нет двух тери, похожих друг на друга, — так и по своему происхождению. Она была по-кошачьи грациозна. В детстве она попала в плен к людям; ее вырастили в крепости, когда правителем был отец Китру. То было еще до того, как Мекк издал указ, призывающий истреблять всех, кто не является носителем Истинной Формы. Тогда считалось модным держать при дворе одного или двух тери, которые умели говорить и выступать перед гостями.

Одной из таких тери была его мать. Она развлекала гостей пением, рассказывала им сказки, читала множество выученных ею стихов. Однако со временем, несмотря на окружавшую ее роскошь, она устала от пустого существования домашнего зверька и сбежала в лес. Тогда она только начинала взросльеть.

В лесу она встретила своего будущего супруга, который совсем не умел говорить. Отец так и не научился говорить бегло — несмотря на то, что он обладал разумом, он слишком долго прожил на свете бессловесным. Однако ему удалось по-другому найти путь к ее сердцу. Вскоре у них родился ребенок.

Мать маленького тери научила его говорить и рассказала о его происхождении. Во времена Страшной Болезни многие живые существа изменились. Его способность мыслить — одна из таких перемен. Некоторые вещи она узнала, когда

жила в крепости. Малыш впитал в себя все, что мать сумела ему передать. Он был умен, любознательен, стремился учиться и выказал готовность говорить, хотя голос у него был хриплый и довольно неблагозвучный.

Однако сейчас, взбираясь по склону холма, под которым располагалась пещера, молодой тери не говорил ничего. Добравшись до вершины, он принял сбрасывать сверху вниз камень за камнем, пока вход в его бывший дом не оказался полностью заваленным. Эхо сотворенного им землетрясения отозвалось в ближней роще. Сгустились сумерки; он сидел один на скале и обозревал поляну, которая, сколько он себя помнил, была его домом.

Так тяжело... так теснит в груди... словно на него давит огромная тяжесть...

Тери трудно было разобраться в бурлящих в нем чувствах. Он не до конца понимал, отчего ему так трудно дышать. Мирная, безмятежная жизнь не подготовила его к испытаниям, и сейчас все в нем кипело и клокотало.

С ним поступили подло — с его родителями поступили подло! Им причинили вред. Допустили несправедливость. Такого с ним никогда прежде не случалось. Ему не приходилось сталкиваться с подлостью и несправедливостью. В лесу нет ни добра, ни зла, только нескончаемая борьба за существование. Все берут только то, что нужно, и не убивают понапрасну. Таким образом в природе сохраняется некоторое равновесие. Неосторожность влекла за собой боль и несчастье, бдительность награждалась безопасностью и — часто — полным желудком.

Пока тери сидел на скале, перед ним проплывали все новые образы прошлого. Ему удалось на

время забыть о них, пока он был занят тем, что хоронил останки родителей. Но теперь, покончив с делом, он смотрел на холодную, мертвую, пустую поляну, которая когда-то была для него воплощением уюта, тепла и безопасности. Он вспоминал, как его неуклюжий отец учил его плавать и охотиться. А холодными вечерами он часто сидел у входа в пещеру, согреваемый мамиными объятиями.

Грудь его непроизвольно дернулась, и к небу вознесся хриплый, надорванный стон, исполненный неприкрыто горя. Внезапно он кубарем скатился с холма, в спешке два раза чуть не упав, и выбежал на поляну.

Он забегал по поляне из конца в конец, плача, скуля. Ему ужасно хотелось сейчас сломать, разбить, уничтожить все, что подвернется ему под руку. Добежав до огорода, он схватил грубую мотыгу, которой отец обрабатывал землю, и начал косить направо и налево стебли маиса и другие растения. Уничтожив огород, тери вернулся к подножию холма, набрал в руки побольше камней и начал с яростью кидать их в завал, образованный у входа в пещеру. Некоторые камни легко отскакивали от завала, другие с треском раскалывались от удара. Плача и стеная, он швырял один камень за другим, пока не открылись его раны и силы у него полностью не иссякли. Тогда он упал на колени, прижался лбом к земле и зарыдал — горько, от всей души.

В нем зрело новое чувство, которое он пока что мог только назвать. Месть! Если бы его родителей убили из-за добычи, если бы их растерзал крупный хищник семейства кошачьих, которые наводнили лес, ему бы и в голову не пришла

мысль о мщении. Так было всегда. Так устроен мир. Его родители были бы тогда мертвы — как они мертвы сейчас, — но равновесие в мире не было бы нарушено.

Тери поднял голову. Ни мать, ни отец никогда не причиняли вреда человеку, никогда не угрожали людям. Наоборот, они всячески избегали любого общения с людьми. И все же солдаты ворвались в их дом, жестоко убили их и оставили гнить. Поступку людей нет оправдания. От их жестокости все на свете перекосилось, искалось. Пока не восстановится равновесие, мира не будет!

Тери дал себе обет не забывать того капитана.

Он стоял и смотрел на развалины своего дома. Отныне он порвет все связи с прошлым. Начиная с сегодняшнего дня он становится беглецом. Тери объявлены вне закона? Значит, он примкнет к людям-беглецам, которых он встретил в лесу. Пусть его родителей больше нет; он их никогда не забудет.

А еще — он никогда, никогда в жизни не забудет лицо того капитана!

V

Когда Тери отправился в обратный путь, солнце перевалило за полдень. Пси-таланты, должно быть, шли с самого утра, не останавливаясь, поэтому Тери побежал наискосок, срезая дорогу. Ему хотелось поскорее догнать их.

Он шел по краю поля, но вдруг насторожился, замер на месте, а потом залег в высокой, густой траве. Принюхавшись, он сильно встревожился. Шерсть у него на затылке встала дыбом.

Там, впереди, опасность! Страшная, неведомая опасность! Мышцы тери напряглись, челюсти лязгнули. Он изготовился к прыжку.

Но в чем дело?

Он без устали оглядывал окружающую его местность — поле, деревья. Он пытался угадать намек на движение. Откуда исходит неведомая угроза?

Все было тихо.

Тери неуверенно шагнул вперед и нутром ощущил, что опасность стала ближе. Его сковал леденящий ужас; надвинулось предчувствие неминуемой гибели... Мозг отдал соответствующий приказ нервным окончаниям. Однако никакого осозаемого подтверждения своим страхам он не находил. Разумом тери понимал, что бояться вроде бы нечего, однако ноги словно отказывались слушаться и приросли к месту. Что-то внутри его — глубоко внутри — предупреждало его о таящейся здесь грозной опасности.

Тери снова опустился на все четыре конечности и устремил взгляд в тень у подножия двух растущих поблизости деревьев. Может, здесь находится логово какого-нибудь крупного хищника? Вечерний ветерок принес запах смерти, смешанный с вонью экскрементов...

Он ничего не видел.

Может быть...

Вот оно! В темноте между стволами двух высоких деревьев... что-то мерцало. Нет, не «что-то»; на самом деле на поляне словно бы ничего и не было. Тери видел просто небольшую затененную поляну размером с хижину. Поляну накрывало пятно. Пятно мерцало и переливалось, как дымка, — так бывает, если в жаркий безветренный день поднять голову и посмотреть вверх.

Выйдя в поле, Тери осторожно обошел пятно кругом, стараясь не подниматься и не подходить слишком близко. Оно по-прежнему мерцало и колебалось, но ни с одного места он больше ничего не видел; вроде бы никакой угрозы оно не представляло. Да, за свою короткую жизнь он ни разу не сталкивался ни с чем подобным, но и бояться на первый взгляд тоже было нечего.

Почему же пятно вселяет в него такой ужас?

Он решил выяснить все поподробнее. Медленно, шаг за шагом, заставляя он себя приблизиться к пятну. И с каждым шагом его все сильнее терзали страх и невыносимый ужас. Тери показалось, будто горло и грудь ему оплели виноградные лозы — оплели крепко и душат. Сердце бешено колотилось, отдаваясь в ушах барабанным боем, воздух вокруг словно сгустился. Тери стало холодно. Его окутало плотное облако неминуемой гибели. Наконец ноги отказались служить ему. Решимость его поколебалась, и вскоре он обнаружил, что бежит, задыхаясь, по полю — подальше от мерцающего ужаса.

Когда Тери все-таки заставил себя остановиться, оказалось, что он находится на противоположном конце поля. Он привалился к стволу дерева, дрожа и тяжело дыша. Мех был мокрым от пота; от ночного ветерка пробивал озноб.

Он никогда раньше не ведал такого страха. Даже когда солдаты напали на него, стали рвать на куски и он был уверен, что умирает, даже тогда он так не боялся!

Какой же чудовищный ужас кроется в пятне?

Тери подождал, пока сердце не забилось по-всегдашнему ровно, пока не восстановилось дыхание. Потом он углубился в чашу. Ему по-прежнему хо-

телось знать, что кроется за мерцающим ужасом. И он непременно все выяснит — но потом, не сейчас. После Страшной Болезни на свете появилось много странного, страшного и непонятного; но мерцающий ужас — несомненно, одно из самых загадочных явлений. Может быть, стоило залезть на дерево и посмотреть на пятно сверху...

Не сегодня.

Сегодня он слишком устал и измучен. Сейчас ему хотелось одного: поскорее разыскать пси-талантов, поесть и прилечь на ночь у большого костра.

Оставляя солнце у левой щеки, тери бежал дальше в лес. Довольно скоро он набрел на чью-то однокую хижину. В хижине никого не было. Он заметил сбоку печь для обжига и сушки, вокруг которой были навалены грудой глиняные горшки и миски. Печь была холодная: в ней давно не разводили огонь. Он заглянул внутрь — пусто и чисто; на полу соломенный тюфяк, в углу очаг.

Тери решил, что здесь, должно быть, живет и работает тот человек, который первым нашел его в лесу после того, как ушли солдаты. Человек, которого зовут Тлад. Некоторое время тери колебался. Может, стоит подождать, пока вернется Тлад? В конце концов он решил идти дальше. Он многим обязан этому человеку — и не только благодарностью. Но как выказать ему свою признательность? Из разговоров между Адриэль и другими пси-талантами он понял, что Тлад — одиничка, который нелегко заводит себе друзей; видимо, ему почти не нужно общество других. Значит, он, скорее всего, не захочет, чтобы рядом с ним находился тери.

Лучше уйти сейчас, чем навязываться своему спасителю.

Тери пошел в лес. Только в лесу его место; только там он может чувствовать себя как дома.

Отыскивая место, где пси-таланты стали лагерем, он вдруг почувствовал ужасную усталость. Он брел все медленнее. Физическое и эмоциональное напряжение трудного дня дало о себе знать. Добравшись до рощицы с молодыми деревьями и высокой густой травой, он решил отдохнуть. Ветерок принес ему запах человека; откуда-то неподалеку доносились и голоса.

Он встал и затрусиł вперед, но вдруг замер.

Погоди!

Прошло слишком мало времени; он никак не мог успеть нагнать пси-талантов. Кроме того, таланты молчат, а не болтают, как эти — весело и беззаботно. Тери молча заскользил вперед, прячась в густой траве. Надо все разведать!

Группка из шести человек отдыхала в тени, а их лошади паслись неподалеку. Кожаные куртки... стальные шлемы... Солдаты!

Его отчаяние вдруг переродилось в дикую, слепую ярость. Но он остался на месте. Он понимал, что силы его на исходе и даже при самых благоприятных условиях прямое нападение, к которому призывало его сердце, стало бы самоубийством.

Тери осторожно обошел солдат и потрусиł дальше. Он знал: его час настанет. Ему остается только одно: ждать. И потом... среди солдат не было того капитана.

Вскоре после того, как Тери обнаружил отряд солдат, он встретил пси-талантов. По каким-то неясным причинам они рано остановились на ночлег и сейчас хлопотливо устраивали лагерь. Адриэль первой заметила его.

— Это тери! — закричала она, вскакивая на ноги и чуть не опрокидывая миску, стоящую у нее на коленях. — Он вернулся!

На ее крик из хижин высыпали и другие носители Дара. Но вскоре все они вернулись к своим делам. Адриэль поспешила вперед, упала перед тери на колени и обвила его шею руками.

— Ты вернулся! — шептала она, обнимая его. — Мне сказали, что ты ушел насовсем, но я знала, что ты вернешься!

Тери стало приятно, что кто-то радуется ему. Однако он понимал: сейчас не до ласк и нежностей. Отряд солдат-разведчиков подошел очень близко к лагерю пси-талантов. Так близко, что скоро они неминуемо их обнаружат. Солдат всего шестеро, так что можно не опасаться нападения; но если позволить разведчикам беспрепятственно вернуться в крепость Китру, они скоро явятся с подкреплением. Если солдатам станет хотя бы приблизительно известно о местонахождении пси-талантов, всех их ждет неминуемая гибель. Надо их предупредить!

Но как?

Заговорить тери не осмеливался — из страха. Пока ему не хотелось, чтобы таланты знали о его способностях... и о том, что он наделен разумом. Если он их предупредит, то выдаст себя. Люди помогли одинокому раненому существу, брошенному умирать в лесу; они испытывали к нему сочувствие. Однако кто может поручиться, что они захотят и дальше терпеть рядом с собой говорящее, думающее и, главное, все понимающее существо!

Значит, надо действовать по-другому.

Вырвавшись из объятий Адриэль, он подбежал к ее отцу. Обхватив длинными пальцами руку Ко-

мака, он попытался утянуть его от ямы, которую тот копал вместе с остальными.

— Адриэль! — закричал Комак, стряхивая с себя тери. — Забери от меня своего любимца, иначе сегодня вечером у нас не будет костра!

— По-моему, он голодный, — ответила девушка и пошла за мясом.

Первая попытка не удалась. Поскольку сказать словами ничего было нельзя, у тери оставался единственный выход.

Стрелой несясь между деревьями, он не обращал внимания на крики зовущей его Адриэль. Скоро он исчез в чаще. У него не ушло много времени на то, чтобы вновь обнаружить разведчиков, — они находились в опасной близости от лагеря. Вскоре они неминуемо должны были набрести на талантов. Тери быстро пошарил по земле и вскоре нашел камень размером со свой кулак; он влез на дерево, переполз на ветку, нависшую над тропой, и стал ждать.

Разведчики ехали цепочкой по одному и ворчали, жалуясь на жару и трудный путь. Когда под ним проехал последний, тери швырнул ему в голову камень и спрыгнул с ветки. Камень с глухим стуком отскочил от стального солдатского шлема и ударил разведчика по затылку. Лошадь встала на дыбы; всадник сполз на землю. Тери соскочил на землю, подбежал к упавшему солдату, сорвал с его головы шлем и нырнул в кусты.

Тери не знал, убил он солдата или только ранил; главное — потеря одного члена отряда ненадолго задержит разведчиков, и у пси-талантов появится время, чтобы подготовиться к встрече.

Сжав ободок шлема зубами, он понесся так быстро, как только мог на своих израненных конеч-

ностях. Добежав до лагеря, он прямиком направился к Комаку. Как только высокий вождь увидел стальной шлем, окровавленный у ободка, он все понял и немедленно начал действовать. Вскочил на ноги и огляделся по сторонам. Не прошло и секунды, как в лагере закипела работа.

— В чем дело, отец? — спросила Адриэль, понимая, что ее отец только что отдал какой-то приказ.

— Солдаты! Твой любимец нас предупредил!

— Тери? — Полными изумления глазами смотрела она на него, пока отец подтолкнул ее к их наполовину поставленной палатке. — Вот молодец!

— Не думал я, что люди Китру отважатся так далеко забраться в лес... но тери убежал всего несколько минут назад. Солдаты близко... они вот-вот будут здесь!

Адриэль побледнела.

— Что же нам делать?

— Нам остается только одно. — Комак торопливо свернул полотнище палатки и небрежно кинул его в кусты. — СпастисЬ бегством мы не успеем — хотя Деннел, кажется, думает, что так будет лучше всего.

Через всю поляну он посмотрел на молодого человека. Посреди общей суматохи тот выглядел странно — стоял на одном месте, опустив руки. Видимо, он не знал, как ему поступить.

— Нам нельзя драться с ними! — воскликнула Адриэль.

— У нас нет выбора! Если они найдут только что покинутый лагерь, это все равно что они найдут нас! Они вернутся в крепость, и скоро по нашим следам пойдет настоящая охота. Сейчас здесь, видимо, только разведчики. Нам остается одно: рас-

ставить капкан и понадеяться, что солдат окажется не слишком много.

Палатки быстро свернули; женщин и детей уселись с поляны, навьючив их всем, что они могли унести. Двадцать мужчин с натянутыми луками взбрались на деревья, окружающие поляну.

— Ты пойдешь со мной. — Адриэль ухватила Тери за загривок и потянула его за собой. — Здесь будет слишком опасно!

Тери неохотно последовал за Адриэль и теми, кто не участвовал в боевых действиях. Однако, пройдя совсем немного, он вырвался и во весь опор понесся назад, к лагерю. Ему нужно видеть, что произойдет!

План Комака оказался ужасно прост. Забравшись на дерево, Тери увидел, как отряд разведчиков — один из которых потирал непокрытую, окровавленную голову — вступил на поляну. Они по-прежнему двигались по одному, друг за другом. Солдаты внимательно осмотрели насекоро засланный костер и стали тихо переговариваться между собой. Земля, которой закидали костер, была еще свежей; теперь солдаты были настороже.

Тери заметил Комака, который следил за солдатами с другого дерева. Почему он не отдает приказа стрелять? Чего ждет? Все разведчики здесь!

Потом Тери понял: Комак не знает, сколько солдат в отряде. И потому выжидает, желая убедиться в том, что в ловушку заехали все солдаты до одного.

Тери задумался. Что бы предпринял он сам, будь у него под началом отряд из двадцати талантов-лучников? Возможно, он назначил бы каждому лучнику свою цель, чтобы в каждого из солдат попало по меньшей мере три стрелы; еще двух

лучников он оставил бы в резерве. Потом он отдал бы мысленный приказ...

Внезапно он услышал звон: одновременно по врагам ударили стрелы, спущенные со многих тетив. Пятеро солдат вскрикнули: каждого пронзили три стрелы, пущенные из различных мест. Они зашатались, повалились на землю и скорчились там. Шестой вовремя наклонился, чтобы осмотреть траву; стрела лишь задела его плечо. Увидев, какая участь постигла его спутников, шестой развернулся и побежал в кусты. Но две стрелы, пущенные из резерва, остановили его, не успел он пробежать и шести шагов.

За время битвы не было произнесено ни единого слова; после победы не было слышно криков радости. Если бы не стоны умирающих, не шелест листвы, не пение птиц и не скрип насекомых, тери показалось бы, что он оглох. Позже ему в голову пришла другая мысль: будь пси-талантов побольше и будь у них сильнее боевой дух, они вскоре стали бы полными хозяевами в лесу и представили бы серьезную угрозу для Китру... а может, и для самого Верховного правителя Мекка.

Возможно, Верховный правитель включил носителей Дара в список существ, подлежащих уничтожению, не только из религиозных соображений.

Тери спрыгнул с дерева и поспешил осмотреть убитых солдат, надеясь, что они — именно те, кто напал на его дом и убил его родителей. Но даже если это не они, он все равно хотел отпраздновать победу. Как-никак, убитые были солдатами Китру и заслуживали самой худшей участии!

Но когда он добежал до трупов и заглянул в мертвые лица, он, как ни странно, не испытал никакой радости. Оказалось, что он не может дол-

го смотреть на застывшие, искаженные черты. Несомненно, при жизни все солдаты были грубыми и жестокими, но сейчас, после смерти, на их лицах пропало нечто возвышенное.

Тери стало холодно. В душе было пусто. Медленно отошел он на край поляны и прилег на траву.

Прежде чем вернуть из чащи женщин и детей, трупы солдат тщательно забросали палой листвой. Их лошадей присоединили к общему табуну.

Когда женщинам и детям сообщили о победе и разрешили вернуться в лагерь, они выбежали на поляну. Ни один из носителей Дара в схватке не пострадал. Адриэль бежала впереди остальных. Тери снова от нее сбежал, и она надеялась, что он не угодил ненарочком в капкан, расставленный отцом.

Она облегченно вздохнула, увидев, как он, понурившись, сидит один на краю поляны. Будь он человеком, можно было бы подумать, что он подавлен. Адриэль тут же одернула себя. Какая глупость! У животных не бывает плохого настроения; они не испытывают подавленности!

Все принялись спешно готовиться к ночевке — вновь ставили палатки, разводили костры. Адриэль огляделась, ища глазами Деннела, но его нигде не было видно. Она стала расспрашивать о нем, однако с тех самых пор, как Комак принял решение напасть на разведчиков, а не бежать от них, Деннела никто не видел.

— Где Деннел? — спросила она отца. — Его ранили?

Комак поморщился в бороду:

— Деннела? Ранили? Вряд ли. Он сбежал еще до начала стычки.

У Адриэль упало сердце.

— Надеюсь, с ним все будет в порядке.

— Он вернется, — сказал ей Комак. — Он не умеет заботиться о себе — как не умеет постоять за себя. Мы нужны ему, хотя он нам не нужен.

— Он всегда был добр ко мне.

Комак обнял дочь за плечи и рассмеялся:

— Только по одной этой причине я буду рад его возвращению!

— Но неужели Деннел и правда такой трус? Он говорит, что просто много думает о том, как сохранить Дар.

— Я знаю, что он говорит. Но знаю я и то, что он смертельно напуган.

— И я тоже!

— Знаю. Я тоже боюсь.

— Ты?! — потрясенно переспросила Адриэль. — Мне казалось, ты ничего не боишься!

— Одна видимость, милая. Я очень напуган. Вот почему мне требуется любая помощь, какую я сумею получить. Некоторое время назад, когда мы сидели в засаде, я думал, что у меня двадцать один лучник. Однако один из них сбежал. Деннел! Готов поспорить, он до сих пор бежит.

— Бедный Деннел!

— Я знаю, он твой друг; ты готова поверить ему, когда он красиво рассуждает о возможности существования носителей Дара и Мекка. Но он заблуждается. Опасно заблуждается!

— Но он хочет сохранить Дар!

Комак фыркнул.

— Так он говорит. Он вбил себе в голову, что нам стоит разбиться на мелкие группы. Таким об-

разом, если Мекк решит покончить со всеми нами, можно быть уверенными в том, что некоторые из нас выживут и сохранят Дар.

— По-моему, его план вполне разумен.

— Только на первый взгляд. На самом же деле я не думаю, что Деннела волнует одно лишь сохранение Дара. Больше всего его заботит сохранение самого Деннела.

Замечание отца задело Адриэль, однако она ничего не сказала.

Комак помолчал, затем выразительно улыбнулся.

— И потом... сегодняшние события доказывают: иногда выгоднее путешествовать большими группами, члены которых могут общаться мысленно и с большой скоростью. По-моему, парня давно подмывало сбежать от нас. Впрочем, его судьба меня не особенно тревожит. Я уверен: он-то о нас не беспокоится. Зато твой тери показал себя настоящим другом — он стоит троих таких, как Деннел.

Адриэль повернула голову и увидела, что ее любимец опустился на четыре лапы и бродит между пси-талантами. Никто не пытался игнорировать его, никто не отталкивал его, когда он загораживал дорогу. Все улыбались ему, наперебой подзывали к себе, почесывали ему спину, угощали. Он стал своего рода героем и заслужил определенное место в племени.

— Надо тебе придумать ему имя, — заметил Комак. — Странно, что ты до сих пор никак не назвала его.

— Я не знала, что он останется с нами. Наоборот, была почти уверена в том, что он убежит.

— Что ж, похоже, некоторое время он пробудет с нами. Нельзя же называть его по-прежнему, просто «тери».

— Я придумаю ему имя; только хочу, чтобы имя было хорошее.

— Отлично. Надо сделать все возможное, чтобы он к нам привязался. Он зарекомендовал себя ценным сторожевым животным.

— Как по-твоему, не странно ли, что он предупредил нас? — спросила Адриэль, наблюдая за любимцем.

— Что ты имеешь в виду?

— Он как будто знал, что нам угрожает опасность от солдат; он специально принес шлем, чтобы предупредить нас.

Комак расхохотался:

— Не спорю, твой любимец сообразителен, но не настолько же! Мне кажется, он просто по-своему отплатил солдатам за то, что те его мучили. Ведь они позавчера изрезали его чуть ли не на куски. Тери напал на разведчиков и инстинктивно схватил одного из них, а шлем принес нам как трофей.

— Но он принес шлем не кому-нибудь, а именно тебе!

— Многие домашние животные поступают так же. Нам повезло, что твой тери ненавидит и боится людей Китру так же сильно, как и мы. Просто у него чувства изощреннее наших. Он почуяет их приближение задолго до нас.

— Наверное, ты прав, — ответила Адриэль, однако ей по-прежнему казалось, будто сегодня ее любимец действовал очень целенаправленно.

На следующее утро группа рано покинула лагерь и углубилась в лесные дебри. Сквозь ветки деревьев светило солнце. Деннел так и не объявлялся.

— Не волнуйся, — утешал Адриэль отец. — Он нас нагонит. Мы захватим с собой его палатку.

К тому времени, как они остановились на ночлег, солнце запуталось в ветвях деревьев. Кое-кто из пси-талантов даже не позаботился о том, чтобы расставить палатку. Они наскоро поужинали вяленым мясом и легли спать под открытым небом. Наутро они проснулись от мелкого дождика.

Усталые, продрогшие, измученные носители Дара собрались вокруг костра и долго молча совещались. Наконец Комак сердито взмахнул руками и направился к тому месту, где сидели Адриэль и Тери. Остальные таланты медленно возвращались к своим делам.

— Что случилось, отец?

— Они хотят остаться здесь. Нам нужно отойти как можно дальше от крепости, но женщины устали, дети плачут. Все согласились, что с них довольно.

— Я тоже устала.

— Мы все устали! — отрезал Комак, но тут же смягчился. — Извини. Я уже говорил тебе, что не хотел становиться вождем. Что ж, придется уступить большинству. Однако я буду настаивать на том, чтобы выставить часовых и тщательно обследовать местность. Прежде чем мы устроимся здесь, необходимо проверить, насколько здесь безопасно.

VI

— Еда! — жалобно повторяла Адриэль, держа в вытянутой руке кусочек мяса. — Ну скажи же: е-да.

Тери ничего не говорил. Просто смотрел на Адриэль. Ему нравилось смотреть на нее. Нравился ее веснушчатый нос и рыжие прядки в светлых волосах.

Солнце прошло уже полпути к зениту; Адриэль с самого завтрака дрессировала тери. Ее никак нельзя было упрекнуть в недостатке упорства. Казалось, девушка преисполнилась решимости научить своего любимца говорить.

Тери испытывал противоречивые чувства. Он не знал, правильно ли будет начать говорить. В глубине души ему очень хотелось угодить Адриэль, порадовать ее. Наконец он решил уступить и произнести хоть одно слово. Только ради нее. Он притворился, будто подражает ее выговору.

Изобразив великое напряжение, он отрывисто и хрипло рявкнул:

— Еда!

Адриэль широко раскрыла глаза от изумления.

— Еда! — повторил он.

При звуках незнакомого голоса Комак, сидевший рядом на корточках, повернулся голову:

— Неужели?..

— Да! — еле слышно выговорила Адриэль. — Это он! Он говорил! Ты слышал? Он заговорил!

Она быстро отдала тери кусок мяса, который держала в руке, и взяла еще один. Однако демонстрация новообретенных способностей тери была прервана появлением одного из часовых, которого Комак отправил охранять лагерь.

Посовещавшись с разведчиком без слов, Комак повернулся к дочери:

— Похоже, скоро ты нам понадобишься.

— Да? — Адриэль не очень удивилась; тери показалось, что девушка готова к подобному повороту событий.

— К востоку отсюда наши разведчики обнаружили крохотное поселение. В нем насчитывается

двадцать—тридцать жителей. Один или двое из них могут оказаться талантами. Обнаружить носителей Дара способна только ты.

Двенадцать глинобитных хижин с полукруглым верхом окружали довольно большую пустую площадку. Адриэль жестом приказала тери сидеть вдали от посторонних взглядов, в кустах.

Нервы ее были напряжены. Она волновалась, не зная, что ждет ее впереди. Когда Адриэль и Комак приблизились к хижинам, девушка крепко схватилась за руку отца.

— Здравствуйте! — крикнул Комак, когда они вышли на середину площадки. — Здравствуйте! Мы пришли с миром! Мы хотим поговорить с вами!

Медленно, по одному, обитатели крошечной деревушки стали выбираться из своих жилищ. Они с любопытством взорвались на пришельцев, перешептываясь и показывая на них пальцами, однако ничего не говоря чужакам. Было заметно: люди стараются держаться поближе к своим домам.

Адриэль отпустила руку отца и пошла к людям. Сейчас Комак был не в состоянии ей помочь. Только она умеет находить носителей Дара.

Никто не понимал, что такое Дар, и Адриэль не была исключением. Ее мать, перед тем как заболела и умерла, тщетно пыталась что-то ей объяснить. Мама говорила: отчасти, наполовину, Дар — это некий внутренний голос, который, однако, не всегда выражается словами. Он приводится в действие и передается волевым усилием. Другая половина Дара заключается в способности к восприятию подобных внутренних голосов других. Способность воспринимать действует постоянно, если только ее

сознательно не отключить. Большинство талантов впервые узнает о своей способности общаться мысленно именно благодаря особой восприимчивости.

Адриэль ничего не поняла из того, что говорила мать. Сама она не умела ни передавать, ни принимать мысли на расстоянии. Она ощущала лишь легкое покалывание, жжение, звон — смутное ощущение, которое ей никак не удавалось нацелить в нужное русло. Для тех, кто обладал истинным Даром, восприятие было ненаправленным. Перед их глазами возникали образы, в голове складывались четкие представления и понятия. Но откуда они брались?

Адриэль могла определить, откуда приходит другой голос. Именно поэтому она сейчас и была здесь. Отец поручил ей проверить, нет ли среди жителей заброшенной деревушки в лесу носителей Дара.

Адриэль закрыла глаза. Очень сильный Дар! Она явно чувствует его!

Она медленно повернулась кругом. Раз. Еще раз. Потом остановилась и открыла глаза. Она увидела мужчину, женщину и ребенка — судя по всему, мальчика лет десяти.

Слабое знакомое ощущение недоступного ей Дара, которым обладал ее отец... Однако голову покалывало и спереди; значит, все дело в троице, стоящей перед ней. Она двинулась вперед, руководствуясь своими ощущениями, и покалывание стало сильнее; оно становилось сильнее с каждым шагом. Наконец она подошла к троице на расстояние вытянутой руки.

Мужчина был обычным человеком, а вот женщина и мальчик оказались несомненными носителями Дара. Причем сильными. Одну руку Адри-

эль положила на плечо женщины, другую — на голову мальчика. Потом она посмотрела на отца.

Двое носителей Дара вслед за нею повернули голову к Комаку; тут-то он и связался с ними мысленно. Лучась улыбкой, тряхнув рыжей гривой, он поманил их к себе.

— Чего вы хотите? — спросил сбитый с толку муж, взволнованно переводя взгляд с Адриэль на ее отца и обратно.

— По-моему, ничего страшного, — прошептала его жена. — Пойдемте с ней!

Все трое следом за Адриэль пошли к тому месту, где стоял ее отец.

— А теперь объясните, что все это значит! — потребовала женщина, когда остальные обитатели деревни уже не могли их слышать. Голос у нее оказался резким, неприятным.

— Мы не хотим причинить вам вред, — сказал Комак.

— Это мы еще посмотрим!

Женщина держалась подозрительно и враждебно. Ей явно было не по себе; она резким движением откинула назад черные волосы. Адриэль решила про себя, что этот талант не очень ей нравится.

Женщина добавила:

— Кстати, говорите вслух, чтобы мой муж мог вас понимать!

— Они — носители Дара? — спросил муж.

— Да! Только бы они нас не выдали!

— Значит, вам известно о том, что вы в опасности, — сказала Адриэль.

Женщина печально кивнула. Заметив, как от страха исказилось ее лицо, Адриэль пожалела женщину.

Мы все напуганы. Страшно напуганы!

— Мы путешествуем с отрядом носителей Дара, — сказал Комак. — После резни, учиненной Китру в крепости, выжили только мы. Мы хотим, чтобы вы пошли с нами. Сейчас нас пятьдесят три человека; нам нужны все носители Дара, которых мы сумеем отыскать.

— Зачем? — спросила женщина.

— Ради нашей общей безопасности, конечно. Скоро в крепость прибудет с визитом Верховный правитель Мекк; сейчас Китру обшаривает леса в поисках тери и носителей Дара. Он готовится к приезду своего владыки.

Мужчина покачал головой:

— Мы останемся здесь.

— Здесь опасно, — возразил Комак. — Люди Китру рано или поздно набредут на вашу деревушку в лесу; кто поручится, что у них нет Искателя, который мигом выявит твою жену и ребенка — так, как это сделали мы? И Китру не сжалится над ними.

— Здесь мы отрезаны от мира, — заявил мужчина. — Почти затеряны в лесах. Мне приходилось два или три раза бывать в крепости; никто там даже не знал о существовании нашей деревни. А здесь никто, кроме меня, не знает о том, что мои жена и сын — таланты. По-моему, мы можем рискнуть и остаться здесь.

Адриэль испытала разочарование, услышав отказ мужчины. Ей было жаль и их, и себя. Если бы семейство пошло с ними, она могла бы общаться словами хотя бы с мужем.

— Ладно, — произнес Комак после паузы. — На тот случай, если вы передумаете, мы будем медленно передвигаться на запад, а вечером станем лагерем.

— Спасибо, — отозвался глава семейства. — Но кочевая жизнь в лесу не для нас. Мы остаемся здесь, и будь что будет.

Одну руку он положил на плечо жены, другой обнял сына, и все трое зашагали назад, в деревню.

— Никогда не слышала, чтобы женщины с пистолетом выходили замуж за обычных мужчин, — заметила Адриэль, когда они с отцом повернули назад, в лес.

— Такое случается, но крайне редко. Двою влюбленных носителей Дара связаны более прочными узами взаимопонимания, чем обычные люди. Но та женщина и ее сын — единственные таланты во всей округе; возможно, она считала, что, кроме нее, других носителей Дара вообще не существует. Она не знает, чего лишает себя и ребенка. — Взгляд Комака сделался отсутствующим, как будто он больше не видел леса, по которому шел.

— Я желаю им только добра, — сказала Адриэль после паузы, желая привлечь к себе внимание отца. — Требуется большое мужество для того, чтобы остаться в заброшенной деревушке и подвергаться риску быть уничтоженными.

— Или большая глупость. Зачастую смелость и глупость — почти одно и то же.

VII

Через четыре дня после встречи с отрядом разведчиков вернулся Деннел. Тери почувствовал его приближение заранее, однако первой из людей заметила его Адриэль. Она подбежала к Деннелу. Тери держался рядом.

— Деннел! Ты вернулся! Как ты нас нашел?

Молодой человек отвел глаза в сторону:

— Я подслушивал мысленные переговоры.

— С тобой все в порядке?

— Да, наверное, — ответил Деннел. Казалось, ему очень не по себе. — Я... мне нужно найти свою палатку. Извини.

— Бедняга, — сказала Адриэль, глядя ему вслед. — Ему просто стыдно, что он сбежал!

Тери показалось, что за странным поведением Деннела кроется что-то еще, однако как выяснить, в чем тут дело?

Следующие несколько дней Деннел держался отчужденно.

Адриэль и Тери быстро стали неразлучными и почти не обращали внимания ни на Деннела, ни на остальных. Он позволил ей «научить» его еще нескольким словам; Адриэль проводила с Тери почти все время. Она гладила его по спине, разговаривала с ним, пока они блуждали по усыпанным листьями тропам возле лагеря. Беседуя со своим любимцем, девушка изливала ему душу.

— Как жаль, что ты не можешь меня понять, — говорила она, словно он был ей равным. Они сидели на травянистом холмике и наблюдали, как пестро окрашенные птички, живущие на деревьях, хлопочут вокруг своих гнезд. — Но я хотя бы уверена в том, что твои уши слушают меня одну. Когда я разговариваю с тобой, ты параллельно не ведешь мысленной беседы еще с кем-то.

Тери понял: такое не раз происходило с девушкой в прошлом.

— Ты и понятия не имеешь, как тебе повезло, — продолжала Адриэль. — Тебя ничто не держит. Ты волен приходить и уходить, когда вздумается; и у нас, и вдали от нас тебе хорошо... А я — я привяза-

на к людям, которые чувствуют себя оскорблёнными, если им приходится общаться при помощи языка! — Она рассмеялась. — Когда-то давно я хотела стать светской дамой! Можешь себе представить, о чём я мечтала? Я думала: вот сын какого-нибудь знатного человека влюбится в меня, и однажды я поднимусь в верхние слои общества. Но потом Мекк издал новый указ, и вот последние месяцы я живу в лесу, точно дикарка.

Тери склонен был полагать, что Адриэль — дивное создание. И вместе с тем он ее жалел. Она была молода, неопытна, готова в любую минуту вступить в пору женственности. Однако рядом с нею находится только он, огромный, неуклюжий зверь с клыками. Ей хочется любить и быть любимой, перестать бежать и скрываться; она тоскует по спокойному существованию, которое у нее было бы, не родись она Исследательницей.

Тери отчаянно хотелось хоть чем-то ей помочь.

Шли дни, и Тери заменил ей все, о чём она мечтала. Он купался в ее нежности и ласках. Она специально проводила больше времени у костра, поджаривая ему мясо особенным образом; она вырезала для него из дерева миску для еды и расписала ее. Она освоила ткацкий станок, соткала ему подстилку, и Тери больше не спал на голой земле.

Окруженные завесой молчания, они сближались все теснее, ведь неспособность мысленно общаться отделяла их от остального племени. Для Тери жизнь превратилась в идиллию; ясные, незамутненные дни чистой дружбы, озаряемые солнцем, прервались однажды утром. Тогда, на берегу реки, Тери познал темную, пугающую жажду, прячущуюся в нем.

По своему характеру Адриэль была скромницей. Каждое утро она набирала кувшин воды в ручье, бьющем неподалеку от лагеря, и умывалась в своей палатке. Однако в то утро все пошло иначе. Кувшин остался пустым, а девушка повела тери по берегу ручья. Они шли до того места, где ручеек расширялся и впадал в реку.

Раздвинув кусты, Адриэль спустилась по берегу вниз и забрела в воду по лодыжки. Другой берег оказался довольно далеко; тери не сумел бы добротить туда камень. Однако листья спокойно плыли по поверхности воды — значит, течение в этом месте было несильным.

— Вот, — сказала Адриэль, довольно улыбаясь, — я так и знала, что мы выйдем к реке! Кажется, здесь достаточно глубоко.

Она сняла блузу и короткие, до колена, штаны — она сама сшила их после того, как поняла, что в юбке бродить по лесу неудобно. Под блузой на ней ничего не было.

Без малейшего колебания она прыгнула в чистую воду, подняв фонтан брызг; она тут же вынырнула на поверхность и повернулась лицом к тери.

— Ах, как хорошо! — Она снова окунулась с головой, а потом, отфыркиваясь, подняла голову. — Мне уже казалось, я никогда снова не буду чувствовать себя чистой! — Она поманила тери рукой. — Иди сюда! Прыгай! Здесь просто вода.

Но он стоял за кустами на берегу. От такого количества воды ему сделалось как-то не по себе. Рыбача с отцом, он часто забредал в воду по колено, однако его пугала мысль о том, что придется окунуться в воду целиком.

И не только это...

При виде обнаженной Адриэль Тери почувствовал: в нем что-то всколыхнулось. Новое чувство было одновременно приятным и настораживающим. Потому он не двинулся с места.

Адриэль ударила рукой по поверхности воды, взметнув фонтан брызг.

— Прыгай же! Тебе понравится! Правда!

Однако ее любимец даже не шелохнулся.

— Придется мне, видно, затащить тебя силой, — пробормотала девушка и вошла в воду.

Стоя на мелководье, она принялась обливать себя водой. У нее была гладкая белая кожа, которая влажно поблескивала на солнце. Вода стекала ручьями с ее волос, текла по округлым, наливающимся грудям с розовыми сосками, вниз, по животу, к золотистому треугольнику волос, окаймлявшему лобок.

Тери наблюдал за ней, и его снова обдало приятным жаром. Тепло зарождалось где-то в его лоне. Она уже полностью вышла из воды и начала взбираться по берегу. Она направлялась к нему. Жар внизу нарастал; вдруг плоть у него между ног сделалась твердой и увеличилась в размере. Он прерывисто задышал и резко отвернулся, однако вскоре снова повернул к ней голову. Он не мог не смотреть на нее!

Этого не должно быть! Это... нехорошо! Ему хотелось наброситься на нее, обхватить лапами, вонзить в нее свою плоть...

Нет!

Адриэль схватилась за куст и протянула к нему руку.

— Пошли, — ласково уговаривала она. Солнечный свет отражался в миллиардах мелких капелек воды у нее на груди; от легкого прохладного ве-

терка соски у нее набухли и отвердели. — Я не дам тебе утонуть!

Внезапно он резко развернулся кругом и стремглав кинулся в чащу. Он бежал и бежал, стараясь загнать себя до изнеможения; он двигался на четырех лапах. Перескакивал через упавшие ветви, обегал утопленные в земле валуны. Промчался мимо уединенной хижины Тлада, побежал по полю, на краю которого находился мерцающий ужас. Тери не останавливался, пока не добежал до опустошенной поляны, которая когда-то была его домом.

Он совершенно выбился из сил и повалился у заваленного входа в пещеру, в которой покоились останки его родителей. Как ему хотелось, чтобы они ожили и утешили его! С ними жизнь была намного проще. Мама знала ответы на любые вопросы. Она непременно объяснила бы, почему внутри его все смешалось. Она обязательно сказала бы, почему тери испытывает столь нездоровое влечение к человеку.

Он ждал, но мама не оживала.

После того как силы вернулись к нему, он снова представил обнаженную фигуру Адриэль, которая тянула к нему руки. Его опять окатило жаркой волной; и опять его плоть увеличилась в размерах. Ухватив твердый член обеими кулаками, он начал его тискать, пока, наконец, не пришло желанное облегчение.

Тери вернулся в лагерь пси-талантов лишь ближе к вечеру. Он не бросился к хижине Адриэль, как всегда, но принял бродить по периметру лагеря. Интересно, догадалась ли она о том, что на самом деле произошло на берегу реки?

Его грызли страх и чувство вины. Что, если она догадалась о его чувствах? Она наверняка испытала потрясение... и теперь он ей противен. Однако мысль о том, что он ее потеряет, была невыносима.

В центре лагеря он заметил повозку, нагруженную горшками и плошками. Тлад здесь! Он поискал его взглядом и вскоре нашел. Тлад сидел на корточках в тени рядом с Комаком и торговался.

— Значит, решено, — говорил Тлад. — Заднюю часть туши ма за всю повозку. Только свежую, не вяленую!

— Договорились, — кивнул Комак. — Для тебя сделка очень выгодная, Тлад. Ты ни за что не получил бы за свой товар такую хорошую цену, если бы мы не побили столько посуды, пока бежали из старого лагеря. — Он прищурился. — Мне вот что интересно. Как ты нас нашел? Ведь мы очень далеко забрели с тех пор, как виделись с тобой последний раз!

— Я живу в лесу дольше, чем ты. У меня свои способы найти вас.

— Уверен, что это так. Но большую часть пути мы шли вдоль реки, вниз по течению. Мы не оставили за собой следов.

Тлад пожал плечами:

— Говорю тебе, у меня свои способы.

Комак прервал разговор, заметив, что к ним вприпрыжку бежит тери.

— Ищешь Адриэль? — спросил он, поднимаясь и ласково ероша мех на загривке у тери. — Она рассказывала мне о тебе — оказывается, ты боишься воды! Что ж, все мы чего-то боимся.

Боишься воды. Значит, вот как Адриэль все поняла. Тери испытал огромное облегчение.

— Кстати, где Адриэль? — спросил Тлад. — Я хочу порасспросить ее об этом ее любимце.

Тери оглянулся; Тлад смотрел прямо на него. От пронизывающего взгляда Тлада ему стало не по себе. Он отвернулся.

— Хороший вопрос. — Комак неприязненно поджал губы. — Она пошла гулять с Деннелом. Не знаю, что она в нем нашла.

— Насколько я понял, парень тебе не по душе.

— Он совсем мне не нравится, и я ему не доверяю. Но в вопросе о Деннеле мы с дочерью расходимся. Что же касается тебя... несколько отрядов вышли на охоту. К закату вернутся с одной или двумя тушами ма.

Тлад кивнул.

— По пути к вам я встретил один из отрядов. Как по-твоему, можно мне на них посмотреть? Они не обидятся, если я погляжу, как они охотятся?

— Держись подальше от них и не шуми, — посоветовал Комак и зашагал прочь.

Тери собирался вслед за Комаком пойти искать Адриэль, но голос Тлада остановил его:

— Говорят, ты здесь стал настоящим героем. Ты поднимаешься все выше и выше! Комак говорит, Адриэль даже удалось научить тебя некоторым словам. Разве не интересно?

Он сел на корточки перед тери, и их глаза оказались на одном уровне. Только на этот раз тери не отвел взгляд в сторону.

— Скажи мне, тери, — продолжал Тлад, — ты и в самом деле бессловесное животное? Или по-просту дурачишь наивных людей?

От его вопросов тери стало не по себе. Кажется, Тладу известно куда больше, чем ему положено.

но знать. Тери почувствовал, что не выдерживает. Зарычав, он отвернулся.

Человек встал и произнес что-то неразборчивое, а потом зашагал к деревьям. На ходу он оглянулся через плечо, потом хлопнул себя по бедру и позвал:

— Ко мне!

Тери медлил: он не привык, чтобы ему приказывали. Более того, поведение Тлада ему совсем не нравилось. Но Тлад чем-то завораживал его. А поскольку делать сейчас все равно было нечего, он затрусил рядом с Тладом, стараясь приладиться к его шагу. Он испытывал странную тягу к этому человеку. Конечно, важно и то, что благодаря Тладу ему спасли жизнь; однако в нем крепло чувство родства с Тладом — необъяснимое чувство, будто их связывает нечто общее.

Бок о бок они шли по лесу; вдруг Тлад остановился и жестом показал, чтобы Тери оставался на месте. Сам же он осторожно двинулся дальше и скоро исчез в подлеске. Потом он вернулся с довольной улыбкой:

— Хочешь посмотреть, как охотятся твои друзья — носители Дара?

Тери чуть не ответил, но вовремя сдержался, когда слова уже готовы были слететь с его губ.

— Лезь за мной, — сказал Тлад. — Только тихо!

Он тут же стал взбираться на ближайшее дерево. Тери полез за ним. Тлад устроился на длинной ветке. Солнце было в глаза; он прикрыл их рукой и стал смотреть вперед — туда, куда они направлялись.

Тери проследил за взглядом человека. Вычислив, куда тот смотрит, он свернулся поудобнее на ветке под той, на которой лежал Тлад, и сам стал наблюдать.

Восемь носителей Дара — пятеро мужчин и три женщины — стояли на небольшой полянке полукругом, взявшись за руки. Никто не шевелился, никто не произнес ни звука. Казалось, они готовы стоять так до бесконечности. Тери начал беспокоиться. В чем тут дело?

— Потерпи, — прошептал Тлад. — Скоро начнется.

Несмотря на совет, Тери готов был уже спуститься на землю и найти занятие поинтереснее. Вдруг в кустах, окружающих полянку, послышался шорох. Скоро над кустами появилась голова крупного самца ма. Тери застыл на месте и вперился в животное взглядом.

Медленно, нерешительно ма двинулся вперед и наконец вышел из-за кустов. Ма были травоядными, питались травой и листьями. От хищников они спасались лишь благодаря своей скорости. На грациозной шее сидела носатая голова; она находилась на одном уровне с головой носителей Дара, которые смотрели на животное. Гибкое тело, покрытое коротким мехом, несли стройные, сужающиеся книзу ноги. Ма — животные пугливые и уносятся прочь при малейшей опасности. Потому было совершенно непонятно, почему ма стоит неподвижно почти рядом с группой людей... разве что от них исходит какая-то сила, которая завораживает зверя.

Ма продолжал осторожно продвигаться вперед и наконец зашел в полукруг, образованный людьми. Одно мгновение — и носитель Дара, стоящий с краю, поднял тяжелую палицу и опустил ее на тонкую гибкую шею животного в том месте, где начинаются шейные позвонки. Ма рухнул на землю — его настигла мгновенная безболезненная смерть.

Мужчины ухватили тушу за задние ноги, приготовившись тащить добычу. Вдруг все носители Дара снова застыли на месте, бросив все дела, и бросились назад, к лагерю. Добытое ими животное они бросили там, где оно упало.

— Кажется, плохо дело! — заметил Тлад, спускаясь вниз. — Там что-то случилось!

Тери следом за ним спустился на землю; но, оказавшись на четырех лапах, он опередил человека и помчался вперед. В лагере он увидел хаос. Молчаливые люди с перекошенными лицами носились туда и сюда, хватали оружие, запрягали лошадей. Он сразу принял решение искать Адриэль, но не нашел ее. Мороз побежал у него по коже; предчувствуя недоброе, он отправился на поиски Комака.

Наконец он нашел его у повозки с оружием. Комак набивал колчан стрелами. Тери не знал, что делать. Он боялся за Адриэль и не решался выяснить, что с ней.

Тут подоспел Тлад; задыхаясь от быстрого бега, он звал Комака. Не обращая внимания на крики гончара, рыжеволосый великан понесся к своей палатке. Однако от Тлада не так легко было отделаться. Сгущались сумерки; тери наблюдал из укрытия, как Тлад преградил Комаку путь и потом пошел рядом с ним. Наскоро переговорив с Комаком, Тлад застыл на месте и схватил вождя за руку. Казалось, они о чем-то спорят. Наконец Комак отбросил руку Тлада и поспешил прочь.

Тери догнал Тлада; возможно, он что-то узнает от него!

— Вот ты где! — сказал Тлад. Присев на корточки, он положил руку тери на плечо. — Слушай, мой пушистый друг, и слушай внимательно:

Адриэль захвачена в плен солдатами Китру. Никто не знает, как это случилось, но на юг ведут следы, оставленные Адриэль и Деннелом. Видимо, они наткнулись прямо на солдат.

Тери показалось, будто огромный баран ударил его рогами в грудь. Он задыхался.

Только не моя Адриэль!

Он повернулся, готовый бежать в крепость, но Глад развернул его голову и снова заглянул прямо в глаза:

— Послушай меня! Таланты-глупцы идут за ней — вбили себе в голову, будто сумеют захватить крепость штурмом. Возможно, именно этого и добивается Китру. Таким образом, у него не только окажется Искательница, он сумеет перебить всех носителей Дара, которые сбежали от него раньше, как только вышел указ. Ты же... — он похлопал тери по плечу, — ты же должен опередить их. Заберись в крепость и вытащи ее оттуда! Не знаю, как ты добьешься своего, но попытайся! От тебя зависит не только жизнь Адриэль; от тебя зависит жизнь всех обитателей лагеря. Ты их должник; настало время платить по счетам. Ну, вперед!

Тери больше ничего не нужно было слушать. Не оборачиваясь, он затрусили между деревьями, готовясь к долгому и трудному путешествию по ночному лесу. Он промчался мимо пси-талантов и скоро оставил их далеко позади. Путь впереди долгий; он намного опередит их.

Он уже проделал большой путь к крепости и только потом сообразил: Глад рассказал ему о том, что произошло, о том, что ему надлежит сделать и почему, — ни минуты не сомневаясь в том, что тери его понимает!

VIII

Выйдя на опушку леса, тери сразу увидел темную громаду крепости, которая четко выделялась на фоне ночного неба. Прокравшись закоулками между хижинами и убогими домишками предместья, выросшего вокруг крепости, он подошел к главным воротам. Их хорошо охраняли; кроме того, они были освещены. Пламя факелов высвечивало шлемы охранников и металлическую обивку ворот; были видны распятые на крестах трупы, останки еретиков, преступников, а также тех, кто имел несчастье навлечь на себя гнев Китру. Трупы так и висели на крестах до тех пор, пока окончательно не сгнивали и не падали вниз. Иногда их снимали раньше, если срочно требовалось казнить очередного неверного.

Тери повернулся и побежал в темноту. Отбежав подальше от главных ворот, он остановился у основания высокой наружной стены, чтобы собраться с силами — и с мыслями. Прежде он ни разу не бывал в крепости, однако то, что он не был знаком с местностью, его не смущало. Он часто охотился в незнакомых частях леса и всегда возвращался домой с добычей.

Сегодня он славно поохотится. Крепость будет для него незнакомой частью леса, солдаты — крупными хищниками, с которыми он привык драться, а Адриэль — добычей. Его уверенность в себе росла. Он справится! Он вырос в лесу; его единственное оружие — дубинка. На охоте он научился использовать разные уловки и увертки; если не хитрить, рискуешь остаться голодным. А тери редко оставался голодным.

Он начал взбираться вверх. Наружная стена крепости была сложена из грубо отесанных кам-

ней; длинные пальцы тери легко цеплялись за них, находя мельчайшие выступы и ямки. Взобравшись повыше, тери поднял глаза и посмотрел наверх. Между наружной и внутренней стенами по всему периметру крепости шла открытая галерея; на нее можно было попасть, взобравшись по деревянной приставной лесенке. Трескучие факелы и масляные лампы, развешанные там и сям, высвечивали строения, разбросанные внутри крепости. Тери заметил, что одна башня заметно выше остальных.

По галерее между стенами брел сонный скучающий часовой. Тери вжал голову в плечи и повис на пальцах прямо под приставной лесенкой. Дождавшись, пока часовой пройдет, тери перемахнул через парапет, выскочил на другую сторону, скатился с внутренней стены и упал на землю. Он тут же сгруппировался и скорчился в тени под стеной.

Сердце у него бешено колотилось; он выжидал. Никто не подавал сигналов тревоги, из караульных помещений не выбегали солдаты. Он успешно преодолел первую линию обороны противника. И сейчас необходимо решить, какое строение обыскать первым.

Его взгляд был прикован к высокой и массивной башне, нависавшей над остальными постройками. Тери решил: скорее всего, именно здесь живет сам лорд Китру. Он считается владельцем здешнего края; вполне естественно, что он выбрал для себя подобное место обитания. Отсюда он может взирать на всех свысока.

У тери не было ни оружия, ни одежды, ни снаряжения; он осторожно перебегал из тени в тень, да и сам казался лишь бесплотным духом в ночи. Наконец он оказался у подножия башни. Да, наверное, именно здесь и обитает сам Китру. А кому и знать о местонахождении плененной Искательни-

цы, как не правителю? Может, он даже разместил Адриэль в своей башне — ради ее же безопасности.

Тери разглядывал башню. Сложен из того же неотесанного камня, что и наружная стена, так что забраться наверх будет несложно. В стене там и сям были пробиты узкие, как бойницы, оконца; тери решил, что в такое окно он все же пролезет. Он начал взбираться наверх. Но не долез и на высоту в три человеческих роста, когда снизу послышался крик. Тери вцепился пальцами в камни и замер.

— Эй, ты! Там, на башне! Что ты там делаешь?

Двери казарм, где помещались солдаты, распахнулись; в темноте послышался топот десятков ног.

Тот же самый голос закричал снова:

— Эй, ты! Спускайся! У меня самострел... Слезай сейчас же! И без фокусов, не то проткну тебя, как муху!

Подняв голову, тери увидел, что самое нижнее оконце находится не так далеко от него. Рванувшись изо всех сил, он вскочил на карниз. Верный своему слову часовой пустил стрелу. Она просвистела рядом с ухом тери и ударила о стену в сантиметре от его головы. В глаза ему посыпалась каменная крошка и обломки стрелы. Тери невольно дернулся в сторону и тут же почувствовал, как скользят пальцы. Как он ни старался удержаться, он все же упал. Приземлился он удачно, на все четыре конечности, но бежать было некуда. За спиной была стена, а впереди — два отряда солдат с оружием на изготовку.

— Кто-нибудь, посветите сюда! Посмотрим, кого мы поймали!

Быстро принесли факел; увидев, кто оказался их пленником, солдаты в ужасе отпрянули.

— Зверюга проклятая! — воскликнул приземистый солдат с пикой. Он отвел пику назад, словно замахиваясь для удара, и тери приготовился уклониться. — Сейчас я его...

— Не сметь! — послышался вдруг голос из темноты.

Лучники и копьеносцы развернулись; всем хотелось взглянуть на смельчака, запретившего убивать тери. Бесцеремонно растолкав солдат, в круг вошел молодой человек, одетый в гражданское платье.

Деннел!

У тери мурашки побежали по спине. Как свободно молодой человек расхаживает по крепости Китру! Будто он у себя дома...

— Кто ты такой, чтобы распоряжаться здесь? — рявкнул на юношу солдат с пикой.

— Не твое дело, — отвечал Деннел. — Однако да будет тебе известно, что, если тери убьют, ты ответишь за него головой! Зверь очень нужен Китру — именно этот зверь.

Солдат медлил, не зная, на что решиться; тери показалось, что ему очень хочется проткнуть пикой самого Деннела. Прислужнику Китру противно выслушивать надменный тон смазливого выскочки, юнца сомнительного происхождения — нечистокровного. Но, если щенок не врет, он, солдат, вполне может вызвать гнев Китру. Незавидное положение!

Солдат повернулся к стоящему рядом товарищу:
— Позови капитана Гентрена!

Некоторое время все напряженно ждали; тери перестал удивляться неожиданному появлению Деннела и стал думать о другом. Как спастись? Выхода не было. Солдаты сомкнулись вокруг него плотным полукругом.

Когда наконец пришел капитан — полуодетый, с заспанными глазами, — тери издал непроизвольное рычание. Перед ним был тот самый офицер, который приказал своим солдатам не убивать его, а кромсать на куски... тот самый, кто жестоко зарезал его родителей!

Солдат, стоящий к тери ближе, чем остальные, услышал рычание и поднял самострел.

— Берегитесь!

Тут же в тери нацелился с десяток пик и самострелов. Тери приказал себе расслабиться. Стоит ему шевельнуться, и его тут же убьют. И он не доберется до капитана!

Капитан посмотрел на тери; видимо, он не узнал его. Потом он повернулся к своим солдатам:

— Нечего было беспокоить меня по пустякам! Завтра на рассвете я отправляюсь в путь с важным поручением от самого Китру!

Приземистый солдат с пикой вышел вперед и показал пальцем на Деннела:

— Щенок говорит, что Китру откусит мне голову, если мы убьем тери!

Капитан повернулся к Деннелу:

— Ах, значит, вот в чем дело! С каких пор ты распоряжаешься от имени самого лорда-правителя?

— Я знаю этого зверя! — ответил Деннел. — Он любимец девчонки; она очень привязана к нему.

— Мне наплевать на любимца Искательницы! — буркнул капитан, отворачиваясь. — Убейте уродливую зверюгу, а останки сожгите в яме! — приказал он солдатам через плечо и зашагал прочь. Он явно намеревался вернуться в казарму и еще поспать.

— Лучше бы ты позаботился о любимце Искательницы! — крикнул Деннел.

Капитан круто развернулся на каблуках. Глаза его полыхнули яростью.

— Придержи язык, или я прикажу его отрезать!

— Из-звинитс, сэр, — поспешил ответил Деннел. — Я просто хочу вам помочь. Искательница очень важна для Китру. Вначале он попробует привлечь ее на свою сторону при помощи зелья. Но если зелье вдруг не подействует, ему понадобится другое средство, которое сделает девчонку говорчивее. Таким средством вполне может оказаться пойманный вами зверь.

Зелье? — удивился про себя Тери. Что такое «зелье»?

Однако вскоре все вопросы отошли на второй план. Тери окатило жаром. Гнев душил его. Оказывается, Деннел был соучастником похищения Адриэль! Возможно, он все продумал заранее!

Капитан размышлял над словами Деннела. Тери мысленно взмолился: придумай что-нибудь и сохрани мне жизнь!

Потому что отныне у Тери появилось два неоплаченных долга.

Деннел снова обратился к капитану, понизив голос:

— Если зелья подействуют на Искательницу, можешь сжечь Тери на рассвете или когда пожелаешь. Но если снадобья не помогут — а, по моим сведениям, они не слишком надежны, — тогда пойманный Тери очень пригодится лорду Китру, и ты порадуешься своей предусмотрительности. И вдобавок тебя похвалят за то, что ты захватил его в плен.

— Может, ты и прав, — внезапно смягчившись, проговорил капитан, поворачиваясь к солдатам. — Уведите зверя вниз, посадите его к сумасшедшему. То-то подходящая компания!

Солдаты расхохотались; напряжение спало. Деннел отвернулся и зашагал прочь с самодовольной улыбкой на лице.

— Во имя бороды Мекка, кто он такой? — удивленно спросил один из копьеносцев, глядя вслед уходящему юноше.

— Трус и предатель своего народа, — тихо ответил Гентрен. — Он думает, что сумел подлизаться к Китру, но правитель говорил мне: как только щенок перестанет быть ему полезен, я смогу сделать с ним что захочу.

Тери увидел улыбку на лице капитана; он по собственному опыту знал, что ничего хорошего предателю ждать не приходится.

Солдат подтолкнул его жалом копья в сторону лестницы, ведущей в подземелье под главной башней.

Внизу находился подвал, разгороженный на три крохотные каморки. В коридоре скучал сонный стражник. Очевидно, в крепости редко содержали заключенных. Казнь куда более практична и требует гораздо меньше времени. Жалопики толкнуло тери в среднюю каморку; страж поспешно запер решетку снаружи.

Солдаты сипло захохотали; кто-то прокричал:
— Вот тебе и товариш, Рэб!

Смех затих; тери увидел, что солдаты уходят. Стражник, заперев нового узника, присел на стуле у стены и приготовился спать дальше. При тусклом свете факела, висящего на стене в коридоре, почти ничего разглядеть было невозможно. Тери подергал дверь и попытался понять, почему она не открывается. Он уже слышал о таком приспособлении, как замок, но еще ни разу его не видел. Он всматривался в замочную скважину, пытаясь разглядеть, что

находится внутри ее. Вдруг из темноты к нему обратился чей-то тихий голос:

— Ты ведь человек!

Это был не вопрос; это было утверждение.

Тери круто развернулся и увидел перед собой грязного, заросшего бородой оборванца. Оборванец незаметно подошел к нему почти вплотную и теперь внимательно наблюдал за ним.

— Судя по тому, как ты изучаешь устройство замка, ты не просто умное животное.

Вначале человек показался тери старым; но когда тот подошел ближе и на него упал отблеск пламени факела из коридора, стало ясно, что он сравнительно молод или же среднего возраста.

— Ты умеешь говорить? — спросил незнакомец.

Вопрос прозвучал так обыденно, что застал тери врасплох. Незнакомец чем-то напомнил ему Глада. Поколебавшись с секунду, он понял, что бессмысленно скрывать свою способность от сокамерника.

— Я умею говорить, — ответил тери низким, грубым, скрипучим голосом. — Но я не человек.

Странно было говорить с человеком. Тери в жизни ни с кем не разговаривал, кроме матери и отца. Он повторял слова и фразы, чтобы порадовать Адриэль, однако изображать сообразительное животное — совсем не то, что говорить на самом деле.

— Нет, ты человек! — возразил грязный оборвый, внимательно оглядывая тери. — Просто никто никогда не говорил тебе правды. Меня, кстати, зовут Рэб.

— Солдаты называли тебя «сумасшедшим», — многозначительно заметил тери. — Два раза!

— И верно, я очень похож на сумасшедшего! — Рэб расхохотался. — Но всякий, кто проси-

дит взаперти месяц — не моясь, не переодеваясь, почти без еды, — немного трогается умом. — Голос его постепенно затихал; следующие слова он произнес как бы про себя: — А иногда, временами, и чувствует себя безумцем! — Потом он снова возвысил голос: — Но уверяю тебя, я разумен! А еще позволь заверить тебя, что ты — такой же человек, как и я.

Тери фыркнул.

— Не пытайся меня одурачить. Может, я и не человек, но я не дурак!

— И тем не менее ты — человек!

— Я знаю, кто я такой: я тери, порождение Страшной Болезни!

— А я — несчастный еретик; меня приговорили к смерти именно за то, что я точно знаю: ты — не зверь! — злобно воскликнул Рэб.

Тери снова повернулся к замку. Солдаты были правы. Этот человек безумен.

Рэб изменил тон:

— Садись, и я расскажу тебе, что я узнал. Вначале ты не поверишь мне: мой рассказ идет вразрез со всем, что тебе известно с рождения. Но я все могу доказать — вернее, мог, пока у меня были мои книги. Сядь. Времени у нас достаточно.

Тери был вовсе не уверен в том, что времени хватит. Но что еще оставалось делать? Он толкнул дверь и убедился, что она выдержит даже его натиск. Подслушанный разговор между Деннелом и капитаном немного уменьшил его страх за Адриэль. По крайней мере, сейчас опасность ей не грозит... может быть, странный человек сумеет помочь ему, облегчив ему настроение.

— Ну, пожалуйста! — уговаривал его Рэб. — Прошу тебя!

Ни один человек никогда ни о чем не просил его! Тери нехотя опустился на сырой пол, усыпанный гнилой соломой.

— Отлично! — воскликнул Рэб, садясь рядом с ним на картонки и потирая грязные руки. — Прежде всего, я с ранней юности подозревал, что тери — вовсе не видоизмененный зверь, каким его привыкли считать. И более того, я не просто подозревал — я знал!

— Откуда ты мог, как ты выражаяешься, «знать»?

— Не важно откуда. Пока не важно. Просто пока поверь мне: я знал, и все.

— Всем известно, что тери — порождение Страшной Болезни; они появились после того, как Болезнь пронеслась по миру!

— Нет-нет! Это неправда! Послушай. Сейчас ты все поймешь. Я вырос при дворе Мекка; из меня собирались сделать придворного ученого, книгоочея. У меня было достаточно навыков и времени, чтобы интересоваться прошлым. И вот как-то раз мне в руки попали старинные рукописи — они были написаны как раз во времена Страшной Болезни. С тех давних пор наш язык сильно изменился, но мне удалось расшифровать рукописи. В них я неоднократно находил ссылки на неких «создателей» и «тератолов». Однако нигде не объяснялось, кто они были такие и чем занимались. Видимо, те, кто написал манускрипт, считали, что читателю и без того все известно.

Все прочитанное лишь распало мой аппетит, и я начал рыться в развалинах, окружающих крепость Мекка. И вот в одной пещере я случайно обнаружил старые — очень старые! — книги. Они сильно отличались от остальных. Прежде всего,

они были прекрасно изданы и великолепно сохранились... Они были напечатаны на невероятно тонких листах металла... Пять томов... ты в жизни не видел ничего подобного.

Голос его затих; казалось, перед его мысленным взором проплывают картины прошлого. Глаза под грязными, спутанными волосами лучились от счастья, от радости первооткрывателя. Прошло немного времени, и ученый встремился и заставил себя продолжать.

— Да... пять томов. Несколько месяцев назад я закончил переводить первые четыре тома. Прочитав, о чем в них написано, я испытал такое потрясение, что тут же бросился к Мекку. Мне не терпелось обо всем ему сообщить! — Помолчав, ученый мрачно улыбнулся. — Я совершил глупость — только за этот один свой поступок я заслуживаю прозвища «сумасшедший Рэб». Разумеется, ни к какому Мекку я не попал. С тех пор как его советниками стали попы, проповедующие Истинную Форму, к Верховному правителю не допускается никто, кроме них! Меня направили к одному из главных священников; вот тогда бы мне и спохватиться и вовремя прикусить язык. Но нет! Сумасшедшему Рэбу понадобилось выложить священнику все, что говорилось в старинных книгах! Я был настолько возбужден своей находкой, что даже не думал, какую угрозу представляет она для секты Истинной Формы и для ее священников.

Тери слушал с растущим интересом. Если открытия Рэба угрожают культу Истинной Формы, возможно, в них действительно что-то есть!

— Видишь ли, из тех книг я узнал совершенно невероятные вещи. Я узнал, что мы — всего

лишь крошечная часть, ответвление могущественной расы; что наши предки прилетели с неба и на другой стороне неба повсюду разбросаны сотни таких же колоний людей!

— Глупость какая! — проворчал тери.

— Знаю, это кажется безумием, но книги, которые я нашел, настоящие и, очевидно, созданы какой-то иной цивилизацией.

— Объясни, как можно жить на другой стороне неба?

— Судя по всему, наших предков изгнали с их родины; они обосновались здесь и создали собственную цивилизацию. Их называли «создателями»; они много занимались неким веществом, лежащим в основе всего сущего. Благодаря тому веществу дети похожи на родителей. Создатели вознамерились вывести идеальную расу идеальных людей, каждый из которых был наделен способностью к мысленному общению. Высшим достижением создателей стали носители Дара.

Однако счастье было недолгим. Через какое-то время к власти пришла группа злодеев, которых авторы древних книг называют «тератолы». Вещество, лежащее в основе всего сущего, превратилось в игрушку для правящей клики. Тератолы создали ужасные плотоядные растения, зверей, похожих на людей, и людей, похожих на зверей.

— Тери — порождение Страшной Болезни, — упрямо повторил тери.

— Неправда! Это вымысел. Ты такой же человек, как, например, носитель Дара. И в то же время оба вы — тери!

— Значит, Верховный правитель Мекк прав, когда валит в одну кучу носителей Дара и тери!

— Да. И те и другие созданы тератолами. Постилине они были чудовищами!

— Что же стало с ними самими?

— Исчезли. Испарились. Умерли во времена Страшной Болезни. Видимо, те пять томов, которые я обнаружил, были написаны в разгар Страшной Болезни. В четвертом томе автор пишет: тератолы случайно произвели изменения в каком-то «вирусе», и по миру прокатилась ужасная чума. Она до основания стерла цивилизацию наших предков. Мы — те, кто выжили.

Тери задумчиво оглядел своего сокамерника. Явно не бредит — на вид кажется вполне вменяемым и говорит крайне убежденно. Однако все, что он говорит, настолько нелепо, настолько противоречит общезвестному! Все знают... но в то же время, если книги действительно существуют...

— Где эти книги сейчас? — спросил он.

— У Китру. Как они у него оказались? Долгая история. И виной всему — моя невероятная глупость. Короче говоря: высшие церковники из крепости Мекка попытались отнять у меня книги силой. Они готовы были убить меня, лишь бы заткнуть мне рот, но вначале хотели заполучить мои книги.

И я бежал, однако раньше успел узнать о предполагаемом дополнении к старому Указу об истреблении тери, по которому уничтожению должны были подвергнуться все носители Дара. Я забрал книги и пришел сюда, надеясь отыскать в высших кругах союзника, который прислушается ко мне. Я обратился со своими переводами к Китру, и он вышвырнул меня прочь. Мне стыдно признаться, но я пришел к нему снова. И тогда, во второй раз, он приказал бросить меня в тем-

ницу. И вот я здесь, сижу и ожидаюсь прибытия Мекка. К счастью для меня, приезд Верховного правителя переносился уже два раза. Вот я и гнию здесь уже много месяцев. Когда Верховный правитель наконец приедет, меня пригвоздят к воротам как еретика.

Тери вздрогнул: он живо представил, как мучительно висеть под палящим солнцем и ждать смерти от голода и жажды... А кругом выются голодные вороны и грифы, норовя выклевать тебе глаза! Нет, уж лучше быстрая, чистая смерть.

Рэб понурился и тяжело вздохнул:

— По крайней мере, мне удалось предупредить носителей Дара о грозящем им уничтожении. Большинство из них успело благополучно убежать.

Тут до Тери наконец дошло.

— Ты — тот самый Рэб! — взволнованно прорычал он.

— Да. По-моему, я многократно называл тебе свое имя.

— Ты — тот, чьего прибытия так ждут пси-таланты! — Тери много раз слышал, как носители Дара упоминали имя Рэба, однако до сих пор почему-то не связывал имя и сидящего перед ним человека.

— Откуда ты знаешь? — спросил Рэб, медленно вставая на ноги.

— Я некоторое время живу с ними. Но раз так, значит...

— Да... я носитель Дара. И одновременно Искатель. Но у Китру нет своего Искателя; про меня ему тоже неизвестно.

— Нет, у него есть Искатель!

Тери наскоро пересказал Рэбу все, что случилось за день.

Рэб рассвирепел:

— Хочешь сказать, что носители Дара идут сюда?! Сейчас?! Да их тут в порошок сотрут! — Он вскочил с места и забегал по тесной камере. — Мы должны остановить их!

Тери остался сидеть; он недоуменно наблюдал за своим сокамерником. Наконец он спросил:

— Мы можем сделать подкоп?

Рэб перестал бегать и покачал головой:

— Нет. Крепость выстроена на скале. Единственный выход отсюда — через ту дверь.

Тери вернулся к двери и снова подергал ее.

— Слишком крепкая, — заявил он.

— А знаешь, — медленно проговорил Рэб, — пока я сидел тут один, мне ни разу не выпадал удобный случай напасть на стражника. Но теперь нас двое, а человеком считают только одного...

IX

Стражника, дремавшего у наружной двери, разбудили громкие крики, доносящиеся из центральной камеры. Выхватив факел из скобы на стене, он бросился к двери и стал вглядываться в темноту сквозь решетку. В неверном колеблющемся пламени он разглядел, как Тери свирепо нападает на вопящего Рэба.

Несколько мгновений стражник маялся в нерешительности; наконец он все же решил вмешаться. Китру сажает под замок только тех, кто в будущем может оказаться ему полезным. Именно так обстояло дело с сумасшедшим Рэбом. И пусть подсадить зверя к Рэбу приказал капитан Гентрен. Если безумца убьют, за городскими ворота-

ми в наказание распнут самого стражника — за то, что недоглядел.

Сторож отпер наружную дверь и вошел в камеру, светя себе факелом. Он решил вначале отогнать Тери от Рэба, а потом вытащить человека наружу и перевести его в другую, отдельную камеру.

— Назад! — завопил он, тыча факелом Тери в лицо. — Назад, зверюга!

Тери поднял голову и отпрянул, отпустив стонущего человека.

— Не любишь огонь, верно? — сказал сторож, наступая на зверя. — Так я и думал!

Однако он не ожидал, что сумасшедший Рэб вскочит на ноги и выхватит у него меч. Сторож повернулся, чтобы ударить мятежника факелом, однако факел выпал у него из руки, выкрученной Тери, который внезапно утратил страх перед огнем. Легким движением Тери поднял его в воздух, как тряпичную куклу, и со всего маху швырнул о каменную стену.

Стражник упал на пол и затих. Рэб склонился над ним, потом выпрямился и смерил Тери озабоченным взглядом.

— Он жив, но находится на последнем издыхании. По-моему, ты ему все ребра переломал. Друг мой, ты действительно так силен, каким кажешься, но тебе придется научиться сдерживать свои порывы.

Тери ответил злобным рычанием. Он хотел поскорее найти Адриэль; что ему за дело до страданий ее мучителей!

— А они? Сдержали они свои порывы с моими родителями?

— О, понимаю. Извини.

— Найди Адриэль, — нетерпеливо напомнил Тери.

Кивнув, Рэб повел его прочь из камеры.

— Она должна быть в башне. Я немного ознакомился с планом крепости, пока ожидал аудиенции у Китру. Мне кажется, я знаю, как нам подняться по главной лестнице, чтобы нас не заметили. А потом положимся на удачу.

Они осторожно вышли во двор. Тери огляделся, пересчитал часовых и показал своему спутнику, где находятся караульные посты. Нельзя допустить, чтобы его снова схватили. Рэб побежал вдоль высокой стены. Тери не отставал от него ни на шаг. Скоро они остановились у хлипкой деревянной двери. Рэб осторожно приоткрыл ее. Темно; ни души.

— Это кухня, — прошептал Рэб, когда они вошли. — Здесь готовят еду для правителя Китру и его челяди. — Потом он показал на узкую дверку слева: — Там находится коридорчик, который выходит прямо на центральную лестницу главной башни. Поварята бегают коридорчиком, когда таскают кушанья наверх. Вряд ли проход охраняется.

Они толкнули дверку и пошли по сырому темному коридору. Свет шел спереди; где-то коптили факелы. Вскоре они очутились на массивной полукруглой площадке лестницы главной башни.

Рэб глянул вверх, вниз и улыбнулся.

— Я так и думал! Никакой стражи. Никто не предвидит опасности изнутри. Пошли. Если мы хотим отыскать Китру, нужно незамеченными пробраться на самый верх.

Не говоря ни слова, Тери рванул вперед и обогнал своего нового знакомого. Адриэль уже близ-

ко — он почти физически ощущал ее присутствие, летя вверх по ступенькам. Вдруг он затормозил, так как услышал шаги. Кто-то спускался по лестнице им навстречу. Развернувшись, он жестом приказал Рэбу оставаться на месте, а сам пошел дальше один. Над ним в наружной стене было прорублено окно. Оттолкнувшись ногами от пола, тери одним прыжком взобрался на подоконник и спрятался в тени.

Из-за поворота вышел молодой человек. Он был один. Скоро его осветил факел, прикрепленный к стене.

Деннел!

Когда юноша проходил под окном, тери выскочил из своей ниши и почти бесшумно приземлился у него за спиной. Деннел затрясся от изумления и страха.

— Что...

Вдруг он узнал тери. Он уставился в темноту поверх факела, выискивая взглядом стражника или солдата. Однако тери, похоже, никто не охранял.

Медленно, осторожно юноша приблизился к тери. Казалось, он вовсе не боится за себя, просто страшится напугать глупое животное.

Тери подпустил его поближе.

— Как тебе удалось выбраться из подземелья, приятель? — вкрадчиво спросил Деннел. — Не волнуйся. Я не причиню тебе вреда. Пойдем, я отведу тебя к твоей подруге.

Он подошел еще ближе, не переставая ласково уговаривать тери. Тери молча смотрел на юношу, преодолевая сильное искушение вцепиться ему в глотку.

— Хочешь видеть Адриэль? — продолжал Деннел. — Ведь ты ее ишешь, правда? Она там, наверху; завтра ты, наверное, увидишь ее. Тогда и...

Тери не выдержал. Выкинул вперед правую руку и схватил Деннела за горло. Одновременно он встал на задние ноги, и Деннел оказался высоко над ступеньками.

— Изменник! — зарычал тери своим скрипучим голосом. — Чтобы спасти свою шкуру, ты предал весь свой народ! — Он затряс Деннела, как тряпичную куклу.

Деннел не способен был выдавить из себя ни звука. Даже если бы тери не держал его за горло, членораздельная речь, сходящая с уст того, кого он считал глупым зверем, в сочетании с холодной яростью, которой пылали желтые глаза тери, лишила его дара речи.

— Полегче! А ну-ка, полегче! — зашептал Рэб, подходя к ним и разглядывая при свете факела юношу, пойманного тери. — Просто крепко держи его, и все. Он — носитель Дара; чтобы сэкономить время, я пообщаюсь с ним по-нашему.

Деннел устремил на Рэба умоляющий взгляд — очевидно, просил вырвать его из крепкой хватки тери. Однако лицо Рэба оставалось невозмутимым; глаза его были суровыми. Наконец он узнал от молодого человека ответы на свои вопросы.

— Ладно! — проговорил он, очевидно выяснив все, что хотел. — Отпусти его, и он отведет нас к Искательнице.

Тери подчинился; пока молодой человек, прислонившись к стене, потирал себе шею и восстанавливал дыхание, он нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Рэб подтолкнул юношу вперед:

— Шевелись! Скоро рассвет.

Деннел прошел два шага, но вдруг отскочил в сторону и метнулся вниз. Тери успел схватить Деннела за край туники и снова вздернул его в воздух.

Ему очень хотелось швырнуть предателя вниз, на каменные ступени, но Рэб перехватил его руку и свистящим шепотом приказал:

— Нет! Поставь его на ноги!

Тери колебался. Ему хотелось причинить этому человеку боль; судя по расширенным глазам Деннела, в которых плескался страх, молодой человек разгадал его намерения.

Рэб устремил на Деннела тяжелый взгляд:

— Он больше не будет глупить — верно ведь?

Деннел кивнул. Тери решил: теперь юноша убежден, что ему все равно не удастся убежать от него.

Рэб внимательно оглядел тери, когда тот опустил Деннела на пол.

— Ты пугаешь меня, приятель!

— Тебе нечего меня бояться, — хриплым шепотом отвечал тери. — Бояться меня нужно только капитану по имени Гентрен и тем, кто собирается причинить вред Адриэль.

Рэб криво улыбнулся:

— Какое облегчение!

Тери поставил Деннела между собой и Рэбом и подтолкнул юношу вперед:

— Веди!

Рэб остался стоять на месте.

— Вот теперь я окончательно убедился в том, что ты — человек; я понял бы, что ты человек, даже если бы не перевел старинные книги. С тех пор как мы поднялись на башню, в тебе обнаружились поистине человеческие качества: способность на хитрость и обман, верность друзьям и гнев по отношению к предательству. К добру или к худу, друг мой, но ты — такой же человек, как и я.

Тери молча размышлял над словами ученого. Впереди них шагал по ступенькам Деннел. Тери не спускал с него глаз. Он поднимался по лестнице, но ум его пребывал словно в тумане; он пытался разобраться в мучающих его противоречивых мыслях.

Возможно ли, чтобы Рэб оказался прав? И он, в конец концов, настоящий человек? Неужели это и впрямь так уж нелепо?

Тери вспоминал о своем недолгом совместном житье с пси-талантами. Оказывается, не случайно он принял их общество так легко и просто, как будто жить вместе с ними было для него самой естественной вещью на свете — несмотря на то, что до того ни разу не общался с представителями человеческой расы. Ему не только было хорошо с ними; его тянуло к ним, назад — после совсем недолгого общения. Нет, не ради крова или пищи нуждался он в людях. Ему просто нравилось быть с ними.

Может быть, желание, пробудившееся в нем позавчера при виде Адриэль, вовсе не так уж абсурдно и бессмысленно...

Дальнейшие размышления прервал Рэб, положивший руку на плечо Тери. Они взобрались на верхнюю площадку; перед ними была массивная деревянная дверь. Услышав чей-то голос, Рэб отодвинул Деннела в сторону и осторожно приоткрыл дверь.

В середине комнаты стоял худощавый седеющий мужчина; в руке он держал кубок с вином. На мужчине была запачканная туника, подпоясанная кожаным ремнем, с которого свисал короткий меч в ножнах.

Тери услышал, как Рэб прошептал:

— Китру!

Владыка крепости пошатываясь подошел к столу и налил в кубок красную жидкость из серебряной бутыли. Перед ним, спиной к Рэбу и Тери, сидела Адриэль, привязанная к креслу.

Повернувшись к девушке, Китру раздраженно забормотал:

— Идиоты лекари! Уверяли, будто снадобья полностью подчинят тебя моей воле! Глупцы! Я потратил всю ночь в ожидании, когда же зелье, наконец, подействует!

При виде Адриэль Тери на мгновение замер, но тут же подобрался, готовясь к прыжку. Рэб вцепился ему в плечо и жестом приказал ждать. Тери отодвинулся назад. Он подождет — но не очень долго. Он наблюдал, как Китру шумно пьет из своего кубка. Потом владыка крепости снова обратился к Адриэль:

— Когда рассветет и я немного отдохну, мы попробуем новый способ. Вой твоего любимца сделает тебя покладистее. А если и это не поможет, мы постараемся захватить в плен твоего отца, когда он явится спасать тебя! Как бы там ни было, к тому времени, как прибудет Мекк, у меня обязательно — непременно! — будет податливая Искательница! Ты меня понимаешь?

Тут Тери совершенно забыл об осторожности и вихрем ворвался в комнату. Изумленный его внезапным вторжением Китру, тем не менее, непривычно потянулся к мечу. В тот момент, когда Тери подскочил к нему, Китру успел даже вытащить меч из ножен, однако времени на то, чтобы нанести удар, у него уже не осталось, так как Тери выбил оружие из его руки и сомкнул длинные пальцы у него на шее.

— Нет! Не надо! — закричал Рэб. — Я знаю, чего тебе хочется, но прошу тебя, не надо! Просто держи его и не отпускай, а я тем временем осмотрю девушки.

Он склонился над Адриэль. Тери впился взглядом в ее лицо. Пустой взгляд, зрачки расширены. Рэб потряс девушку за плечо, и ее голова безвольно упала набок. Она молчала.

Тери зарычал и сильнее сдавил горло Китру. Рэб поспешил обернуться к нему:

— Твоя подруга жива. Мне и раньше доводилось видеть, как действуют на людей подобные снадобья. Она пробудет в таком состоянии где-то до полудня, потом ее начнет тошнить, но в конце концов она придет в себя.

Лицо Китру над сжатыми пальцами тери постепенно пошло синюшными пятнами.

— Отпусти его, но следи за ним. Он нам еще пригодится. С его помощью мы беспрепятственно выйдем из крепости!

— Кто ты такой? — задыхаясь, проговорил Китру, оседая на пол и потирая синяки на шее.

— Помнишь человека, которого ты прозвал «сумасшедшим Рэбом» и бросил в темницу? — отрывисто спросил Рэб, отвязывая Адриэль. — Тогда я выглядел поприличнее и был больше похож на человека. Однако и под толстым слоем грязи, и под длинной бородой я остался тем же наивным ученым.

— Как ты сюда попал?

— Тем же путем, каким мы спустимся вниз, — ответил Рэб, развязывая последний узел. — По лестнице. — Он поднялся на ноги. — Готово! Ну а теперь скажи, где мои книги?

Китру кивком указал на темный угол:

— Там. Но их уже не пять, а четыре.

— Знаю, — ответил Рэб, направляясь в указанное место. — Деннел говорит, одну книгу ты послал Мекку — с вестью, что поймал Искательницу. Твой гонец сообщит неправду в обоих случаях. Когда Мекк приедет сюда, у тебя уже не будет ни книг, ни Искательницы. И ему все произошедшее совсем не понравится.

— Ах, значит, опять Деннел! — воскликнул Китру, переводя взгляд на молодого человека, который трусливо жался к двери. — Кажется, ты обладаешь способностью предавать абсолютно всех!

— Нет, повелитель! Клянусь... меня заставили...

Не дождавшись никакого сочувствия со стороны Китру, юноша замолчал и съежился.

Тери посмотрел на Адриэль. Девушка безвольно обмякла в кресле. Она была похожа на... мертву. Он шагнул к ней — ему захотелось просто взглянуть на нее поближе. Тут-то Китру и совершил большую ошибку. Быстро перекатившись по полу, он схватил упавший меч и вскочил на ноги. Тери повернулся и увидел, что на волосок от его шеи сверкает острое стальное лезвие.

— Рэб, — сказал Китру, пьяно ухмыляясь, — ты не просто сумасшедший, ты еще и дурак. Тебе надо было бежать, пока случай был подходящий. С первыми лучами солнца тебя пригвоздят к воротам, а твоего дружка — изменника — зажарят заживо вместе со зверем.

— Нет! — вскричал Деннел.

Владыка крепости, казалось, позабыл всякий страх. Интересно, почему он не боится, подумал Тери. Может, потому, что считает себя искусственным бойцом и видит перед собой лишь незначительную угрозу в лице безоружного ученого, труса и

зверя? Впрочем, скорее всего, самонадеянность Китру подкреплялась еще и выпитым им вином.

Тери приготовился напасть на него при первой же возможности.

— Мы уходим, а девушку забираем с собой, — хладнокровно заявил Рэб.

— Да неужели?

— Да. Этот малый, — ученый показал на тери, — ее друг. Он отнесет ее назад, к ее народу.

Китру громко расхохотался:

— Друг? Боюсь, ты еще больший безумец, Рэб, чем можно себе представить! Он — ее домашнее животное!

— Я — человек! — зарычал тери, и Китру неизвестно отступил на шаг.

Тери не совсем понимал, почему вдруг решил заговорить, ведь на самом деле он еще не окончательно считал себя человеком. Слова вырвались у него непроизвольно.

— Какой ты человек! — рявкнул Китру, оправившись после первого изумления. Странно слышать человеческую речь из уст зверя. — Ты просто грязное животное, которое научили произносить несколько слов.

— Странно, — сдавленным голосом произнес Рэб, — а я то же самое думал про тебя!

Рассвирепевший Китру заревел и занес меч, собираясь нанести тери удар в горло. Он надеялся захватить зверя врасплох, а потом спокойно разделаться с остальными. Однако удар не попал в цель, тери легко уклонился и мощным кулаком ударил Китру по затылку. Китру беззвучно повалился на пол и затих; шея у него выгнулась под неестественным углом.

Рэб подошел к нему и толкнул тело ногой.

— Жаль, что ты это сделал. Я собирался обменять его жизнь на беспрепятственный выход из крепости.

— Отныне для нас не будет беспрепятственно-го прохода никуда! — запричитал Деннел.

— Мы по-прежнему можем вернуться в лес, — напомнил ему Рэб.

— Лес! На кой мне сдался ваш лес? Там настоящий ад! Мне нельзя туда возвращаться!

— Раз другие носители Дара сумели там выжить, сумеешь и ты.

— Я... не такой, как другие. Я не могу жить как дикий зверь, бороться за еду и кров. Лес всегда пугал меня. Пока я был в лесу, я боялся каждый день, каждую минуту. Там я не могу есть, не могу спать!

— Зато в лесу ты жил как человек, — возразил Рэб. — А здесь ты превратился в орудие; солдаты сохраняют тебе жизнь лишь до тех пор, пока ты им нужен.

— Нет... ты не понял. — Над верхней губой у Деннела выступили капельки пота. — Я могу убедить их... заставить прислушаться ко мне, принять меня!

Рэб отвернулся.

— Приспособливайся, если сможешь. — Он ткнул пальцем в неподвижное тело Китру. — Но как, по-твоему, они простят тебе смерть своего хозяина?

Тери уже успел позабыть о Китру; он опустился на колени рядом с Адриэль. Девушка рассеянно смотрела перед собой, ничего не понимая, однако на первый взгляд она была невредима. Тери поднял ее, подхватив одной рукой под лопатками, другой — под коленями, и прижал к себе. Она дышала

медленно и ровно, словно во сне. Странно и чудесно было держать ее вот так.

Прождав некоторое время, тери повернулся к Рэбу:

— Она поправится?

— Конечно.

Рэб старательно заворачивал четыре книги в штору, сорванную с окна. Даже издали тери чуял в книгах нечто странное и чуждое. Рэб перевязал сверток узлом и отнес свою ношу на середину комнаты.

— На тот случай, если... повторяю, если мы выберемся отсюда живыми, — сказал он. — А я, кажется, придумал, как нам выбраться... Лишь бы спуститься вниз незамеченными...

— Здесь, в крепости, у меня остался неоплаченный долгок, — возразил тери.

Сегодня он уже познал сладость мести и жаждал крови. Для того чтобы восстановилось равновесие, нужно прервать еще одну жизнь. Убийца его родителей спокойно спит внизу, в казарме.

— О чем ты?

— Прежде чем мы уйдем отсюда, должен умереть капитан по имени Гентрен.

— Гентрен недавно уехал, — с порога ответил Деннел. — Его послали в крепость Мекка с книгой и вестью о поимке Искательницы. Его здесь нет.

— Забудь о нем, — сказал Рэб, перекидывая сверток с книгами через плечо.

Тери ничего не ответил. Он знал, что не сможет забыть капитана. До тех пор пока кровь Гентрена не оросит землю, как кровь его матери и отца, равновесие не будет восстановлено!

Рэб направился к лестнице, таща за собой Деннела.

— Пошли. Мы выведем тебя отсюда живым.

Тери шел последним; он старался как можно нежнее нести безжизненное тело Адриэль. При этом он не сводил взгляда с Деннела, который шел впереди.

Почему мы уводим с собой предателя? — злобно думал он. Нельзя прощать Деннелу предательство Адриэль. Раз ему так хочется оставаться в крепости, пусть остается!

Когда они завернули за угол, тери почуял едва заметную перемену в поведении Деннела. Молодой человек больше не горбился, не сжимался; постепенно он распрямлялся. Потом он воровато оглянулся через плечо и посмотрел на зверя, несущего свою ношу. Тери понял: предатель что-то замышляет.

Вдруг, без предупреждения, Деннел подскочил к оконному проему, прорубленному в каменной стене:

— Стража! Стра...

Весь гнев, бурливший в терии, вырвался наружу. Одним молниеносным движением он выбросил вперед правую руку и, схватив Деннела за горло, поднял его в воздух. Раскачивав его, он со всей силы ударил его головой о каменную стену. Голова юноши раскололась, как яичная скорлупа. После того как тери ослабил хватку и выпустил безжизненное тело, на камне осталось лишь грязное пятно.

Рэб побледнел.

— Зачем ты это сделал?

Тери посмотрел на изуродованный труп Деннела и почувствовал: еще немного — и равновесие восстановится.

— Если бы его вопли привлекли внимание солдат, нас бы всех убили, — проворчал он. — А сей-

час мертв только он; мы еще живы, и никаких солдат поблизости нет. — Он крепче прижал к себе Адриэль. — Если он хотел, чтобы его убили, он не должен был впутывать в дело нас.

Рэб вздохнул:

— Он не думал о том, что его убьют. В тот миг, когда он закричал, я уловил его мысли. Он решил, что, подав сигнал тревоги, продемонстрирует им свою преданность. Бедный Деннел! Он боялся леса, но и здесь ему ни за что не позволили бы остаться.

Бедный Деннел? Тери ничего не понимал. Почему он бедный? Верность можно хранить по отношению к друзьям, к родным. Надо защищать их от тех, кто способен причинить им вред. Деннел ничего такого не делал. Почему же он «бедный»?

Рэб продолжал спускаться; на ходу он вынул из скобы коптящий факел и направился с ним в кухню. Поварята еще не пришли. В углу Рэб отыскал кучу дров для очага. Он сунул факел в поленицу.

— Что ты делаешь?

— Пусть у людей Китру будет о чем побеспокоиться кроме нас.

Тери пришлось признать, что замысел Рэба великолепен, но он боялся больших костров. Все обитатели леса очень боятся пожара.

Убедившись, что дрова занялись, Рэб подошел к окну и посмотрел вниз. Тери следовал за ним.

Звезды на небе постепенно тускнели; небо становилось все светлее. Скоро рассвет.

— Самое лучшее время для нас, — заметил Рэб. — В предрассветный час сознание затемняется; тем, кто бодрствует, труднее всего не спать

именно сейчас. А у тех, кто спит, сон перед рассветом самый крепкий.

Дым от горящих дров поднялся к потолку и начал распространяться по комнате. У тери зашипало в глазах.

Рэб закашлялся.

— Пошли!

Рэб и тери превратились в двух бесплотных духов; они скользили по двору, то и дело останавливаясь в тени, под стеной. Каждый из них нес свою драгоценную ношу.

Им не пришлось ждать долго, хотя обоим казалось, будто время тянется слишком медленно. Тери то и дело поднимал глаза к светлеющему небу. Он знал, что скоро тени исчезнут и их станет видно. Первые клубы дыма, вырвавшиеся из кухни, никто не заметил. И только когда пламя охватило дверь и его языки стали вздыматься вверх, сонный сторож встрепенулся и ударил в набат.

Все, кто способен был удержать в руках ведро с водой, бросились тушить пожар. Солдаты с ведрами выстроились в цепочку от колодца до кухни. Рэб и тери по лесенке взбежали на балюстраду. Рэб перебросил книги на другую сторону, потом повернулся к Адриэль.

Тери не отпускал ее: ему не хотелось ее отдавать.

— Я подержу ее, пока ты перелезешь, — сказал Рэб. — Быстрее!

Тери нехотя отдал ее, потом скатился вниз по наружной стене. Как только он ударился о землю, он тут же вытянул руки, чувствуя, как сильно колотится сердце. Если он ее не поймает...

Рэб опустил Адриэль вниз, и тери ее поймал. Он тут же положил девушку на землю и приготовился

ловить Рэба. Поймав ученого, он тут же снова подхватил Адриэль на руки.

— А теперь бежим! — прошептал Рэб. — Кто-то обязательно заметит нас, прежде чем мы доберемся до леса, так что беги так быстро, как никогда не бегал раньше!

Оказалось, что с ношей бежать тяжело. Тери привык передвигаться на четырех конечностях, но теперь, когда у него на руках была Адриэль, приходилось передвигаться в вертикальном положении. Несмотря на то что Тери трудно было сохранять равновесие, он все же намного обогнал Рэба.

Они были на полпути от леса, на полпути к свободе, когда один из часовых, оставшийся на стене, заметил их и поднял щум. Однако прежде чем их настигла хоть одна стрела, они оказались уже далеко и стали недосягаемы даже для самых метких лучников. Скоро стена деревьев скрыла их от крепости. Они оказались в безопасности.

Вскоре силы изменили Рэбу, и он взмолился об отдыхе. Остановившись, он уронил свой узел с книгами на траву и прислонился к дереву.

— Вряд ли за нами будет погоня, — проговорил он, задыхаясь. — Когда они найдут мертвого Китру, в крепости воцарится настоящий хаос!

Тери стоял, по-прежнему прижимая к себе Адриэль. Он почти не слушал ученого: мысли его блуждали далеко. Голос Рэба постепенно стих где-то вдали. Тери чувствовал, что Рэб смотрит на него, потом он перевел взгляд на Адриэль и увидел, как нежно Тери прижимает девушки к себе.

— Почему бы тебе не положить ее на землю? Мы посмотрим, нельзя ли привести ее в чувство.

Тери ответил не сразу. Он целиком отдался новым ощущениям. Безжизненное тело Адриэль

прижато к его груди; он обнимает ее — крепко, властно. Ее тепло, мягкость, ее аромат — все пробуждало в нем ненужные желания, одновременно сладкие и болезненные. Он никогда не был так близок с ней. Никогда так не обнимал ее...

Наконец он принял решение.

— В этом нет необходимости, — сухо заявил он Рэбу.

— Что означают твои слова?

— Мы с ней не вернемся к пси-талантам. Поселимся отдельно, в лесу. Я буду защищать ее, добывать еду. И больше никто не будет ей угрожать или причинять боль.

Рэб опечалился.

— Ты принял не самое мудрое решение, — тихо сказал он.

Тери поспешил заговорил, убеждая скорее себя самого, чем Рэба:

— Ведь я человек, верно? Ты сам недавно уверял меня в том, что я человек.

— Да, но это не значит, что...

— Как раз сейчас я начинаю чувствовать себя настоящим человеком! И она — тоже человек. Пока она жила с пси-талантами, она была одинока и несчастна. Я могу сделать ее счастливой! Она любит меня... она сама много раз говорила мне об этом!

— Она любит тебя как животное! Как домашнего любимца! — возразил Рэб, выпрямляясь и приближаясь к Тери. — Но будет ли она любить тебя как человека?

— Научится!

— Ты ничего не знаешь наверняка! Только она сама может решить, полюбит она тебя или нет. А если ты унесешь ее в лес и попытаешься прину-

дить ее любить себя, значит, и ты не лучше Китру и того капитана, который убил твоих родителей! — Рэб смягчился; его голос потеплел. — И потом, есть вещи, с которыми ты не поспоришь: если вдруг, по какой-то необъяснимой прихоти, она действительно увидит в тебе человека и согласится принять тебя как мужа, ваше потомство будет походить на тебя — по крайней мере, во многом.

Новая мысль поразила тери. О детях он даже не думал. Перед его мысленным взором поплыли жуткие видения: их с Адриэль общие дети... Настоящий кошмар! От ужаса у него отнялся язык.

— По чьей-то извращенной прихоти твоих далеких предков ужасно изуродовали, изувечили, исказили их облик. Последствия давнего злодеяния передаются через поколения. Возможно, будет лучше всего, если ты решишься положить конец ужасной шутке тератолов и не позволишь проклятию распространяться дальше.

Когда тери заговорил, в голосе его слышался гнев, смешанный с горечью.

— Тебе легко рассуждать! Ведь ты помечен единственным знаком — способностью общаться при помощи мыслей! Твоя «отметина» — не уродство, а Дар! Ты можешь говорить о том, чтобы не пускать проклятие дальше, ведь жертву должен принести не ты, а другой!

Мрачная улыбка заиграла на лице Рэба.

— Как ты думаешь, почему я столько времени провел, отыскивая связь между тери и людьми? Я же говорил тебе, что точно знаю о существовании такой связи! Как ты думаешь, откуда мне стало о ней известно?

— Как... и ты?! Ты... тоже?!

Рэб кивнул:

— Я родился с хвостом, как и мои мать, брат и сестра, а до того — мать моей матери! — Он грустно покачал головой. — Какое развлечение доставили, должно быть, мои предки какому-нибудь развращенному тератолу! Внешне они ничем не отличались от других людей... если не считать чешуйчатого крысиного хвоста!

Тери услышал в голосе Рэба боль унижения, которая перекликалась с его собственной болью.

— Значит, ты тоже тери.

— Да. Но на протяжении многих поколений мои предки заботились о том, чтобы сразу после рождения хвост у младенцев отсекался. Если операция проводится в самом начале жизни, даже шрама практически не остается. И много веков представителям моей семьи удавалось сходить за обычных людей, хотя про себя они знали, что они — тери, представители низшей расы. Во времена Страшной Болезни их изменили таким образом, что они оказались способными выглядеть и действовать подобно людям. Я уверен, многие мои предки догадывались о том, что на самом деле они — люди, но никто до меня не убедился в том окончательно. Ибо у меня, помимо хвоста, имеется еще одна, как ты выразился, отметина — Дар. Ни мать, ни отец не были талантами. Возможно, каждый из них обладал Даром лишь отчасти, наполовину; во мне части соединились в целое. Но я твердо знал одно: я — тери, обладающий Даром. До сих пор считалось, что носителями Дара могут быть только люди. Вот я и решил доказать, что я — человек.

— При чем же здесь я?

— Я принял и другое важное решение. Довольно тератолам торжествовать. Я не стану отцом, не

произведу на свет потомства. И мое уродство не перейдет к детям и внукам.

Тери стоял неподвижно и пристально смотрел на Рэба. Он был знаком с ним совсем недолго, однако привык доверять ему. Он чувствовал, что Рэб говорит правду. Но тем не менее не мог заставить себя опустить Адриэль на землю. Ему казалось: если он не будет обладать ею, он взорвется. Он должен, непременно должен унести ее с собой!

— Ты не можешь остановить меня, Рэб, — сказал он наконец.

— Верно. Сегодня ты уже убил двоих и чуть не убил третьего. Ты легко мог бы убить и меня. Но не сделаешь этого. Потому что в тебе я чувствую нечто... нечто лучшее. В тебе скрыт хороший человек. И ты не станешь ни к чему при нуждать девушки, которая сделала тебя своим другом.

Тери покачнулся. Ему показалось, что лес кру жится и плывет перед его глазами. Ему так хотелось, чтобы Адриэль относилась к нему как к равному! Однако он не сможет быть ей равным, если они останутся жить с талантами. Что же ему делать? Как правильно поступить?

Рэб развернул ткань, служившую мешком, и расстелил ее на траве. Рядом он разложил свои драгоценные книги. Тихо звякнули тонкие металлические пластины. Ученый выжидательно смотрел на Тери.

Прошло короткое напряженное мгновение, и Тери бережно опустил Адриэль на ткань и укрыл ее. Чувствуя, как к горлу подкатывает ком, он выпрямился и отвернулся. Сейчас он уйдет. В лес. Один.

— Куда ты идешь?
— Прочь. Здесь мне не место.
— Нет! — возразил Рэб. — Ты сам не понимаешь, что твое место здесь; по крайней мере, будет. Ты станешь героем среди носителей Дара!

— И все-таки буду считаться домашним животным! — То, что раньше было просто забавным, становилось невыносимым.

— Тебе не нужно оставаться домашним животным.

— Ты им расскажешь? — В душе Тери вспыхнула надежда. — Ты все им объяснишь?

— Я помогу тебе стать в их глазах равным. Носители Дара не признают в тебе человека сразу; если мы слишком быстро объявили им о том, что ты такой же, как и они, они даже могут оттолкнуть тебя. Мы будем продвигаться медленно и постепенно. Ты будешь говорить все больше и больше, начнешь пользоваться орудиями труда. Я буду руководить тобой. И прежде чем я уйду, я заставлю их считать тебя человеком — еще до того, как все им расскажу! И первое, что мы сделаем, — дадим тебе имя.

Тери повернулся к Рэбу и посмотрел ему в глаза. Лишь еще один человек так смотрел на него прежде.

Рэб протянул руку:

— Так ты останешься... брат?

Тери отвернулся и ничего не ответил. Ступая медленно, словно с трудом, он вернулся к лежащей на земле Адриэль. Опустившись на колени, он неуклюже упал рядом и уткнулся в нее головой, не зная, что ему делать. Так он пролежал довольно долго. Он слышал, как Рэб отошел в сторону и сел под деревом со своими книгами.

Вдруг послышался шум, и оба насторожились. Кто-то пронирался сквозь кусты, росшие неподалеку. Беглецы немедленно вскочили на ноги: Рэб наполовину спрятался за деревом, Тери присел на корточки рядом с Адриэль, готовясь к прыжку.

На поляну вышел человек.

Он был один.

Это был Тлад.

X

Остановившись на краю поляны, Тлад посмотрел на неподвижное тело Адриэль:

— Она ранена?

Тери расслышал в его голосе неподдельное беспокойство.

— Нет, — ответил Рэб, осторожно выходя из-за дерева. — Просто одурманена. Кто ты такой?

— Меня зовут Тлад. Вот этот Тери может поручиться за меня.

Рэб метнул острый взгляд в сторону Тери:

— Он знает?

Тери кивнул — вполне человеческий жест; он недавно усвоил его. Потом он снова опустился на землю рядом с Адриэль.

— Он хороший друг. Не знаю, откуда ему все известно, но он знает про меня — причем довольно давно. Может быть, он тоже Тери.

Начинали сказываться последствия физического, умственного и эмоционального возбуждения прошлой ночи. Тери почувствовал, что тело и разум его немеют. Ему показалось, что грудь и плечи сдавила огромная тяжесть — такая, что невозможно встать; однако он почти не замечал уста-

лости. Весь мир рушился. Ему хотелось лежать и наблюдать. Скоро все пройдет. Хотелось плыть по течению... забыться... не мучиться вопросом, кто он такой. У него отняли место в мире. Больше он не тери, он — человек. Но он не может жить как человек: люди не признают в нем равного. Ему не стало лучше. Как Тладу удалось разыскать их? Никто не знает, где они находятся, а Тлад их нашел. Тери не хватало сил на то, чтобы думать, как у него это получилось.

А вот Рэб, наоборот, быстро взял себя в руки и не стал ходить вокруг да около. Тери показалось, что голос ученого доносится словно с другого конца длинного туннеля.

— Откуда ты знал, где нас искать?

— У меня есть... — начал было Тлад, но осекся.

— Что случилось?

Тлад не ответил. Вдруг он бросился к тому месту, где лежали древние книги, и, опустившись на колени, принялся жадно их разглядывать.

— Они твои?

— Да.

— Где ты их нашел?

— В развалинах возле крепости Мекка, когда я там жил.

— Значит, ты тот, кого так ждут носители Дара! Ты ведь Рэб?

— Да, но ты — не один из нас.

— Верно, — ответил Тлад, не отрываясь от книг. — Однако я ненамного опередил их. Таланты пряником направляются в крепость. Советую тебе скорее сообщить им, где вы находитесь. Они, должно быть, уже близко.

Рэб некоторое время взглядался в лес, потом снова обратил свое внимание на Тлада:

— Готово. Они знают, что мы в безопасности, и знают, где мы. Скоро они будут здесь. А теперь расскажи, откуда...

— Где пятый том? — взволнованно перебил его Тлад. Он быстро просмотрел четыре книги по второму разу. — Ты потерял его?

Рэб с размаху опустился на землю, облокотившись о груду книг с другой стороны. На его лице застыло ошарашенное выражение.

— Кто ты? Я — единственный, кто умеет читать древние рукописи! И откуда ты знаешь, что недостает именно пятого тома? Ведь других таких книг нет!

— Ты не прав, — тихо и торопливо возразил Тлад. — Я родился и вырос в рыбакской деревушке, но море никогда не влекло меня. Мальчишкой я, бывало, часто обшаривал развалины на побережье. Как-то раз я нашел незнакомые книги... пять томов... таких же, как у тебя. Я отнес находку деревенскому старейшине, который немного умел читать на древнем языке. Он надолго оставил книги у себя, а когда наконец прочел их, вселел мне сесть в лодку и везти его за риф. Как только я взялся за весла, он заставил меня поклясться, что я никому ничего не расскажу. Потом он подробно пересказал мне содержание всех пяти томов. А после того выбросил книги за борт.

— Значит, мои книги — не единственные! — воскликнул Рэб.

— Да. Могут найтись и другие.

— Значит, тебе известно о создателях и терраторах и ты знаешь правду о носителях Дара и Тери!

— А еще я знаю, о чем говорится в томе пятом.

— В таком случае тебе известно больше, чем мне, — вздохнул Рэб. — Пятый том я перевести не успел.

— Значит, книга пропала?

— Нет. Сейчас один из офицеров Китру везет ее в крепость Мекка.

Тлад вскочил на ноги:

— Нет! Нет!!!

Его бурная реакция удивила Рэба и даже немного развеяла туман, окруживший сознание Тери. Тери встал и подошел к беседующим.

— Что написано в пятом томе? — спросил Рэб.

Тлад долго колебался, но наконец решился:

— В пятом томе говорится о последних днях общества тератолов, о том, как они собрали все свои документы, все оборудование и все приспособления, и спрятали в подземном тайнике. Среди прочего они спрятали там и некое оружие... супероружие, при помощи которого им удавалось держать в узде представителей низших слоев общества. В пятом томе говорится о том, где расположена тот тайник.

Тут и Рэб вскочил на ноги:

— И такая книга скоро попадет в руки Мекка!

— Если этот безумец получит доступ к оружию, больше не останется леса, в котором можно будет укрыться от него. Он найдет и уничтожит всех, кто не является носителем Истинной Формы. А попутно исчезнет и многое другое. Возможно, вообще все. Можем ли мы как-нибудь перехватить этого офицера?

— Нет. — Рэб быстро покачал головой. — Деннел говорил, что гонец выехал еще до рассвета. Сейчас он уже очень далеко уехал.

— Деннел? — удивился Тлад.. — Где он?

Рэб рассказал, что случилось в крепости.

Тлад кивнул и посмотрел на тери.

— Я подозревал, что Деннел замышляет не-
доброе.

— Сейчас это не имеет значения, — сказал
Рэб. — Я должен знать, где находится тайник!

— Прямо под крепостью Мекка, если карты не
лгут. Тератолы, кажется, считали, что место до-
статочно надежное — ведь чтобы попасть в тай-
ник, надо миновать Яму!

Рэб вздрогнул:

— Яму?! Тогда место действительно надежное.

— Но сейчас Яма, разумеется, пустует.

— Ничего подобного. Потомки ее первоначаль-
ных обитателей до сих пор находятся там: никто не
осмеливается выпустить их на волю. И ни один че-
ловек по собственной воле не спускается в Яму. Не
волнуйся. Тайник остался нетронутым.

— Я бы не стал на это рассчитывать. Если Мекк
узнает, что между ним и возможностью уничто-
жить все, что ему не нравится, лежит только Яма,
он найдет способ обойти ее или проникнуть в нее.
Рано или поздно Мекк доберется до тайника.

— Тогда мы обречены!

— Нет, если мы доберемся туда первыми.

— И меня еще называют сумасшедшим! — с го-
речью воскликнул Рэб. — Как мы туда попадем?

Тлад дернулся за бороду.

— Пока не могу сказать. Я ведь нездешний, я
пришел с побережья. Я почти ничего не знаю о
крепости Мекка.

— В лесу ты ориентируешься превосходно!

— Теперь я живу в лесу; я гончар, а не рыбак.
Но должен же быть какой-то способ проникнуть
в крепость и вернуть твою книгу!

— Уверяю тебя, в крепость и муха не залетит незамеченной. Мекк смертельно боится наемных убийц. Вот почему он столько раз переносил свою поездку в провинции. Стены его крепости высоки и отвесны, по ним не сможет взобраться даже наш друг тери.

— А главные ворота? Ведь кто-то же входит в замок и выходит из него!

— Жителям окрестных деревень, чтобы попасть в замок, нужно получить специальный пропуск. А с закатом всех разгоняют по домам. Днем и ночью башню Мекка караулят солдаты. В его броне нет ни одной бреши. Боюсь, нам туда не попасть.

— Нет, — решительно возразил Тлад; глаза его засверкали. — Мы непременно попадем, куда нужно. В каждой твердыне есть по крайней мере одно слабое звено. И я найду его.

Он развернулся и ушел в лес.

Вскоре после ухода Тлада на полянувысыпали пси-таланты. Их встреча, несмотря на молчание, была радостной. Носители Дара сразу признали в Рэбе своего, они столпились вокруг него. Его хлопали по плечам, по спине. Адриэль уложили на носилки. К вечеру вернулись в лагерь. Адриэль наконец пришла в сознание. Однако на пиру, устроенном по случаю их счастливого возвращения, Рэб, Комак, Адриэль и тери сидели порознь.

— Среди вас есть настоящий молодец, — заявил Рэб, показывая на тери, который за время пути не отходил от Адриэль, а сейчас внимательно прислушивался к разговору.

— Точно, — согласился Комак.

Рэб не жалел усилий, расписывая подвиг тери в деле спасения Адриэль. Он не уставал повторять свой рассказ снова и снова.

— Говорю вам: если бы не этот малый, мы с Адриэль до сих пор находились бы в темнице, а вы все, наверное, уже лежали бы мертвые под ее стенами.

— Знаю, — кивнул Комак. — Вначале я в нем сомневался; когда Тлад уговорил меня привести тери в лагерь, я считал, что он ни на что не годен, однако оказалось, что я ошибался. Он очень сообразителен — умнее многих знакомых мне людей!

— Правда? — В глазах Рэба заплясали веселые огоньки; на губах, полускрытых за вымытой и подстриженной бородой, заиграла улыбка. — Значит, надо благодарить Тлада за то, что он оказался у вас?

— Ты знаком с Тладом?

— Он встретился нам в пути. Весьма интересная личность. Мне не терпится еще раз повидаться с ним. Нам многое предстоит обсудить. Но давай вернемся к нашему другу. Адриэль, ты еще не придумала ему имя?

Девушка осторожно покачала головой: с момента пробуждения ее мучила страшная боль в висках.

— Нет. Я все перебирала в уме разные имена, но так никакого и не выбрала. Для меня он по-прежнему остается просто «тери».

— Тогда я возьму на себя смелость и назову его сам. Ты не возражаешь?

Адриэль была не в том состоянии, чтобы возражать.

— Нет. Дай ему имя, — сказала она. — Я бы все равно так и не решила, как назвать его.

— Отлично! — Рэб поспешил воспользоваться удобным случаем. — Тогда я назову его Джоун.

— Джоун — человеческое имя, — заявил Комак. Он не возражал, просто отметил.

— И тем не менее он будет Джоуном.

Значит, Джоун, подумал тери. Имя ему понравилось.

XI

Через два дня, когда Адриэль оправилась и могла отправляться в путь, Рэб воспользовался охотным согласием Комака и взял бразды правления в свои руки.

— Куда пойдем? — спросил Комак. Он говорил вслух, потому что при разговоре присутствовала Адриэль.

Тери Джоун крутился поблизости и все слышал.

— На восток. Уйдем как можно дальше от владений Китру.

— Но зато мы приблизимся к крепости Мекка!

— Знаю, — ответил Рэб.

— Там безопасно?

— Не беспокойся, Комак. Я намерен держаться на почтительном расстоянии от легионов Верховного правителя. Однако сейчас в голове у меня зреет один замысел. Он еще не до конца разработан. Как только мой план будет готов, я посвяжу тебя во все подробности. Верь мне!

— Ты знаешь, что я тебе верю. Мы все тебе верим.

Позже, когда Рэб удалился в уединенное место, где они могли поговорить, Джоун спросил его,

почему он не рассказал носителям Дара о тайнике под крепостью Мекка.

— Я не хочу их пугать. Некоторые из них, возможно, испугаются и отделятся от нас. Разброда ни к чему хорошему не приведет. Нам надо держаться вместе... и еще у нас должна быть цель. Дни полета вслепую позади. Наше будущее связано с сокровищем, которое поконится под крепостью Верховного правителя Мекка. Значит, нам либо придется прямо сейчас как-то решать вопрос с Мекком, либо всю оставшуюся жизнь провести в бегах.

— Как?

— Не знаю... пока не знаю. Но чувствую, что наш таинственный друг Тлад обязательно отыщет слабое звено в оборонительных укреплениях Мекка. И когда он его отыщет, ему потребуется помочь. Я хочу, чтобы мы оказались поблизости и сумели помочь ему.

— Почему Тлад хочет помочь носителям Дара и тери? — спросил Джоун. Этот вопрос давно не давал ему покоя.

— Не знаю. Ты ему доверяешь?

Джоун кивнул:

— Я обязан ему жизнью.

— Значит, у тебя веский повод доверять ему. У меня такого повода нет, и все же что-то подсказывает мне, что судьба носителей Дара в каком-то смысле связана с Тладом. Что еще непонятнее, я предвижу: их судьба неразрывно переплетена с тобой, Джоун!

Джоун был ошеломлен:

— Со мной?! Но что я могу?

— Не знаю. Однако я чувствую, что обязан держать под рукой все части головоломки до тех пор,

пока она не сложится в единый узор. — Вдруг он резко переменил тему: — Что же касается более насущных проблем... я заметил: ты избегаешь Адриэль.

— Да, — только и ответил Джоун.

Как только он убедился, что девушка полностью оправилась от действия зелья, он старался держаться от нее подальше.

— Она ничего не понимает. По-моему, она немного обижена.

— Пройдет, — сказал тери, повернулся спиной к своему собеседнику и направился в лагерь.

Во время неспешного похода на восток тери оставался с племенем пси-талантов. Однако он по-прежнему избегал Адриэль; он заставлял себя не обращать внимания на ее обиду. Он старался уделять равное внимание всем носителям Дара. И не только потому, что так ему посоветовал поступать Рэб, но и из-за того, что близость к Адриэль стала для него почти невыносимой.

Он часто трусил по лесной тропинке рядом с каким-нибудь талантом и притворялся, будто учится говорить. Он показывал на какой-нибудь предмет и называл его, а иногда делал вид, что не знает какого-нибудь слова; таким образом, человеку приходилось вступать в разговор и давать объяснения. После героического спасения Рэба и Адриэль все носители Дара обожали его. Не прошло и нескольких дней, как пси-таланты начали подсознательно укореняться в мысли, что он больше похож на крупного лесного жителя, так сказать туземца, чем на животное. Всем нравилось заниматься с Джоуном и способствовать расширению его словарного запаса.

А Джоуну становилось тошно от таких занятий.

До того как он познакомился с Рэбом, ему почти нравилось изображать из себя бессловесное животное. Но с тех пор, как он узнал, что он — человек, все изменилось. Теперь его роль казалась ему унизительной. Он хотел быть таким же, как они, считаться равным среди равных. Хотел, чтобы они видели в нем думающее, чувствующее, разумное существо — такое же, как и они сами. А еще он ждал, что вернется Тлад и даст пси-талантам — да и ему самому — верное направление в жизни. Хватит попусту бегать по лесам и бороться за выживание! Тлад укажет им цель.

Рэб ежедневно тренировал лучников. В полдень обычно устраивали привал или останавливались на стоянку; после того как разбивали лагерь, сразу же устанавливались мишени. Некоторые подвешивались на веревках, которые тянули помощники — надо было учиться стрелять по движущейся цели. По ним то и дело сыпался град стрел.

Джоун часто слышал стоны, жалобы на стертые пальцы, руки, онемевшие плечи, но он замечал, что стрелять стали точнее, дружнее. Вот что было важно!

На закате восьмого дня в лагерь пришел Тлад.

Рэб немедленно отвел его в сторону. Тери Джоун последовал за ними. Ему хотелось услышать, что они замышляют; кроме того, ему, как всегда, нравилось просто находиться рядом с Тладом.

— Ну? — выжидательно спросил Рэб, как только они оказались вне пределов слышимости остальных. — Что-нибудь нашел?

— И да и нет. — Вид у Тлада был усталый, а голос — напряженный, как будто он недавно пережил большое потрясение. — По всей видимости, проникнуть в крепость Мекка никак нельзя.

Ее можно взять только приступом, штурмом... но для штурма у тебя слишком мало людей. Кроме того, достать оружие невозможно, если не пройти через Яму.

Лицо Рэба разочарованно вытянулось.

— Ты не сказал нам ничего такого, чего мы не знали бы и сами!

— Имей терпение. Я все же кое-что придумал.

Он развернул листы бумаги, испещренные неразборчивыми волнистыми линиями.

— Что это такое?

— Карты. Я долго ломал голову, пытаясь вспомнить карты, которые я видел в пятом томе, и наконец мне удалось по памяти воспроизвести некоторые из них. Карты дают точное представление о местности вокруг крепости Мекка — какой она была прежде, чем все распалось во времена Страшной Болезни.

— Но сейчас там все по-другому.

— Верно. Однако карта показывает, как можно спуститься в Яму, минуя крепость.

— В Яму? Интересно, кто полезет в Яму по добной воле?

— Мы. Только так мы сумеем заполучить супероружие.

— Пройти через Яму? — в благоговейном ужасе переспросил Рэб. — Никто не пройдет через Яму!

— Придется. Другого пути нет.

— Но это невозможно! Нас разорвут на куски!

Джоун нарушил молчание:

— Что такое Яма?

Он вспомнил: когда он был маленьким, мама иногда рассказывала страшные истории, в которых упоминалась Яма. Но что такое Яма, мама не объясняла.

— Крепость Мекка построена на развалинах древнего города, в котором жила правящая верхушка клана тератолов, — сказал Тлад. — Именно там они проводили свои чудовищные опыты по изменению формы. Судя по тому, что мне удалось выяснить, существа, полученные в результате неудавшихся опытов, а также те создания, которые они боялись выпускать на волю, тератолы спускали в особую пещеру, расположенную под городом. Там находились тери, измененные как снаружи, так и внутри, — уроды, которых намеренно лишили доброты, жалости, способности к сочувствию и состраданию. Тератолы, видимо, развлекались, следя за тем, как в Яме совокупляются созданные ими чудовища и порождают на свет еще более чудовищное потомство. Там, внизу, они собирали все зло, там сосредоточен сам Порок!

— Значит, там, под крепостью, полным-полно тери? — переспросил Джоун. — Почему же Мекк не уничтожит их?

Рэб рассмеялся:

— Уверяю тебя, ему очень хочется их уничтожить! Жаль, что он не в состоянии их истребить. Но он не может рисковать. Его солдаты и близко не подойдут к Яме, а если он попробует заставить их спуститься туда силой, они поднимут мятеж. Потому-то он и оставил чудовищ в покое.

Джоуна потрясла нелепость происходящего: убийца тери Мекк вынужден жить над громадным гнездом тери.

— Там все очень просто и понятно, — сказал Рэб, содрогаясь. — Однажды я имел возможность взглянуть на обитателей Ямы через одну из вентиляционных решеток.

— Наверное, тератолам нравилось наблюдать за ними, — заметил Тлад, показывая на карту. — Вот как они это делали.

Рэб и тери подошли ближе. Казалось, Рэб разбирает закорючки на карте, однако для Джоуна они не значили ничего.

— Что там? — спросил Рэб, ткнув пальцем в одну точку.

— Смотровая камера. Тератолы соорудили под землей специальную галерею с прозрачной стеной, через которую они могли наблюдать за происходящим в Яме; сами же они при этом оставались в безопасности. Через галерею мы попадем в Яму так, что ни Мекк, ни его солдаты о нас не узнают. Оттуда, видимо, недалеко до тайника.

Рэб покачал головой:

— Ты представляешь, о чем просишь? Мне все равно, далеко тайник или близко, — пробраться туда невозможно! Там, внизу, живут самые омерзительные, самые испорченные твари; они ведут нескончаемую войну друг с другом. Единственное, что может ненадолго сплотить их, — вид нормального человеческого существа. Секунды не пройдет, как они разорвут человека на куски, а потом возобновят драку над его останками! — Он понизил голос. — Именно так в том краю казнят бродяг и мелких преступников. Приподнимают одну из решеток и швыряют их в Яму!

Тлад поморщился:

— Они бросают людей в Яму?

— Только тех, кто признан недостойным распятия.

— И все же нам придется пойти на риск, — не сдавался Тлад.

— Даже не думай! Я не могу никого просить спуститься туда!

— Тогда я ничем не сумею тебе помочь, — сердито ответил Тлад и отвернулся, собираясь уходить.

Джоун задержал его, положив руку ему на плечо:

— Погоди! Возможно, тери сумеет достать оружие, пройдя через Яму.

— Нет! — вскричал Рэб. — Там не выживешь даже ты, Джоун!

— Я хочу попробовать. — Джоун вдруг понял: ему очень хочется спуститься в Яму.

— Но зачем? Ты ведь рискуешь жизнью!

— *Своей* жизнью.

Рэб долго молчал, прежде чем ответить.

— Возможно, у тебя и получится, — сказал он наконец. — Но каким образом одному человеку удастся столько сделать?

— Он принесет оттуда несколько образцов оружия, — ответил Тлад. — С помощью оружия мы очистим Яму — против оружия не выстоит никто — и добудем остальное.

Глаза Рэба загорелись воодушевлением. Он обнял Джоуна за мощные плечи:

— Брат тери, кажется, тебе суждено еще раз спасти носителей Дара!

В ту же ночь Джоун сидел у главного костра вместе с Рэбом и Тладом; остальные уже разошлись по палаткам и спали.

— Тлад, ну почему всегда все так получается? — тихо спросил Рэб. В руке у него была пригоршня мелких камешков; он по одному швырял их в костер.

— Ты имеешь в виду войну? — Глад пожал плечами. — Видимо, стремление воевать — неотъемлемая часть человеческой натуры.

— Ты так думаешь? Не знаю, не знаю. Почему мы боремся за жизнь в лесу, в то время как Мекк, его попы и солдаты находятся в крепости и придумывают новые способы разыскать и убить нас?

— Видимо, у истоков всего лежит секта сторонников Истинной Формы.

— Ах, вера! Уверяю тебя, я бы сумел найти вере более достойное применение! Помимо того, что нас мало, против нас еще работают все религиозные мифы. Сторонники Истинной Формы учат, что Страшная Болезнь была деянием Господа; благодаря Страшной Болезни Господь изменил тех, кто навлек на себя Его гнев. Следовательно, все, помеченные печатью Страшной Болезни, отвратительны Господу и должны быть истреблены.

— Мы все боимся странного и не похожего на нас. Даже ты не уверен, что твои сотоварищи, носители Дара, не отвергнут Джоуна, если ты скажешь им, что он — человек.

— Знаю. Убийство и мучения других существ всегда считались злом. Но потом попы, сторонники учения Истинной Формы, завладели сознанием Мекка и убедили его приказать уничтожить всех тери. По-моему, то, что носителей Дара также причислили к тем, кого необходимо истребить, было неизбежно. Так что сейчас убийство носителя Дара или тери — признак набожности. Все исказилось.

— Убежден, носителей Дара включили в список кандидатов на уничтожение также и по политическим мотивам, — ответил Глад. — Если Мекк действительно так подозителен и труслив, как

ты уверяешь, он, видимо, захотел уничтожить тех, кто способен устроить заговор против него, не произнеся ни единого слова.

— Подозреваю, что так оно и есть. Но если настоящее ужасно, будущее может быть еще хуже.

— Хуже? — прошептал Джоун. Он больше не мог сдерживаться. — Что может быть хуже того, что происходит сейчас?

— В настоящее время провинции исполняют Указ об истреблении из страха прогневить Мекка. Но со временем убийство любого существа, которое не является носителем Истинной Формы, может войти в привычку и стать обычным делом. Истребление тери продолжится годы спустя после смерти Мекка, потому что будет неразрывно связано с религиозным мифом, с легендой. Как можно бороться с легендой?

— Сочинить другую легенду, — отчеканил Тлад. Рэб рассмеялся:

— Только и всего? Другую легенду! Ах, если бы я только мог! Я создал бы новую веру, основал новую религию, которая объединила бы нас всех вместо того, чтобы разделять. А еще лучше, я покончил бы с любой религией и позволил людям жить так, как им заблагорассудится.

— То, о чем ты мечтаешь, нереально. Легенды существуют потому, что люди их выдумывают, а потом цепляются за них. Людям нужны мифы. Для того чтобы вытеснить существующие верования, тебе придется придумать другого бога — более сильного и доброго, такого бога, который затмит остальных, который внушит людям, что тери и носители Дара — такие же люди, как и все мы, и внушит так крепко, что новую веру уже ничем нельзя будет выкорчевать.

— Если бы я сумел завладеть тем оружием! — Рэб сжал кулак и потряс им в воздухе. — Уж я бы показал Мекку и его попам, на что способны люди-тери и люди — носители Дара!

— Значит, вот для чего тебе понадобилось оружие! Тебе самому захотелось сделаться Верховным правителем!

— Нет, что ты! — поспешил возразил Рэб. — Просто мы используем оружие для того, чтобы изменить соотношение сил в нашу пользу. Нам больше не нужно будет бежать... ни от кого!

Глад ничего не ответил. Джоун пристально наблюдал за ним; Глад задумчиво смотрел в костер, и на лбу у него появилась озабоченная складка.

На следующее утро Джоун стал разыскивать Глада, однако вскоре узнал, что тот ушел с рассветом — ушел неизвестно куда. Джоун бросился в лес; скоро он добежал до хижины Глада. Солнце взошло уже высоко, но Джоун не сомневался, что сумеет догнать человека. Ни один человек не способен так быстро передвигаться по лесу, как...

Ему еще предстоит привыкнуть думать о себе как о человеке! Джоун потихоньку начинал считать себя представителем людской расы; теперь ему хотелось, чтобы другие тоже видели в нем человека. Но Рэб твердил: не спеши, не спеши, не спеши! Вот он и не спешил. Однако с каждым днем его все больше и больше раздражала необходимость скрывать свой разум. Будучи от природы немногословным, он теперь начал испытывать ненасытную тоску по общению. Ему очень хотелось разговаривать с другими людьми. Однако слушать его было некому. Рэб всегда бывал либо занят, либо общался с

другими носителями Дара; когда приходил Тлад, они с Рэбом беседовали о вещах, в которых Джоун не разбирался. Из-за своего невежества он был обречен на молчание.

Поэтому он отправился на поиски Тлада. Тлад был человеком, однако почему-то не искал общества других людей. Может быть, он примет в свою компанию тери, которому ужасно хочется быть на равных с другими людьми? Оба они — чужаки, пришлые, оба отличаются от остальных. Только Тлад держится особняком потому, что сам так решил, а тери — из-за своего происхождения и в силу закона.

Тлада в хижине не оказалось, но по всем признакам он ушел отсюда совсем недавно. Может, они просто разминулись: тери бежал по параллельной тропке. Джоун немного подождал, потом решил побродить по лесу на участке между хижиной Тлада и лагерем пси-талантов.

Через какое-то время он вышел на знакомую поляну. Посмотрев налево, он увидел то, что привык называть про себя мерцающим ужасом. Но он увидел и кое-что еще.

Кто-то шел по полю. Человек...

Это был Тлад.

Джоун наблюдал, как Тлад подходит к мерцающему ужасу. Он шел быстро, уверенно, как человек, который твердо знает, куда идет, и которому не терпится туда попасть. Он подошел прямо к туманному пятну... и вошел в него!

Туман накрыл его с головой, и Тлад исчез.

Джоун побежал вперед; сердце готово было вырваться у него из груди. Тлад в опасности! Он должен ему помочь! Но где же он? Может, то, что спрятано внутри мерцающего ужаса, затащило его

внутрь и проглотило? А может, Тлад не подвержен страху? Может, он сам — его часть?

Вопросы остались без ответов; Джоун ощутил, как грудь и горло стискивают первые щупальца страха и отвращения. И все же он продолжал бежать. Он бежал до тех пор, пока не понял, что больше не может дышать; ноги у него затекли и сделались ватными. И когда ноги отказались подчиняться, он пошел — медленно, с трудом, потом пополз. Он заставлял себя двигаться вперед. Наконец он вошел в туман.

Внезапно лес исчез. Перед его глазами все поплыло. Остался только страх, который пронизывал его насквозь. И все же он заставлял себя идти, ползти вперед. Еще один шаг, еще один... И еще...

Вдруг туман развеялся.

А с ним исчез и страх.

Джоун стоял, тяжело дыша, обливаясь потом; он находился в прохладном помещении без запаха; казалось, помещение сделано из полированной стали.

Невдалеке от него — шагах в трех — в кресле к нему спиной сидел Тлад. Он пристально взглядывался в портрет мужчины, который висел на стене над ним. Джоун уже открыл рот, чтобы заговорить...

Но портрет заговорил первым.

XII

Сожалею, что мне приходится это сказать, Стивен, но я вынужден отклонить твою просьбу. Как тебе хорошо известно, вооруженные силы Федерации вмешиваются в происходящее лишь в

строго ограниченных пределах, а твоя просьба вмешаться в события, происходящие на Якоби-IV, выходит за рамки положений, оговоренных в Уставе Ла Нага. Установление протектората в данном случае идет вразрез с главной целью Культурологической службы; целью же службы является сохранение и поощрение многообразия форм жизни людей. Те пси-таланты, которых ты обнаружил на Якоби-IV, уверенно движутся к созданию настоящего параллельного общества; вмешательство межгалактической цивилизации на данном этапе затормозит их развитие. Боюсь, твоим одаренным друзьям придется самим искать выход из затруднительного положения. Да ниспошлют им звезды удачу!

Ты, разумеется, можешь помочь им, но только при помощи подручных средств.

Удачи, Стив, и конец связи.

— Черт! — процедил он, отключаясь.

Прослушивать запись беседы еще раз нет смысла. Совершенно очевидно: начальство не изменит своего решения. Хотя он и предчувствовал, что ему откажут — жестко и в соответствии с законом, — однако предчувствие не уменьшило его досады.

— Из всех узколобых глупцов...

Он обернулся и застыл на месте при виде тери, который стоял в переходном шлюзе и пристально смотрел на него.

— Джоун?

— Ты живешь внутри ужаса? — спросил тери, и в его скрипучем голосе послышались нотки благоговейного страха.

— Ужаса?

Появление Джоуна настолько потрясло его, что он не понял, о чем тот спрашивает.

— Туманное пятно...

— Ах, вот оно что! — Он понял, что Джоун имеет в виду нейростимуляторный отражатель его космического корабля. — Это нужно для того, чтобы сюда не проникали посторонние люди и иные любопытные создания. Но как тебе удалось пройти через поле?

— Я думал, Тлад в беде. Я пришел на помощь.

Он видел, что Джоун до сих пор тяжело дышит и дрожит, а мех его промок от пота.

— Ты, значит, прошел сквозь поле?! — Поступок Джоуна тронул его. Поле возбуждало почти непреодолимые рефлексы страха в автономной нервной системе любого млекопитающего. Поле было очень мощным. Чтобы преодолеть его, требуется мужество. Подлинное мужество! — Спасибо, Джоун.

— Значит, на самом деле тебя зовут не Тлад? — спросил Джоун.

Несмотря на грубую внешность, Тери очень быстро соображал. Дейлт попытался наскоро сочинить достойный ответ, но так и не сумел изобрести ложь, которая звучала бы достаточно правдоподобно и в то же время не раскрывала его. Тери его уважает, чувствует себя его должником! Он преодолел силовое поле страха, потому что решил, что Тлад попал в беду. К чему разрушать запас доверия наспех придуманной сказкой?

— Да. На самом деле меня зовут Дейлт. Стив Дейлт.

— Но ты ведь по-прежнему мой друг? — умоляюще спросил Джоун.

Простодушие и искренность тери тронули Дейлта.

— Да, Джоун, — сказал он. — Я по-прежнему твой друг. И всегда буду твоим другом. Я здесь для того, чтобы помочь тери и пси-талантам, но без тебя я ничего сделать не сумею.

Джоун вертел головой, осматривая внутренность корабля.

— А можно уйти отсюда? Мне здесь не нравится.

— Конечно! Но сначала... — Дейлт протянул руку и снял с плеча тери тонкую серебряную нить. — Индикатор больше тебе не понадобится. Я установил его перед тем, как ты отправился спасать Адриэль. Такие индикаторы я незаметно подбрасывал и некоторым пси-талантам. Они помогают мне обнаруживать их местонахождение. — Он положил нить на консоль, потом вынул из гнезда маленький диск и сунул его в ладонь тери. — Сожми крепче, когда мы пойдем через туман. С диском ты не будешь испытывать страха. У меня такой тоже есть; он спрятан в пряжке пояса.

Они вместе невредимыми прошли сквозь туман, который защищал корабль Дейлта от посторонних глаз, и преодолели нейростимуляторное поле, которое охраняло корабль физически. Потом они остановились отдохнуть под ближайшим деревом.

Дейлт сел, скрестив ноги, на траву и поманил к себе тери.

— Устраивайся поудобнее, и я расскажу тебе о себе. Потом, когда я закончу свой рассказ, ты поймешь, что лучше сохранить в тайне все, что ты узнаешь.

— Если это поможет Адриэль и остальным.

— Хорошо.

С чего начать? — подумал Дейлт. Мне придется нелегко!

Он начал с исторического обзора. В мире, породившем их всех, был изобретен оригинальный способ, который позволял одновременно заселить отдаленные планеты внешних миров и избавить Землю от недовольных, мятежников и смутьянов. Тех, кто соглашался переселиться, обещали доставить на планету, сходную по характеристикам с Землей. Однако вернуться обратно переселенцы не имели права. Условие было такое: полет на новую планету обеспечивался группе людей достаточно большого размера, которые хотели бы создать новое общество по своему выбору. Тот период вошел в межгалактическую историю под названием «эры отколовшихся миров». От желающих построить новый мир не было отбоя. Вскоре большинство годных для житья планет вокруг Земли оказались заселенными самыми причудливыми сообществами; но прошло несколько лет с момента заселения, и почти все они потерпели крах.

Исключением стала колония так называемых создателей. Первые поселенцы все были сведущи в науке и технике; им удалось построить жизнеспособное общество. Их мечтой был мир физически совершенных людей-телепатов. Они успешно двигались к осуществлению своей цели, когда власть захватила клика так называемых тератолов. Именно тогда были созданы тери; именно тогда появилась Яма; и, наконец, именно тогда родился вирус, вызвавший Страшную Болезнь — пандемию, уничтожившую на планете почти все живое.

В разгар эпидемии в столице собралась группа выживших создателей. Они видели, как развивается их цивилизация, и хотели сохранить для будущих поколений хотя бы что-то. Поэтому они собрали образцы сохранившихся орудий и приспособлений в одном месте и надежно укрыли их от посторонних глаз. Еще они записали краткую историю своей колонии в пяти томах; книги тоже спрятали. Прежде чем последние создатели пали жертвами Страшной Болезни, они транслировали содержание книг в космос.

Их послание было получено. Однако случилось это во времена вражды Империи с внешними мирами. Тогда Империю не интересовало спасение заболевших создателей. Посему послание было, согласно инструкции, записано и отдано в архив. О нем благополучно забыли. И только когда на развалинах Империи возникла Федерация Ла Нага и во всех направлениях были разосланы отряды культурологов в попытке вернуть выжившие отковавшиеся миры в общечеловеческое русло, была обнаружена запись содержимого тех самых пяти томов.

Сюда направили Стивена Дейлта, который до того успешно выполнил задание, внедрившись в феодальное общество планеты Кваши.

— Ты все понимаешь? — спросил Дейлт.

Тери не покачал головой и не кивнул.

— Что такое «планета»? — спросил он.

— Что такое пла...

Тут до Дейлта дошло: несмотря на врожденный ум, Джоун совершенно не искушен в космологии. Звезды для него были яркими пятнами света, планета, на которой они находились, — «мир», а звезда, вокруг которой вращалась планета, —

«солнцем». Такие понятия, как «Федерация Ланага», «отковавшиеся миры» или «межгалактическая колонизация», были для тери пустым звуком. Говорить с ним о колонизации — все равно что обсуждать теорию «большого взрыва» с человеком, который свято верит в то, что Солнце вращается вокруг Земли. И все же Джоун терпеливо и с интересом слушал его — возможно, из-за уважения лично к нему, Дейлту, а может быть, просто радуясь, что кто-то обращается к нему как к равному, как к мыслящему существу.

— Джоун, давай отложим объяснения до другого раза. Просто прими как данность то, что меня прислали издалека посмотреть, как тут у вас обстоят дела.

Вскоре после приземления и маскировки корабля Дейлт выяснил: дела на планете обстоят из рук вон плохо. Предварительные исследования показали, что планета обитааема, что на ней живут люди; с борта кораблей-разведчиков была произведена запись их языка. Записи передали в Центр. Путем ускоренного обучения Дейлт усвоил местное наречие — искаженный и упрощенный вариант земного староанглийского. Он собирался выступить в роли местного уроженца. Его целью было оценить, сумеют ли жители планеты управляться с достижениями современной техники. Так как аборигены предпочитали глухие согласные в мужских именах, он изменил собственное имя, чтобы оно звучало на местный лад. А поскольку вступать в тесный контакт с местными жителями ему не хотелось, он выбрал для себя образ затворника гончара, который живет в лесной чащбе.

Его прибытие совпало по времени с указом Мекка об истреблении носителей Дара; вскоре гон-

чар Тлад подружился с уникальной группой телепатов и даже стал для них своего рода наперсником. Он нашел то, о чем мечтает любой оперативник Культурологической службы: группу людей, отколовшихся от основной массы человечества; данная группа создала свой, особый, отличающийся от остальных уклад жизни. Именно для поиска и выявления подобных групп и была создана эта самая служба — ОКИ.

Вскоре выяснилось: уникальные люди на данной планете были приговорены к уничтожению.

Поэтому Дейлт послал срочный запрос в Центр; он просил вооруженные силы Федерации срочно вмешаться в происходящее, защитить пси-таланты и позволить им развиваться дальше.

Он получил отказ.

— Теперь, мой поросший мехом друг, все зависит от нас с тобой, — внушал он тери Джоуну. — Я не получу помоши от своих далеких друзей... — про себя он подумал: «И я даже не могу воспользоваться бластером, хотя будь я проклят, если не захвачу с собой один, когда мы отправимся в Яму...» — поэтому нам придется все делать самим. Пойдем навестим Рэба.

— Здесь — вход в смотровой коридор, — говорил Дейлт, показывая на маленькое темное пятнышко на своей карте. Потом он нарисовал пальцем дугу. — Вот обычный маршрут патрулей, охраняющих подступы к крепости Мекка.

Пятнышко располагалось как раз посередине между дугой и крепостью.

— Мы можем проскочить мимо патрульных, — сказал Рэб.

— Нам нужно не просто проскочить. Требуется раскопать вход. Он завален.

Рэб нахмурился:

— Это уже хуже. Нас непременно схватят!

— Вот тут в игру вступают твои люди. Мы можем на них рассчитывать?

— Разумеется. Что у тебя на уме?

— Война.

— Постой-ка...

— Маленькая война, — улыбнулся Дейлт. — Война, которая ведется по нашим правилам!

Носители Дара перенесли свою стоянку глубже в чащу, подальше от крепости Мекка. Как только стали лагерем, из леса вышли лучники. Небольшими группками они рассредоточились вокруг крепости.

Война началась.

Носители Дара образовали прекрасно скоординированные партизанские отряды. Они наносили молниеносные удары по противнику и тут же бесследно исчезали, уходили в лес, как рыба уходит в море. Когда военачальники Мекка высыпали сотню солдат, чтобы обыскать окрестные леса, войска возвращались ни с чем. Когда высыпался разведывательный отряд в десять человек, ни один из разведчиков не возвращался в крепость.

Результатом этих на первый взгляд бессмысленных мелких стычек было то, что линии патрулей постепенно стягивались ближе к крепости, плотнее окружали ее по периметру. На такой реакции и строился расчет Дейлта. Когда солдаты отступили, у него, Рэба и тери Джоуна появилась возможность найти старый вход в смотровую га-

лерею, которая была проложена под землей параллельно Яме и чуть выше ее. Они трудились всю ночь и почти весь следующий день, работали без шума и быстро, оттаскивали камни и рыли землю. Наконец они прорыли достаточно широкий лаз, в который помещался тери.

Дейлт кивнул Рэбу на прощание; он приготовился спускаться следом за Джоуном. Рэб должен был оставаться у входа и, если понадобится, при помоши своего Дара призвать подкрепление. Дейлт провалился в дыру...

И очутился в преддверии ада.

Дейлт заранее готовился к худшему, но никакие намеки, содержащиеся в его расшифровке истории создателей, не подготовили его к тому, что он увидел.

Заброшенная галерея уходила вдаль, плавно изгибаясь влево. Левая стена была сделана из какого-то прочного прозрачного материала; она наклонялась к Яме под углом в сорок пять градусов. Противоположная сторона прозрачной стены была почти сплошь покрыта смесью засохшей крови, экскрементов и грязи — следами жизнедеятельности многих поколений обитателей Ямы, которые пытались выбраться наружу.

Но выхода для них не было. Камень, из которого вытесали пол, стены и потолок Ямы, был обработан так, что сделать подкоп или прорыть туннель было невозможно. Правда, из Ямы на поверхность земли вели несколько вертикальных шахт, прорытых для вентиляции, но и шахты были защищены тем же непроницаемым прозрачным материалом, что и стена, отделявшая Дейлта и Джоуна от Ямы.

Внутренние стены и пол Ямы были выложены пористой породой; она излучала тусклое све-

чение. Благодаря такой обработке нигде внутри Ямы не было тени. Там царили вечные сумерки, усилившие нереальное, кошмарное впечатление от открывшегося им зрелища.

Для питания здешних обитателей тератолы вывели специальную быстро растущую плесень; ее гроздья свисали с потолка, подобно сталактитам. Для питья служили многочисленные подземные источники, которые впадали в большой водоем, расположенный в центре пещеры. В подземелье всегда было сыро и прохладно. Те, кто хотел спрятаться, могли вырыть убежище в пористой, ноздреватой каменной породе — там, где ее не обрабатывали. Однако в Яме не было деревьев, не было огня, не имелось никаких орудий.

Существа, ставшие побочным результатом чудовищных экспериментов тератолов, не могли выбраться на волю; однако в Яме никто не мерз, не голодал и не испытывал жажды.

И никто здесь не знал и минуты покоя.

В Яме не было никакого общественного устройства. Здесь заправляли самые сильные, самые свирепые, те, кто лучше других охотился в стае. Слабые, робкие, больные, увечные становились либо пищей, либо рабами. Подобные условия да еще плохая наследственность, обусловленная многовековым кровосмешением, превратили обитателей Ямы в орду диких слабоумных уродов.

— Вот воплощение темной стороны человеческой души, Джоун, — сказал Дейлт. — У них выхолощено все, что в нас есть хорошего и доброго.

Джоун неслышно ступал рядом. Дейлт шел по галерее; его мутило. Перед ним разворачивались дикие, кошмарные сцены, ставшие в Яме обыденными.

За прозрачной стеной кое-как передвигалось уродливое существо с бесформенным телом, шестью щупальцами и головой гуманоида. Время от времени существо хватало с потолка ошметья плесени и засовывало их в рот. Вдруг из норы, расположенной примерно в метре над полом, выпрыгнуло другое создание — с телом ящерицы, торчащими на спине роговыми пластинами и тоже с головой гуманоида — с почти человеческой головой! Второй урод упал на спину существа со щупальцами. Острыми клыками он впился в шею жертвы; кровь хлынула фонтаном и залила обоих. Жертва, однако, перекатилась на бок; ей удалось обхватить шею нападающего одним из своих щупалец.

Дейлт не стал ждать и смотреть, кто умрет первым — щупальчаторый от потери крови или рептилиеподобный от удушения. Они сплелись в смертельной схватке, а Дейлт пошел дальше, отводя взгляд от прозрачной стены и стараясь не смотреть на ужасных уродов, которые крались, неслись, ползли, двигались взад и вперед, лазали и бегали на ограниченном пространстве Ямы. Однако совершенно не смотреть на них он не мог.

— Где-то там должна быть дверь, — сказал он Джоуну. — Тератолы пробили в скале один вход со стороны галереи. Надеюсь, когда мы найдем дверь, мы сумеем ее открыть.

Тери ничего не ответил. Дейлт пристально посмотрел на своего спутника. Интересно, сумел бы он выжить здесь, в Яме? У Джоуна перед обитателями Ямы два преимущества: ум и охотничья дубинка. Дейлт охотно дал бы ему бластер, но подобное оружие слишком сильно для неискушенного тери. Судя по всему, ему гораздо удобнее управляться с привычным орудием, которое всю

жизнь защищает его и помогает добывать пищу.
Что ж, дубинка так дубинка!

Я сам не вошел бы туда и с двумя бластерами, подумал Дейлт, снова бросая косой взгляд на Яму.

Поскольку сама Яма была освещена ярче, чем галерея, обитатели Ямы даже не догадывались о том, что за ними наблюдают. На свету, который излучают фосфоресцирующие камни, отражается грязь, налипшая с той стороны прозрачной стены. С той стороны стена кажется просто необычно гладким камнем. Возможно, создатели именно так и мыслили — наблюдать, однако самим оставаться невидимыми.

Вдруг Джоун остановился и протянул руку к прозрачной стене.

— Что там такое, Глад?

Дейлт разглядел темное грязное пятно неправильной формы, выступ; со стороны галереи его диаметр примерно равнялся размаху человеческой руки. Выступ плавно уходил вниз, как бы впадая в Яму. Дейлт попытался представить, что находится с той стороны, но там выступ заканчивался темным плоским диском. Из галереи невозможно было разглядеть, плоский ли диск, или же там, с той стороны, имеется углубление или площадка.

Какое-то движение справа привлекло его внимание. По узкой тропке взбирались пять существ; они крались, почти прижимаясь к земле. Видимо, у диска, которым заканчивался выступ на обратной стороне, имелся глазок, реагирующий на движение, потому что с приближением пятерых он немного повернулся.

Вдруг существа приблизились настолько, что Дейлт сумел разглядеть их поподробнее. У них

были нормальные человеческие головы и торсы, однако все сходство с людьми на том и заканчивалось. Темная кожа, восемь ног — по четыре с каждой стороны, — которые были сочленены, как у пауков. Дейлт невольно отпрянул и вжался в противоположную стену — не из-за внешнего вида уродов, а из-за неприкрытой голодной ярости, сквозящей на пустых лицах идиотов. Чудовища бешено атаковали дискообразный выступ со стороны Ямы.

Умом Дейлт понимал, что недосягаем. И тем не менее сердце его бешено колотилось...

На том ужас не кончился. Банда паукообразных сорвала диск со стены и поволокла его к месту своего обитания. Тут Дейлт увидел противоположную сторону диска. В полумраке трудно было что-либо разглядеть, но даже при слабом свете из галереи было видно искаженное ужасом человеческое лицо.

Джоун впился в него взглядом. Он тоже все увидел.

— Они непременно должны жить именно так? — спросил он. — Зачем с ними так поступили? Почему такое стало возможным?

Дейлт вышел из своего убежища и подошел к тери. Он начинал по-настоящему привязываться к этому чистому, невинному созданию в обличье зверя. Джоун искренне не понимал, почему, в силу какого извращения, одни люди так жаждут абсолютной власти над другими. Дейлт тоже этого не понимал, однако он лучше тери был осведомлен в истории человечества.

После того как они пошли дальше, Дейлт положил руку тери на плечо.

— Джоун, друг мой, — сказал он. — Кошмар, который ты наблюдаешь, недостоин права на су-

ществование. Все, что здесь скрыто, спрятано от мира, является ужасным измышлением, порождением всего худшего, что заложено в нас. Оно не имеет права на существование, тем не менее оно существует. Ни одна случайная катастрофа, ни одно стихийное бедствие не сравнятся с теми ужасами, что творим мы по своей воле.

— Мы? — переспросил Джоун. — Кто это — «мы»? Я ни за что не допустил бы такого!

— Я говорю обо всем человечестве в целом, а к нему относишься и ты, мой друг, хочешь ты того или нет.

— Для такого человечества я не гожусь, — буркнул Джоун своим хриплым голосом. — Я хотел бы быть вместе с тобой, Рэбом, Комаком и Адриэль, но с этими... С теми, кто допустил такое, я никогда не буду вместе. Никогда!

Дейлт понял, что продолжать не стоит. Дальше пошли молча.

Они сразу опознали дверь, когда оказались рядом. Прозрачная стена галереи на всем своем протяжении была однородной. Однако, завернув за угол, они увидели, что в прозрачный материал врезано некое сооружение, которое на первый взгляд могло показаться огромной стальной колонной метров трех в обхвате. Колонна тянулась от пола до потолка. Дальше же снова шло прозрачное непробиваемое стекло.

— Должно быть, вот она, дверь, — сказал Дейлт, разглядывая гладкую металлическую поверхность колонны.

Он нашел углубление — достаточно большое, чтобы туда вошли четыре пальца руки; вложив пальцы в углубление, он толкнул дверь. Ничего. Он потянул ее на себя. Снова ничего. Дейлт еще

раз внимательно осмотрел дверь и обнаружил на уровне глаз три маленьких диска.

— Код! Как же я забыл!

Он полез в поясной мешочек и вытащил оттуда полоску бумаги. Комбинация была: «Сброс, 1-3-1-3-2-3-1-2».

— Сброс? Что значит «сброс»? Что нужно сбрасывать?

В расшифровке не было никаких указаний. Там лишь давалась последовательность цифр, но не объяснялось, как открыть дверь.

Действуя наудачу, Дейлт нажал на все три диска одновременно; наградой ему послужил свет, зажегшийся внутри колонны. Он набрал нужную комбинацию. Когда он снова вложил пальцы в отверстия и потянул дверь на себя, она бесшумно распахнулась. За нею оказалась маленькая камера. Когда они вошли в нее, с потолка заструился свет.

Перед ними была еще одна дверь — узкая, укрепленная четырьмя стальными стержнями толщиной в человеческую руку. Заметив справа на стене штурвал, Дейлт начал вращать его. Стальные штыри сдвинулись с мест. Первый и третий поползли вправо, второй и четвертый — влево.

Дейлт перестал вращать штурвал, когда стержни наполовину убрались в пазы.

— Пока хватит, — сказал он. — Мы убедились в том, что можем попасть в Яму. Теперь следует задать себе вопрос: хотим ли мы туда попасть?

Джоун вопросительно вскинул голову.

— Я вот что хочу выяснить, — продолжал Дейлт. — Ты справишься? На самом ли деле ты сумеешь добраться до тайника и пройти обратно через весь этот... кошмарный ужас?

У него в голове созрел новый план. Хотя и раньше он не тешил себя иллюзиями, не надеялся, что дело окажется простым, но... Яма оказалась более жутким препятствием, чем он себе представлял. Вот он и предлагал Тери вовремя выйти из игры, надеясь, что тот согласится.

Дейлт испытывал серьезные сомнения в том, что Джоун долго продержится в Яме — несмотря на силу и разум.

— Я должен идти.

— Нет, ты никому ничего не должен! Ты... — Он осекся; у него пересохло в горле. — Джоун, я не хочу, чтобы ты погиб.

Он не шутил. Отчего-то ему хотелось, чтобы этот странный, несчастный молодой человек выжил и находился рядом с ним. В Тери было нечто... Дейлт не знал, как определить определяющую черту его личности. Невинность? Благородство? Или то и другое вместе? Главное не это. Джоун — хороший. Хорошо, что он жив; Дейлт не хотел, чтобы его разорвали на части в Яме.

Джоун попытался улыбнуться — у него вышла неестественная гримаса.

— Я не погибну.

— Ты можешь погибнуть. Вполне можешь там погибнуть! Так что, прежде чем принимать окончательное решение, подумай хорошенько.

— И думать нечего, Тлад. Кроме меня, никто не попадет к тайнику. Человек — я хочу сказать, тот, кто выглядит как человек, — не пройдет. Только у Тери есть возможность проскочить. Поэтому я должен идти. Больше некому.

— Нет! Можно придумать другой способ. Мекк тоже не сумеет пройти через Яму. Он никогда не доберется до тайника. Носители Дара могут

скрыться в лесу и жить там сколько угодно долго; возможно, они переживут трудные времена. Ты не обязан умирать за них!

— Я не умру. Я спасу их, а им придется признать меня человеком. Они окажут мне честь признать меня равным!

Так вот в чем дело, подумал Дейлт.

Тери Джоун должен пройти испытание для того, чтобы примкнуть к человеческой расе.

— Джоун, в том нет нужды. Ты и так...

— Я иду, Тлад. — Дейлт снова услышал в голосе Джоуна решительные нотки. — Объясни, что искать.

— Если даже ты пойдешь в Яму, тебе придется пересечь ее дважды! — выпалил Дейлт и замолчал.

Он ждал взрыва негодования.

Джоун оставался безучастным.

— Значит, пойду два раза. Только ты объясни, зачем это нужно. Я должен был найти тайник и принести талантам оружие, с помощью которого они...

— Не будет им никакого оружия, — перебил его Дейлт. — Я боюсь, что мощное оружие гораздо больше повредит пси-талантам, чем поможет им. С оружием из тайника они приобретут слишком много силы; в результате в скором времени может появиться еще один Мекк... только хуже теперешнего... Мекк, обладающий Даром!

В голове у него раскручивался кошмарный сценарий. Картинки наплывали одна на другую. Он видел восстание носителей Дара, у которых появилось новое мощное энергетическое оружие, видел, как они побеждают Мекка. Он видел, как казнят солдат Мекка и церковников, приверженцев церкви Истинной Формы. Все вполне вероятно, вполн-

не предсказуемо. А потом победившие, вполне возможно, начнут уничтожать всех, кто верит в Истинную Форму, а также всех, кто в свое время поддержал Указ об истреблении. А потом — всех, кто не оказывал активного сопротивления Указу. И так далее и тому подобное, пока на планете не останутся только носители Дара.

— Ты не доверяешь Рэбу? — спросил Джоун.

— Рэб хороший человек. Но я не знаю, хватит ли ему... или другим... силы духа... чтобы противостоять разъедающему действию абсолютной власти. Даже если Рэб выстоит, у талантов появятся новые вожди, и тогда... В общем, тайник нужно уничтожить.

Джоун ничего не ответил, просто посмотрел Дейлту прямо в глаза.

— А мне-то ты доверяешь? — спросил Дейлт наконец.

— Если бы не ты, я был бы сейчас мертв.

— То, что я спас тебя, не значит, что я прав, и ты вовсе не обязан мне доверять. Это значит только, что я...

— Я тебе доверяю! — тихо сказал Джоун, и голос его эхом отразился от стен крошечной камеры.

— Хорошо! — Дейлт тоже понизил голос. — Потому что я тоже тебе доверяю. Я верю в тебя.

На пыльном полу камеры он нарисовал взрывное устройство, которое Джоун должен был привести из тайника. Яйцевидное по форме, такое маленькое, что тери спокойно мог унести его в руке, и такое мощное, что может вызвать цепную реакцию и взорвать все боеприпасы. Судя по списку, имевшемуся в расшифровке Дейлта, в тайнике хранилось достаточно взрывчатки. Если

все пойдет так, как он задумал, крепость Мекка взлетит на воздух и созданная им империя страха прекратит свое существование.

Бомба была снабжена таймером, однако установить таймер можно было только вручную — к сожалению, ее нельзя было взорвать дистанционно. И процедура установки была слишком сложна для существа, которому прежде никогда не доводилось иметь дела с таймером. Вот почему Тери предстояло совершить две ходки. В первый раз он принесет взрывное устройство Дейлту, который установит таймер; во второй раз он отнесет бомбу обратно в тайник.

— А обитатели Ямы? Что случится с ними? — спросил Джоун.

— Вся пещера взлетит на воздух. Настанет конец их страданиям — равно как и правлению Мекка.

Тери надолго задумался.

— По-моему, для обитателей Ямы все даже к лучшему, — сказал Дейлт. — Ты так не считаешь?

— Какое право мы имеем решать за них?

Вопрос Джоуна на мгновение привел Дейлта в замешательство. Он не ожидал, что его усвесстит лесной дикарь вроде Джоуна. Впрочем, почему бы и нет? Джоуну доводилось убивать, но он убивал защищаясь или от голода. И убивал он врага один на один, глядя жертве в глаза. Понятно, что его смущает убийство тысяч созданий, отгороженных от мира и не сделавших лично ему ничего дурного.

Почему же такой вопрос не пришел в голову *мне*? — подумал Дейлт. Ему стало не по себе.

— Джоун, если ты видишь для них иной исход, скажи мне об этом.

— Я верю тебе, Тлад.

Казалось, Джоун вполне удовлетворился ответом, но четыре произнесенных им слова тяжким грузом легли на плечи Дейлта.

Дейлт показал Джоуну, как открывать дверь в тайник. На ней должны быть такие же диски, как на наружной двери, через которую они вошли. Надо набрать ту же комбинацию цифр. Дейлт тренировал Джоуна до тех пор, пока тот не выучил последовательность назубок.

— Больше я тебе ничем помочь не смогу, — сказал Дейлт после того, как они в последний раз повторили описание взрывателя и комбинацию цифр. — Дверь, точно такая же, как первая, врезана в каменную стену, примыкающую к центральному водоему. Иди прямо, и ты ее найдешь. Главное — не останавливайся!

Дейлт снова схватился за штурвал; он поворачивал колесо до тех пор, пока стержни, скрепляющие внутреннюю дверь, полностью не ушли в пазы. На минутку он отбежал к прозрачной стене — убедиться, что с той стороны все спокойно. Вернувшись в шлюзовую камеру, он схватил Джоуна за мощную руку:

— Удачи, брат!

Джоун проворчал что-то неразборчивое. Они дружно навалились на дверь и открыли ее. Сырой, спертый, зловонный дух ударил им в нос. Тери быстро протиснулся внутрь и побежал. Дейлт тут же захлопнул дверь и начал крутить колесо. Стальные щиты вошли в стену на самую малость — этого хватит, чтобы не пустить сюда какого-нибудь особенно прыткого обитателя Ямы, но в то же время их можно будет мгновенно убрать, чтобы впустить сюда Джоуна.

Потом Дейлт подошел к прозрачной стене и стал ждать.

Ждать пришлось долго.

XIII

Вонь.

Он не был готов к такому ужасному, невыносимому зловонию.

Оно ударило ему в нос сразу, как открылась дверь. Запахи гниющей плоти, мочи, экскрементов ударили по его чувствительному обонянию. И надо всем царствовал один запах: запах страха. Убей первым, иначе убют тебя. Напряжение пропитало воздух, просачивалось сквозь стены.

Он пошел прямо и вскоре оказался в извилистом проходе, который изгибался то влево, то вправо. Ладонь правой руки, в которой он сжимал свою дубинку, стала влажной от пота.

Джоун очень боялся. Разговаривая с Тладом, он скрывал свой страх; впрочем, тогда ему почти удалось спрятать свой страх от себя самого. Но сейчас все его страхи с криком выскочили на поверхность. Он дрожал; он готов был немедленно нанести удар или отскочить от любого существа, которое окажется рядом.

Здесь не лес. Яма живет по своим законам, единственным в своем роде и беспощадным. Тускло мерцающие каменные стены по обе стороны от него от пола до потолка были покрыты норами и впадинами. Оттуда в любой момент может выскочить безумное разъяренное создание любой немыслимой формы и размера. И любой здешний обитатель готов наброситься на него, покалечить

или убить — без всякого на то повода с его стороны.

Он пошел быстрее, постепенно переходя на осторожную трусцу. Вначале передвигался на ногах, потом опустился на четвереньки; левую руку использовал как дополнительную ногу. Он не переставая вращал глазами: влево, вправо, вверх, вниз. Пока ни один обитатель Ямы его не потревожил. Вокруг полно неясных, смутных теней, которые при его приближении поспешно юркают в норы. Будь он поменьше размерами и не столь проворен, они непременно набросились бы на него.

Впереди проход расширялся и раздваивался. Врожденное чувство подсказывало ему, что надо сворачивать направо; но когда он пошел по правой тропке, он услышал шорох босых ног, яростное рычание и крики боли. Впереди что-то происходило; шум становился все ближе.

Подняв голову, тери разглядел над головой нечто вроде уступа. Подтянувшись, он вскочил на уступ и лег на живот, осторожно свесив вниз голову. Шум приближался; вдруг его источник выкатился из-за угла.

Вначале Джоун решил, что перед ним огромное черное узловатое создание с множеством человеческих голов и несчетными черными веретенообразными руками, которые бешено вращаются во всех направлениях. Но по мере того как неизвестное существо приблизилось, он понял, что перед ним — банда паукообразных тер, которых они с Гладом уже видели раньше. Может, это была та же самая банда, какую они видели, а может, и другая. Паукообразные набросились на какое-то крупное существо.

Одинокая жертва внезапно вскочила на задние ноги и сбросила четверых или пятерых атакующих. Правда, еще столько же по-прежнему цеплялись за нее. Джоун увидел, что жертва выше его; фигура отдаленно напоминала человеческую, хотя и с искаженными пропорциями. Круглая лысая голова крепилась к туловищу без намека на шею; массивные плечи, длинные руки; когда неизвестное существо выпрямлялось, руки доставали почти до земли. От широких плеч тело резко сужалось к тазу и смехотворно коротким толстым ногам.

Джоун понял также, что паукообразные охотились не на само существо, а на трех его маленьких извивающихся детенышах. Судя по ним да еще по четырем плоским грудям, существо, на которое напали паукообразные, было самкой.

Однако с такой самкой шутки были плохи! Сильными руками она молотила направо и налево, расшвыривая паукообразных; она не давала им отнять детенышей и вместе с тем продвигалась к более безопасному месту. Она держалась до тех пор, пока два паукообразных не вскочили ей на плечи и не начали выцарапывать глаза.

В тот момент весь клубок находился под выступом, на котором лежал Джоун. Он понимал, что в его интересах пропустить их. Пусть себе катятся дальше! Но что-то в бессильной ярости уродливой матери тронуло его. Она самоотверженно защищала свое потомство. Надо ей помочь!

Только один раз, обещал он себе.

Он перегнулся через выступ и ударил ближайшего паукообразного дубинкой по спине, вложив в удар всю свою силу. Удар пришелся по позвоночнику; паукообразный покатился по полу, визжа и отчаянно лягаясь. Однако лягались и дерга-

лись лишь две передние ноги. Второй паукообразный поднял голову и посмотрел на Джоуна; в его глазах на бессмысленном, тупом, похожем на человеческое лицо сквозила неприкрытая злоба. Злоба была конкретно направлена не на него, Джоуна, а на весь мир.

Вдруг второй паукообразный с рычанием подпрыгнул. Он не собирался мстить за своего сородича: им двигало стремление пожрать существо, которое показалось ему доступной жертвой.

Вой паукообразного привлек внимание его сородичей; через миг они оставили в покое самку и ее потомство. Самка не преминула этим воспользоваться: протянула мощную лапу и ухватила одного паукообразного за ноги; потом она подняла существо в воздух, раскачала и со всей силы швырнула об пол. Она била его еще и еще, пока две конечности не оторвались, а туловище не покатилось по полу к стене и не затихло там.

Джоун уже не мог наблюдать за действиями самки: ему пришлось отражать атаку второго паукообразного. Тот, вскочив на выступ, тут же набросился на Джоуна. Джоун нанес удар, прежде чем существо успело дотронуться до него. Четыре сильных удара дубинки — и паукообразный слетел с карниза. Увидев трех убитых сородичей, оставшиеся в живых паукообразные пустились наутек тем же путем, каким пришли сюда.

Самка подошла к паукообразному с перебитым позвоночником и закончила его мучения, нанеся два сокрушительных удара по голове. Потом она осмотрела туловище того, который свалился с карниза. Довольная тем, что никто больше ее не потревожит, она сделала шаг назад, подняла голову и посмотрела на Джоуна.

Она выпрямилась и смотрела на него так напряженно, словно ее маленький мозг силился понять, почему он помог ей. Джоун и сам толком не понимал, зачем вмешался; теперь он мысленно ругал себя за глупость. На карнизе он как в ловушке: самка может легко достать его своими длинными руками.

Они долго смотрели друг на друга.

Самка все еще сжимала в руках две оторванные конечности паукообразного. Три маленьких уродца, вцепившиеся в живот матери, начали извиваться и скулить. Не сводя глаз с Джоуна, она поднесла окровавленную конечность ко рту и откусила кусок мяса. Разжевав его, она стала кормить жвачкой детенышней. Неожиданно она подскочила к самому карнизу и положила перед Джоуном вторую ногу.

С трудом подавив тошноту, он соскочил на пол и побежал по коридору.

И они когда-то были людьми? — спрашивал он себя, когда желудок у него немного успокоился и он перешел с бега на трусцу. Или они и сейчас люди, несмотря на то, кем они стали?!

И где находится место тери Джоуна?

Ответа не было.

Он побежал к центральному водоему. Застойный пруд питался водой из подземного источника. При его приближении что-то шлепнулось в воду, нарушив первозданную гладь, и удрало прочь.

Здесь было темно. Возможно, испарения сводили на нет фосфоресценцию. Как бы там ни было, темнота затрудняла поиски двери в тайник, которую описал ему Глад.

Джоун медленно побрел вдоль берега. Он выискивал глазами каменную стену и дверь в ней. Он нашел то, что искал, почти случайно — если

бы он не опирался левой рукой о камни, он прошел бы мимо, даже не заметив двери. Но пальцы его нашупали длинную вертикальную ложбинку. Он остановился и стал осматриваться.

Вот и углубление для пальцев. Вот и три диска.

Позади плеснула вода. Джоун повернулся. Вначале он не увидел ничего. На поверхности водоема лишь вздувались пузыри. Еще один плеск — и он различил, как что-то плывет — нет, поднимается из пруда! Очертаний фигуры он не разглядывал: ему было все равно. Кто бы там ни прятался, ничего хорошего от него ждать не приходилось.

Как и вообще от кого-либо здесь, в Яме.

Потерев рукой диски, он быстро набрал код: 1-3-1-3-2-3-1-2. Потом схватился за ручку. Дверь не открывалась. Он снова набрал код. Безрезультатно!

Бросив косой взгляд через плечо, Джоун увидел, как из пруда поднимается что-то огромное; оно маячит над водой и приближается. Он снова набрал комбинацию цифр, но дверь не поддавалась! Он с силой ударил по двери кулаком, но тут вспомнил слова Тлада: «Перед тем как набрать код, сделай сброс».

Джоун ударил по всем трем дискам одновременно, снова набрал код и потянул дверь. Она поддалась! На него посыпались пыль, грязь и мелкие камешки; уронив дубинку, он навалился всей тяжестью на дверь и, собрав все силы, потянул ее на себя. Теперь ему не нужно было оглядываться — влажный воздух, пар, идущий от бесформенного бегемота, дул на него, как будто бегемот ревел ему в ухо.

Вдруг дверь открылась; от неожиданности он отступил назад и угодил во что-то холодное, мяг-

кое и скользкое. Собрав последние силы, он протиснулся в проем и закрыл за собой дверь. Дверь закрылась не до конца: ей помешали обломки камня. Однако чудовище, оставшееся снаружи, помогло ему: оно навалилось на дверь всей своей тушей и закрыло ее.

Казалось, комната почуяла присутствие Джоуна. Панели на потолке замерцали приглушенным светом; поскольку стены светились тоже, стало довольно светло. Джоун попытался собраться с мыслями. Комната была завалена ящиками. Они штабелями стояли вдоль стен и посреди комнаты. С чего начать?

После короткого отдыха — впервые с тех пор, как он покинул Тлада, он почувствовал себя в относительной безопасности — Джоун начал осматриваться. Слева направо. Он шел вдоль стены, срывая крышки ящиков. В некоторых были книги, в других — картины, однако содержимое большинства ящиков оставалось для него непостижимым. Какие-то непонятные вещи!

Он много чего не понимал!

Например, он не понимал Тлада. Почему он доверился этому человеку? Ведь тот уже много-кратно лгал всем окружающим. Начать с того, что его зовут не Тлад... Он явился не с побережья... Он не гончар.

Надо ли верить лжецу?

Тлад целыми днями беседовал с Джоуном, пытаясь объяснить, откуда он появился и зачем он здесь. Однако Джоун уяснил из его монологов только одно — Тлад явился издалека и хочет помочь носителям Дара и другим тери.

Зачем? Может, у него на то имеются свои причины, о которых он молчит? Может, он и сейчас

согласил Джоуну о своих намерениях, как согласил о своем имени?

Но Тлад хотя бы говорил с Джоуном, обращался с ним как с человеком; кажется, он действительно считает его человеком. Только за одно это Джоун готов на все ради Тлада... он даже поможет ему обмануть Рэба и носителей Дара. Он сломает оружие, вместо того чтобы доставить его на верх. Тлад сказал, что так будет лучше, и Джоун поверил ему.

Потом он нашел бомбы. Много ящиков с бомбами были аккуратно уложены вдоль стены. Бомбы были яйцеобразные, как и говорил Тлад, с гладкой блестящей поверхностью.

Такие маленькие штучки могут убивать? Они способны разрушить Яму и снести крепость Мекка до основания?! На первый взгляд невероятная вешь. Однако до сих пор он верил Тладу...

Сейчас понадобится только одна. Джоун сжал бомбу в руке и подошел к двери. Приложив ухо к гладкой поверхности, стал прислушиваться. Что происходит с другой стороны? Ничего не слышно.

Джоун толкнул дверь, она легко поддалась; он осторожно выглянулся. Все тихо; впереди блестит водная гладь и виднеется узкая тропа.

Озерный обитатель ушел.

Как только Джоун оказался по ту сторону двери, свет в тайнике начал гаснуть; когда он закрыл тайник, там снова воцарился мрак. Он опустил голову и увидел свою дубинку там, где уронил ее. Она была покрыта тиной — здесь все было покрыто тиной и илом. Он вытер дубинку о мех на своей ноге. Тинный след тянулся вдоль берега водоема и исчезал в том проходе, которым он намеревался вернуться к Тладу.

Пришлось изменить планы. Несмотря на то что сюда он пришел по первой тропе и других, кроме нее, не знал, он все-таки решил пойти обратно другой дорогой, хотя больше всего боялся заблудиться в Яме.

Он верил своему чутью; он обязательно выйдет куда надо, даже по незнакомой тропе. Чутье надежнее, чем даже дубинка — ведь она оказалась бесполезной против неизвестного бегемотообразного существа из пруда.

Новая тропа не слишком отличалась от старой; тери не спеша продвигался по ней. Идти пришлось только ногами. В левой руке он крепко сжимал бомбу, а в правой — дубинку.

Вдруг...

Завернув за угол, он в буквальном смысле слова врезался в стаю, состоящую из девяти или десяти паукообразных.

Не колеблясь ни секунды, они со злобным воем набросились на него; когтистые лапы рвали его плоть, острые зубы на лицах, до ужаса похожих на человеческие, щелкали у его глаз. Джоун стряхнул их и медленно отступил, демонстративно и угрожающе размахивая дубинкой.

Поняв, что первая атака не удалась, паукообразные немного отступили. Однако они все время старались обойти его сбоку или закинуть одного своего сотоварища ему на плечи. Джоун продолжал отступать, не подпуская их к себе. Интересно, подумал он, долго ли ему удастся продержаться.

Вдруг он уткнулся спиной в камень. Идти было некуда. Он позволил паукообразным загнать себя в тупик! Джоун огляделся по сторонам, и внутри у него все скжалось от страха. Они загнали его в ловушку. Он попался.

Подняв голову, он увидел прямо над собой, в стене, дыру. Должно быть, там находился вход в какую-нибудь пещерку. Он мог бы легко взобраться по стене, однако нельзя было поворачиваться спиной к банде паукообразных. Это очень опасно!

Только тут они напали на него всерьез — на трех уровнях. Одни хватали его за ноги, другие за руки, а остальные метили в голову. Он яростно размахивал дубинкой, лягался, когда представлялась возможность; ему удалось сдержать их на пару секунд, но вдруг один из них впился зубами ему в ногу. Джоун дернулся и потерял равновесие. Он упал на одно колено. Тут вся стая окружила его; они впились в него когтями, зубами; их омерзительные темные тела терлись о него. Джоун почувствовал, что сейчас рухнет на спину. Он бросил дубинку и поднял правую руку, пытаясь обрести равновесие, ища поддержки — все, что угодно, лишь бы встать на ноги. Если они повалят его на землю...

Вдруг он почувствовал, как чьи-то мощные пальцы стиснули его запястье. С такой силой, что рука едва не вывернулась из сустава, его вздернули вверх и от части освободили от нападающих. Он стряхнул их с себя; тут его потянули наверх и бесцеремонно швырнули в пещеру наверху. Он извернулся, готовый лицом к лицу встретиться с новым врагом, опаснее, чем те, что остались внизу. С изумлением он увидел самку, которой помог на пути сюда.

Она зашипела и подтянула его к себе, затем переключила внимание на стаю паукообразных внизу. Они карабкались вверх. Самка прислонилась к стене и стала ждать. Как только первый

просунул голову в пещеру, она схватила его и разбила ему голову своим мощным кулаком. Руки у нее работали словно два молота. Казалось, убивая врагов, она получает огромное удовольствие.

Джоун охотно помог бы ей, но его дубинка осталась внизу. С облегчением он заметил: бомба по-прежнему у него. Он огляделся, ища, какое бы еще орудие использовать против паукообразных, однако ничего подходящего не нашел. Только на полу валялся труп паукообразного, убитого раньше. Отпрыски могучей самки столпились вокруг него и рвали его зубами.

Вдруг Джоун увидел вдали свет. Ему стало любопытно; обойдя омерзительных пирующих детенышней, он пошел на разведку. Туннель резко изгибался кверху, но свет над головой так и манил к себе. Он быстро полез вверх по стене.

Наверху он обнаружил трещину, в которую не могла бы пролезть и его голова. Сквозь трещину пробивался свет — не болезненное фосфоресцентное свечение, которое пронизывало всю Яму, а яркий, чистый, знакомый свет.

Солнечный свет!

Джоун выглянул наружу. Оказалось, что от потолка пещеры отходит большая вертикальная труба с гладкими, отполированными стенками. Наверху, там, откуда падал солнечный свет, били в гонг; вдруг послышался человеческий крик. Джоун извернулся, оперся плечом о стену. Ему стало видно, что происходит на том конце трубы. Тот конец закрывала тяжелая железная решетка. За ней было голубое небо; вокруг решетки толпились люди.

Решетку подняли; к самой трубе подтолкнули голого человека. Он отчаянно извивался и кри-

чал. Руки у несчастного были связаны за спиной. Через некоторое время он перестал кричать и лишь тихо стонал. Голос над ним что-то произносил — размеренно и неотчетливо. То ли молятся, то ли зачитывают приговор...

Смутно знакомый голос...

Когда голос замолк, голый человек снова закричал. Два солдата с силой толкнули его, и он полетел вниз, дергая ногами и отчаянно вопя от ужаса. Когда голый упал, послышался вой обитателей Ямы, поджидавших его внизу. Джоуну не было видно, что произошло дальше. Да он и не хотел смотреть.

Вместо этого он разглядывал злобные физиономии солдат над своей головой. Они с любопытством всматривались вниз, очевидно пытаясь угадать, какая судьба постигла бывшего узника. Потом над шахтой склонилось еще одно лицо, и Джоун почувствовал, как у него по спине побежали мурашки.

Он узнал его! Капитан Гентрен из крепости Китру!

Внезапно все вернулось — горе, досада, гнев, боль. Благодаря знакомству с Тладом и носителями Дара эти чувства несколько притупились, как затянулись раны, нанесенные мечами. Он думал, что выздоравливает, но теперь понял: ничего не изменилось. Его душевые раны нарывают и болят еще сильнее, чем раньше.

Он вдруг услышал, как клацают его зубы. Больше всего на свете ему хотелось крови капитана Гентрена. Равновесие должно быть восстановлено...

И будет восстановлено!

Джоун отпрянул от дыры и задумался. Он не сумеет сам добраться до Гентрена. Ему нужна по-

мощь Тлада. Он посмотрел на гладкое яйцо у себя в руке и понял: вот он, ключ к решению! Маленькая игрушка сделает Тлада сговорчивее. Он переложил ее в левую руку и заспешил к выходу из пещеры.

Самка поджидала его; вокруг нее столпились детеныши. Банда паукообразных убежала — может, заметили другую жертву, а может, наконец сообразили, что бесполезно пытаться проникнуть в пещеру. Самка прижалась к стене, пропуская его, и зашипела, когда он проходил мимо.

Джоун держался от нее на расстоянии; он держался, заметив, что она нагнулась и подняла что-то с пола. Однако она всего лишь подхватила оторванную ногу паукообразного. Она опять делилась с ним добычей.

Передернувшись, Джоун взял жуткий подарок.

Самка оскалилась на него. Возможно, она так улыбалась; надо признать, улыбка ее совсем не крascila. Однако Джоуну показалось... будто в глазах самки застыла печаль. Она жалела, что он уходит. Возможно, самое ужасное в Яме — одиночество.

Джоун махнул самке рукой и быстро вышел, оставив ее в пещере со своим выводком. Спустившись по стене вниз, он вдруг понял: даже если Тлад прав и тератолы намеренно заселили Яму созданиями, начисто лишенными всех человеческих черт, их замысел потерпел крах. По крайней мере, эта мать не забыла оказанную ей услугу и отплатила добром за добро. В атмосфере, пропитанной ужасом и уродством, забрезжила искра братства и дружбы.

Спустившись вниз, Джоун начал шарить по земле. Там валялись трупы двух паукообразных. Между ними лежала его дубинка. Они ее не тронули —

видимо, их пальцы не способны были удержать какое бы то ни было орудие. Он взял дубинку и вышел из каменного мешка. Потом он осторожно затрусили по коридору по направлению к прозрачной стене и свободе.

Почти дойдя до места назначения, Джоун вдруг остановился и стал ощупывать руками каменные стены, покрытые осклизлой, тускло мерцающей грязью. На уровне своей головы он обнаружил один неплотно прилегающий камень; он расшатал его и вынул. Проделав в стене небольшое отверстие, он положил туда бомбу и снова заложил отверстие камнем. Потом отступил на шаг и полюбовался результатом своей работы. Довольный тем, что надежно спрятал бомбу, он развернулся. Остаток пути к Гладу он пробежал.

XIV

— Он вернулся! — закричал Дейлт, увидев, как Джоун выныривает из-за угла и несется к нему.

Отбежав от смотрового люка, он опрометью кинулся в шлюзовую камеру. С силой повернул штурвал, дождался, пока стальные штыри уберутся в гнезда, и открыл дверь. Джоун, задыхаясь, ворвался в камеру и помог ему снова закрыть дверь.

— Слава Ядру, ты жив! — воскликнул Дейлт.

Он с трудом удержался, чтобы не обнять огромного неуклюжего юнца, похожего на медведя. Все время, пока Джоуна не было, Дейлт воображал, как он умирает, рисовал в уме тысячу способов смерти — один другого ужаснее и безобразнее. Он поклялся, что никогда не простит себе, если с Джоуном что-то случится.

Но сейчас все было кончено; тери вроде бы выглядит как раньше... Нет, постойте... на его лице кровь, окровавлены и шея, и спина...

— Ты ранен?

— Царанины, — ответил Джоун своим скрипучим голосом. Однако он тяжело дышал, хотя стоял ровно. — Болит совсем немного.

— Ты нашел тайник?

— Да. Нашел. И бомбы нашел — их там много. — В его голосе и повадках появилось странное напряжение.

— Хорошо... так где же бомба?

Джоун ответил не сразу.

— Там.

— Ты ее уронил?

— Я ее спрятал.

Дейлт ничего не понимал.

— Объясни, Джоун! В чем дело?

Тери быстро рассказал, что и кого он видел в вентиляционной шахте. В заключение он сообщил Дейлту, чего желает больше всего на свете.

— Капитан Гентрен должен умереть.

— Он обязательно умрет! — заверил его Дейлт. — Все они там, наверху, — Мекк, его попы, солдаты — все взлетят на воздух, как только первая бомба взорвет остальные боеприпасы.

— Нет. Ты не понимаешь. Он не должен умирать, не зная за что. Должен понять, что его смерть восстановит равновесие, которое он нарушил, когда пришел в мой дом и убил моих родителей. Он обязательно должен узнать, почему умирает!

— Джоун, то, о чем ты говоришь, называется «местью», — медленно проговорил Дейлт. — Ты движешься вперед семимильными шагами — за

несколько дней прошел путь многих поколений.
Но бомбы обеспечат нам превосходство.

— Нет, — повторил тери. — Ты не понимаешь.
Тот капитан должен...

— Он должен корчиться, как червяк, умолять
о пощаде, унижаться, прежде чем ты убьешь его?
Вот чего ты добиваешься? Ты этого хочешь?
Иными словами, ты хочешь опуститься до его
уровня?

Удивленный горячностью Дейлта, Джоун замкнулся и ничего не ответил.

— Джоун, ты... ты лучше, ты выше мести! Рэб
рассказывал, как ты убил Деннела и Китру, но
там было совсем другое дело — тогда ты очутил-
ся на вражеской территории, попал в ловушку и
был со всех сторон окружен врагами.

— Да. Из-за таких людей, как капитан, весь
мир превратился для меня и моих родных во вра-
гескую территорию.

— Да, наверное... но сейчас ты сам на себя не
похож. Ты рассуждаешь хладнокровно и недостойно
себя самого... — Дейлт смягчился. — Джоун, ты, наверное, и сам не понимаешь, сколько в
тебе благородства, порядочности и доброты. Та-
кие вещи люди чувствуют сразу. Вот почему они
любят тебя. Твой капитан Гентрен — мерзавец,
мразь, подонок; он не лучше и не хуже остальных
там, наверху, тех, кто действует по приказу Мек-
ка. Не пачтай о него свои руки!

— Но равновесие...

— Будь проклято равновесие! О нем позаботят-
ся бомбы!

— Нет!!! — вскричал тери с такой отчаянной
решимостью, что Дейлт понял: дальнейшие воз-
ражения бессмысленны. — Бомба не вернется в

тайник до тех пор, пока я не обагрю руки кровью убийцы моих родителей!

— А теперь еще и шантаж, — прошептал Дейлт, пристально всматриваясь в лицо Джоуна. — Ты взрослеешь прямо на глазах!

Он испытывал неподдельную боль. Бедняга за короткий срок пережил столько испытаний! Джоун лишился родного дома, почвы под ногами; теперь он даже не знает, кто он такой. Когда солдаты Гентрена пролили кровь его родителей, весь мир вокруг него начал рушиться, кружиться, разваливаться на куски. И что-то в глубине его души страстно верит: все вернется, если умрет один определенный человек — капитан Гентрен.

— Чего ты хочешь от меня? — спросил наконец Дейлт. Он почти физически ощущал, как прямо на его глазах гибнет невинная душа.

— Найди Гентрена, — проскрежетал тери. — Там, наверху, еще светло; ты сможешь подняться в крепость и выяснить, где он спит.

— И что потом?

— Потом я навещу его и восстановлю равновесие.

— Ты даже не сумеешь пробраться в крепость, не говоря уже о том, чтобы убить офицера!

— Сумею. И проберусь куда надо. Потом я вернусь, дам тебе смертоносное яйцо, ты настроишь его, как надо, а я положу его на место.

Дейлт обдумал возможные варианты и понял, что выбора у него нет. Согласно правилам Культурологической службы, он обязан действовать в пределах технических возможностей той стадии развития общества, которая находится под наблюдением. Однако не правила сдерживали его сейчас. Его сдерживала Яма. Между ним и решени-

ем проблемы стояла Яма. Он посмотрел сквозь прозрачную стену. Кошмар продолжался. В Яме кошмар вечен. Если бы он смел надеяться, что у него есть хотя бы крохотная возможность выжить там, он пошел бы в тайник сам. Но он может остаться там живым только при наличии полного комплекта боевого оружия, а у него при себе ничего нет.

Он может провалить задание. Самое страшное — в результате его гибели Мекку достанется супероружие из тайника. Рано или поздно Верховный правитель до него доберется. И тогда придет конец носителям Дара и всем иным созданиям, которые посмели отклониться от того, что сторонники Истинной Формы считают нормальным и правильным.

Будь проклят Центр, будь проклята Культурологическая служба! Почему они не согласились установить на планете протекторат?

Он устал задавать себе трудные вопросы и не получать на них ответов... по крайней мере, таких, какие его устраивают.

Вслух же он сказал:

— Поскольку у меня нет выбора и поскольку благополучие наших друзей, носителей Дара, зависит от бомбы, которую ты называешь смертоносным яйцом, — посмотрев на тери, он понял, что последние слова нисколько не тронули его собеседника, — я сделаю все, что в моих силах. Но мне нужна твоя помощь. Без тебя я не сумею выбраться наверх.

Джоун ничего не ответил. Он стоял и терпеливо ждал, пока Дейлт начнет действовать.

Внезапно на Дейлта навалились тоска и смертельная усталость. Он с усилием повернул штур-

вал, наглухо закрыл дверь, ведущую в Яму, и отвернулся от нее. Судя по диаграммам из книг создателей, из смотровой галереи наверх ведут одна или две вентиляционные шахты — такие же, как та, которую тери обнаружил в Яме. Только в шахтах, расположенных над галереей, вроде бы должны быть еще и лестницы. Они медленно пошли дальше и скоро нашли такую шахту. Дейлт вскарабкался наверх по выбитым в скале ступенькам. Метра через два он увидел пробитое в стене отверстие, забранное металлической решеткой.

Вентиляционная труба, очевидно, переходила в заброшенную шахту канализации древнего города. Справа имелся рычаг; нажав на него, Дейлт приподнял тяжелую решетку. Она на удивление легко вышла из пазов. Однако для того чтобы выбраться наружу, надо было еще придерживать ее, чтобы не упала. Джоун поднял ее повыше, придержал, и Дейлт пролез в шахту канализации. Обходя грязные лужи, он побрел на свет, тускло брезживший где-то вдали.

Еще одна решетка — на сей раз она находилась в потолке, наверху. Подтянувшись на руках, Дейлт посмотрел наружу. Он увидел пустынную дорогу, идущую вдаль. Надвигались сумерки; там, наверху, царила тишина. Поблизости никого вроде бы не было. Дейлт ощупал решетку снизу и нашел то, что искал: рычаг, заржавевший оттого, что им долго не пользовались. Он повис на рычаге всей тяжестью; рычаг заскрежетал и двинулся в сторону.

Однако поднять решетку до конца ему оказалось не под силу. Дейлт уперся в нее спиной, напряг все силы, однако не сумел сдвинуть такую тяжесть. Решетка была выкована из очень проч-

ного металла, к тому же петли за долгое время заржавели.

Тут на помощь подоспел Джоун. Тери протиснулся наверх, оказался рядом с Дейлтом и навалился на решетку плечом. Отчаянно заскрипев, она отскочила наверх; теперь Дейлт мог протиснуться в образовавшееся отверстие. Как только он вылез наружу, тери снова захлопнул решетку.

Быстро огляделвшись по сторонам, Дейлт убедился в том, что правильно оценил обстановку: дорога пустынна. Скорее всего, по ней давно никто не ходит и не ездит. Он присел на корточки и посмотрел туда, откуда только что вылез. В темноте он разглядел лицо Джоуна.

— Жди здесь, — приказал он тери. — Как только я появлюсь, приготовься сразу впустить меня. Не знаю, что ждет меня в замке; возможно, возвращаться придется в большой спешке.

— Я подожду, — просто ответил Джоун.

У горизонта дорога сужалась и разветвлялась; дойдя до развилки, Дейлт огляделся по сторонам. Вечерело, и движения почти не было. Местные жители из деревушки, расположенной у подножия холма, на котором стоял замок, уже продали свои товары или выполнили работу; солдаты выгнали их из ворот, и они расходились по домам. В любом случае всех местных жителей вытравливали из крепости до заката.

Невдалеке Дейлт заметил двоих мужчин, по виду крестьян, и пошел за ними, оживляя в памяти походку и манеру говорить, присущую местным жителям.

Будучи сотрудником Культурологической службы, он прошел углубленную подготовку по курсу человеческого поведения и манер. В основе под-

готовки лежал тот факт, что люди ведут себя примерно одинаково — независимо от того, как долго они были отделены от основной массы человечества. Разумеется, исключения бывают всегда и везде, но в целом для большинства отковавшихся миров теория оказалась верной. Дейлта научили множеству мелких, присущих только данному обществу привычек, которые позволяли ему выглядеть своим в любой среде. Сейчас он шел по улице города-крепости, управляемой Верховным правителем Мекком, и выглядел типичным представителем гражданского населения, крестьянином или ремесленником, который часто заходит в крепость по своим делам и точно знает, куда он направляется.

На самом деле он понятия не имел, куда идти. Ни к воротам, ни вниз, в деревню, за двумя бредущими впереди крестьянами, ему нельзя было сворачивать. Дойдя до угла, он отправился искать казармы или любое другое место, где в такое время суток собираются солдаты.

Солнце уже почти село, когда он обнаружил группу солдат, столпившихся у входа в таверну. Они пили эль из кружек и громко хохотали. Явно только что сменились с дежурства. Дейлт подошел поближе и скромно встал в сторонке, изображая всем своим видом почтение к защитникам Верховного правителя.

Наконец один солдат соблаговолил заметить Дейлта.

— Ты чего здесь ошиваешься? — грубо рявкнул смуглый толстяк среднего возраста и злобно оскалился.

Дейлт отвел глаза в сторону и пробормотал:

— Я только...

— Выпить хочешь?

Солдат плеснул в Дейлта опивки из своей кружки. Тот легко мог бы уклониться, но предпочел, чтобы пиво испачкало его куртку.

Он старательно отряхивался, а солдаты вокруг заливались хохотом и хлопали толстопузого по спине. Одернув куртку, Дейлт проверил, надежно ли укреплен на поясе бластер. Он носил его с собой в нарушение всех правил, потому что знал: Мекк отбирает в свою армию самых жестоких. Пусть начальство думает что хочет, а он не допустит, чтобы какой-то грязный варвар проткнул его кинжалом — просто так, смеха ради.

— Я ишу капитана Гентрена, — сказал он, когда смех утих и солдаты могли его расслышать.

— Там ты его не найдешь, — сказал толстяк. Унизив и оскорбив бедного крестьянина, он немного смягчился по отношению к нему.

— Я приехал от лорда Китру, привез капитану его пожитки, — продолжал Дейлт. — Он ждет меня.

— Тогда беги скорее, мужичок, иши его! — зарорал толстяк и пошел за новой кружкой.

Дейлт решил рискнуть.

— Я найду его рано или поздно; уверен, он обрадуется, узнав, как вы мне помогли, когда я выполнял его поручение.

Настроение у солдат мигом переменилось. Смех утих; толстяк снова повернулся к Дейлту и внимательно посмотрел на него. Дейлт понял, что не прогадал. Гентрен не отличался мягким характером и не спускал подчиненным ни малейшей провинности.

— Он квартирует вон в том красном доме. — Толстяк показал пальцем. — Но сейчас он прове-ряет патрули. Вернется сразу после заката.

Дейлт повернулся посмотреть, куда ему надо идти, но пошел в противоположном направлении. Спиной он чувствовал на себе тяжелые взгляды солдат. Он постарался заломнить, где находится нужное ему строение. Надо все подробно объяснить Джоуну, чтобы тот легко нашел дом в темноте. Тут прозвенел колокол — это был сигнал всем местным жителям, что пора уходить из крепости.

Дейлт ускорил шаг.

XV

Ожидание было мучительным. Джоун не знал, что предпринять. Если Дейлта арестовали за проникновение в крепость без пропуска, с ним обойдутся безжалостно. Скорее всего, его казнят — и вина за смерть Дейлта ляжет на него, тери.

Ведь он почти силой принудил его пойти!

Джоун знал: прояви Тлад твердость и откажись он подниматься наверх, у него не осталось бы выбора. Пришлось бы отнести заведенный взрыватель назад, в тайник, как он и обещал. Но его непреклонность, подкрепленная неподдельной жаждой мести, обманула Тлада.

Он прижался к прутьям. Небо становилось все темнее. Его снедало беспокойство. Он уже готов был пообещать себе: если Тлад вернется невредимым, он забудет о том, что собирался убить Гентрана, перестанет думать о том, как восстановить равновесие, — лишь бы Тлад был жив и здоров. Тут наверху послышались шаги. Голос у самой решетки прошептал:

— Открывай! Скорее!

Испустив вздох облегчения, Джоун напрягся и вытолкнул решетку наверх. Когда Тлад спрыгнул к нему, тери медленно опустил решетку. Они съежились в сырой канализационной шахте. Ни один из них не проронил ни звука. Так же молча они пролезли в вентиляционную шахту и спустились по ней в смотровую галерею.

— Ты нашел его? — спросил Джоун.

Решимость отменить все планы постепенно угасала. Он знал, что скоро расплатится с убийцей тех, кого он любил больше всех на свете, и все его тело начало покалывать от предвкушения. Ни о чем другом он уже не мог думать.

Дейлт кивнул; со стороны прозрачной стены, отделяющей их от Ямы, падал тусклый свет.

— Нашел. Еще раз прошу тебя — не делай этого! Когда ты вернешься, ты уже не будешь тем, кто ты есть сейчас.

— Скажи, где он! — Тери мог думать только об одном.

С явной неохотой Дейлт опустился на колени и нарисовал на пыльном полу план, показав Джоуну, как быстрее всего пробраться туда незамеченным.

— Он живет в красном доме, вот тут. — Дейлт показал. — Но где именно находится его комната, я не знаю. — Он поднял голову и посмотрел тери в глаза. — То, что ты задумал, очень рискованно, Джоун. Не ходи!

— Я ненадолго, — сказал Джоун.

Он поспешил отвернуться, чтобы не видеть озабоченного лица Тлада, и полез вверх по ступенькам.

Снаружи становилось все темнее. Он ждал в канализационной трубе, пока сумерки не перешли в ночь, а потом выскоцил наверх, на дорогу.

Джоуна как будто что-то подгоняло в спину. Быстрее, еще быстрее! Он перебегал из тени в тень по узким, плохо освещенным улицам. Ему надо найти капитана Гентрена. Все вернется на свои места, когда тот человек умрет, — солнце будет плавнее двигаться по небосклону, ветер станет чище, весь мир засияет. Гентрен стал пятном на всем сущем, ошибкой, которую необходимо исправить во что бы то ни стало...

Потом... только после его смерти все станет таким, каким должно быть. Конец Гентрена поглотил его; предстоящее убийство капитана занимало все мысли, воспламеняя его...

Красный дом он заметил издалека. Джоуну пришлось обежать три боковые дорожки, чтобы не пересекать широкий двор, переполненный солдатами, сменившимися с дежурства. Дойдя до дома, он принялся перебегать от окна к окну, прислушиваясь к голосам, высматривая, не мелькнет ли где знакомое лицо.

Капитана он обнаружил в угловой комнате. Он сидел на своей койке. Перед ним стояла женщина.

— Сначала заплати! — говорила она, кокетливо приподнимая подол юбки и хихикая. — Как договаривались!

— Ах ты козочка! Я мог бы тебя арестовать за то, что ты находишься в замке после захода солнца! — отвечал Гентрен, игриво улыбаясь и роясь в кошельке, который висел у него на поясе.

— Мы с сестрами были исключением из общего правила задолго до того, как ты тут появился!

Меблировку комнаты составлял стол с лампой и низкая деревянная скамья. Дверь слева была закрыта на засов.

Не прошло и секунды, как Джоун запрыгнул в окно и оказался посреди комнаты. Гентрен вскочил на ноги, а девчонка завизжала, но тери оказался проворнее их обоих. Одним движением он затолкал девчонку в угол, и она скорчилась на полу, застыв от ужаса и ловя ртом воздух, потом он заломил капитану руку — тот уже готовился выхватить из ножен меч. Он схватил Гентрена за горло и вздернул над полом.

— Посмотри на меня! — прорычал Джоун, приближая голову к лицу капитана.

Глаза Гентрена, и так огромные от страха, расширились еще больше. Неслыханное дело — зверь, бессловесное существо, издает членораздельные звуки!

Джоун молча смотрел на капитана. Ему показалось, кровавая пелена заволокла весь мир и их осталось только двое — капитан и он сам; они навечно скованы враждой. В тот момент ничего больше не существовало, ничего не принималось в расчет. Внутри у него все горело, словно это в него угодили все стрелы, которые убили его отца; щею саднило, как будто ему, а не матери отрезали голову мечом. Как он ждал этого мига!

— Ты помнишь меня? — прошипел он прямо в искаженное ужасом лицо капитана.

Гентрен шевелил губами, но с его уст не слетало ни звука. Он покачал головой: нет, он совершенно не помнил ужасного зверя, который сейчас держал его за горло.

— Помнишь двух тери, которых ты убил возле пещеры, когда служил Китру? — продолжал Джоун.

Он хотел, чтобы Гентрен все вспомнил. Он должен знать, почему умирает.

Капитан снова покачал головой.

— Твои лучники убили самца, а меченосцы почти отрубили голову самке — помнишь?

Глаза Гентрена оставались пустыми. В них плескался только страх.

Джоун был ошеломлен. Неужели гибель его родителей настолько незначительное событие для этого человека? Он навсегда изменил жизнь Джоуна, превратил ее в темное, одинокое и полное страха существование! Он убил двоих людей, которых Джоун любил больше всех на свете, и даже не помнит их! Что же перед ним за существо?

— А сына их ты помнишь? Молодого тери, который напал на тебя с дубинкой? Помнишь, что ты с ним сделал?! Помнишь, как ты гнался за ним, изрезал на куски и бросил умирать?

Уголком правого глаза Джоун уловил какое-то движение. Девчонка в углу медленно поднималась. Не обращая на нее внимания, он притянул Гентрена ближе — теперь их носы почти соприкасались.

— Так вот... он не умер!

Гентрен начал припоминать. Это было видно по его глазам. Но не только воспоминания ужасали его. Он как будто не верил в реальность всего происходящего. Неужели странное создание действительно находится в его собственной квартире, более того — говорит с ним, угрожает ему?! Джоун решил убрать все сомнения, сильнее сдавив горло Гентрена.

— Ты просчитался! Я — не бессловесная тварь, какой ты меня считал. Я — человек! Че-ло-век! И я пришел вернуть тебе долг — отплатить злом за зло!

Ужас, смертельный страх, предчувствие медленной мучительной смерти исказили и без того

искаженное лицо капитана. Джоун надеялся, что Гентрен испытывает то же самое, что чувствовала его мать, когда увидела, как Гентрен с солдатами врываются к ней в дом с обнаженными мечами.

Справа снова что-то мелькнуло — девчонка медленно ползла вдоль стены к двери. Он собирался уже схватить ее, швырнуть обратно в угол, но тут человек, которого он держал за горло, совершил поступок, который совершенно захватил тери врасплох.

Капитан разрыдался.

Слезы градом катились у него из глаз; все тело содрогалось в конвульсиях. Джоун отпустил его; Гентрен упал на колени и забормотал что-то сдавленным голосом, моля его о пощаде. Он весь трясся; штаны у него между ног потемнели — капитан обмочился от страха.

Джоун почувствовал себя так, словно его окатили ледяной водой. Он отступил на шаг и стал смотреть на того, кому он так жаждал отомстить. Кровавая лелена спала, куда-то ушла и ярость. До него дошло, что, кроме них двоих, в комнате находится еще и девчонка — где-то у него за спиной. Краем глаза тери заметил, как она пригибается к полу. Но ему было не до нее.

Какой же он глупец!

Неужели перед ним тот человек, чья смерть должна была восстановить справедливость? Червь, который сейчас корчится от страха и извивается на полу, недостоин смерти.

Что он наделал?! Рисковал жизнью Тлада, поставил на карту жизнь всех носителей Дара просто ради того, чтобы лично положить конец существованию одного человека. Тлад оказался прав — Ген-

трен не стоил таких усилий. Он — мразь, подонок. Джоуну показалось, что правая рука, которой он держал капитана, запачкалась в грязи...

Он повернулся, собираясь уйти, но сзади снова что-то шевельнулось. Джоун не успел уклониться; ему показалось, что у него лопнул затылок. Колени подкосились; падая, он увидел девушку, стоящую с занесенной над головой тяжелой деревянной скамьей. Он попытался встать, но Гентрен уже оправился от потрясения и вырвал у девушки скамью. Джоун видел, как капитан поднимает ее, видел, как скамья опускается, чувствовал сокрушительный удар в голову, потом все пропало... но на последок он услышал голос капитана:

— Так ты вообразил, будто ты — человек? Что ж, мы позаботимся о подходящем конце для волосатого вонючего зверя!

Еще один удар, и Джоун провалился в темноту. Голос исчез.

XVI

Боль... ужасная боль... не могу пошевелить ни руками, ни ногами... лицо овеивает прохладный ночной ветерок... трудно разлепить веки... внизу толпа возбужденных, гогочущих солдат... а за ними стоят другие, и все смотрят сюда...

В темноте гулко разносятся удары гонга.

За спиной дерево; нельзя опустить руки... больно... он посмотрел направо и налево и увидел торчащие из ладоней гвозди... Ноги тоже прибиты гвоздями... а руки еще привязаны веревками, чтобы он не свалился, не выдернул гвозди силой своей тяжести...

Он висит у крепостной стены на деревянном кресте...

Чей-то голос снизу зовет его... Капитан Гентрен... человек, которого он не убил... теперь он, живой и невредимый, стоит внизу...

— Эй, тери, очухался? Вот и хорошо. Не хочу, чтобы ты проспал самое интересное! Мы решили оказать тебе великую честь. Ты думаешь, будто ты человек, вот мы и возвысили тебя до человеческого уровня. Видишь, мы прибили тебя к кресту гвоздями! Так мы казним людей-еретиков. Раз ты притворяешься человеком, значит, ты — еретик. Но поскольку на самом деле ты не человек, а животное, тери, мы не можем позволить тебе болтаться здесь просто так...

Какая-то возня внизу, у подножия креста... Капитан Гентрен подносит к кресту факел и тут же отступает.

— Видишь? Огонь. Вот как мы избавляемся от грязных тери!

Нет никакой надежды на побег, и никто его не спасет... теперь он понимает... и покоряется неизбежному...

В свете пламени высвечиваются лица людей, столпившихся внизу... Ухмыляется Гентрен, убийца его родителей... лицо его искалено от злобы и ненависти; он радостно завопил вместе с остальными, когда вверх взметнулись языки пламени...

...люди... человеческие создания... он так хотел стать одним из них...

...одним из них? Но зачем?

...посмотри на них... посмотри, как они радуются при виде страданий ближнего своего... почему он так хотел, чтобы его считали человеком?.. Лучше бы он навсегда оставался тери...

...а потом он вспоминает Глада, Комака, Рэба... и Адриэль, конечно... ведь он добивался, чтобы именно они приняли его за своего... он с удовольствием стал бы таким, как они...

— Я — человек! Че-ло-век! — кричит он тем, кто собрался внизу. А пламя разгорается все жарче...

Внезапно внизу стало тихо... все застыли в ужасе... потрясенно молчат...

— Я один из вас!

...кто-то нервно хохотнул... потом к нему присоединился другой... из темноты вылетает камень, ударяет его в правое плечо... вся толпа смеется и улюлюкает... все кидают в него камни...

...приходится закрыть глаза... жар нестерпимый... мех у него на ногах горит, но боль кажется далекой... носители Дара... он подвел их... теперь Мекк получит оружие и уничтожит их всех до одного... они рассчитывали на него, а он их подвел... что же им теперь делать?

...боль все сильнее... кажется, огонь уже про никнутрь... больно дышать... мысли путаются...

Я умираю как зверь или как человек?.. Какое это имеет значение?.. Понимает ли кто-нибудь там, внизу, в гогочущей толпе, что здесь умирает человек?.. Волнует ли кого-то его смерть?.. Запомнит ли меня кто-нибудь?..

Знает ли кто-то из моих друзей, что я умираю... будут ли носители Дара проклинать меня и ненавидеть за то, что я их подвел... только не Адриэль... пожалуйста, пусть она не возненавидит меня... пожалуйста, кто-нибудь, помяните меня добром после того, как меня не станет...

Пожалуйста, пусть кто-нибудь... хотя бы один раз... скажет, что я был хорошим человеком...

Боль заполнила все, сознание путалось. Скоро боль вытеснила все мысли...
...и все смешалось.

XVII

Джоун опаздывал.

Услышав гонг, Дейлт забеспокоился. В его звуках было что-то зловещее, а Джоун задерживался. За прошедшее время он уже три раза успел бы добраться до того дома, где квартировал Гентрен, и вернуться обратно! Ветер донес с той стороны чей-то смех. Дейлт вслушивался, прижавшись лицом к решетке. Он услышал чей-то голос, наскоро вешавший об «особой милости».

Вот оно! Дейлт перепугался не на шутку. Джоун в беде — в том нет никаких сомнений.

Он надавил на решетку снизу, но не смог поднять ее. Отведя рычаг в сторону до конца, Дейлт кубарем скатился вниз и понесся по галерее. Если он ошибается, Джоун, когда вернется, сумеет поднять решетку и спуститься по вентиляционной шахте самостоятельно. Если его подозрения оправдались и Джоун попал в беду...

Он непременно должен что-то придумать.

Пробегая галереей, он не обращал внимания на то, что происходит справа от него, за прозрачной стеной, в Яме. Там шла непрекращающаяся борьба за выживание. Дейлт подбежал к тому месту, откуда они отвалили камни, и выбрался наружу, на свежий воздух.

Рэба не было. Они договорились, что он будет дожидаться их здесь, но ученого и след простыл. Искать его некогда. До крепости километра два

вдоль ущелья, а потом дорога поднимается в гору. Дейлт бежал не останавливаясь.

Как только он взобрался повыше, он увидел языки пламени. Однако он не позволял себе думать, будто огонь как-то связан с Джоуном. Языки костра вздымались высоко — на шесть или семь метров в воздух. Костер развели справа от крепостных ворот, невдалеке от внешней стены; его окружала толпа людей.

Зачем развели огонь? Ведь у ворот обычно казнят по-другому. Там распинают на крестах еретиков. Тери и носителей Дара сжигают в яме, у других, задних ворот замка. Что там происходит?

Когда он подбежал ближе, его окликнул солдат:

— Где ты был? Все деревенские обязаны прийти к воротам, как только услышат гонг. Пора быть знать! Поднимайся и посмотри, и пусть увиденное послужит тебе уроком!

Дейлт ничего не ответил: он торопился. Он заметил, что гражданских оттеснили в задние ряды, и многие из них отводят глаза. Передние ряды были полностью заняты солдатами. Они радовались, хохотали и пили, глядя на то, как корчится в огне распятое на кресте тело.

Пробившись вперед, он с ужасом понял, что оправдались его худшие опасения. Все чувства и эмоции он временно отключил. У обуглившегося трупа не сохранилось никаких черт лица. Но они были и не нужны. Мошная грудная клетка, очертания головы и ног... ошибка исключалась.

Тери Джоун, человек по имени Джоун, мертв.

Вокруг раздавались голоса, и Дейлт слышал их словно издалека.

— ...вроде бы он собирался прикончить капитана, но не стал...

— ...она говорит, он схватил Гентрена за горло и поднял его в воздух, а потом отпустил...

— ...ведь правду говорят, что тери глупые. Он мог бы спокойно убить его и уйти так же, как пришел, а он не убил. Он заслужил смерть, все они заслужили...

— ...почаще бы их распинали...

— ...нет, лучше закалывать, а потом сжигать...

Дейлт понял, что теряет самообладание. Еще минута — и им овладеет приступ безудержной ярости, он выхватит свой бластер и начнет жечь проклятых дикарей без разбора. Но пальцы его не дрогнули. Бластер остался там, где был, — в пряжке на поясе. Им вдруг овладело ледяное спокойствие.

Внутри у него словно все умерло. На этой проклятой планете все пошло не так, как надо. Гибель Джоуна — последняя капля. Он полюбил Джоуна, и вот теперь Джоун умер, погиб жуткой смертью. Если бы только...

Если бы только! В голове его пронеслась длинная вереница этих «если бы». Если бы не тератолы и их извращенность, если бы начальство надменно не отклонило его запрос, не отказалось установить на планете свою диктатуру, если бы ему удалось отговорить Джоуна сводить личные счеты с Гентреном...

Если бы он приложил больше стараний, может, он и убедил бы тери не ходить... но, с другой стороны, если бы он не убеждал его с такой страстью, Джоун не усомнился бы в самый последний, решающий миг... Возможно, он уничтожил бы капитана и через несколько минут невредимым вернулся в шахту. Хотя... он, возможно, все равно усомнился бы из-за врожденного благородства, благодаря которому он и был тем

Джоуном, которого Дейлт любил. Дейлт ничего не мог знать наверняка.

Он твердо знал лишь одно: если бы на планете установили протекторат, Джоун был бы жив. И вина за его смерть лежит на Культурологической службе. Они всегда сомневаются, вечно уступают, вечно топчутся на месте... Придерживаются политики умывания рук. Что ж, с него довольно! По крайней мере, сейчас он не станет умывать руки. Подонкам и мерзавцам нравится огонь? Что ж, они его получат — пусть любуются!..

— Оставайся у ворот, жди, пока разрешат выйти! — крикнул ему солдат из толпы.

Он шагнул было вперед, собираясь преградить Дейлту путь, но тут же отступил. Возможно, что-то в поведении Дейлта, в его взгляде, в его побелевшем лице со скатыми губами подсказало солдату: этого нужно беспрепятственно пропустить.

Пробежав немного, Дейлт наткнулся на неподвижную одинокую фигуру, стоящую в темноте, пронзенной сполохами пламени.

— Рэб! — Дейлт грубо затряс ученого за плечо. — Рэб, как ты?

Рэб моргнул раз, другой и вдруг зашатался. Казалось, он не понимает, где находится. Потом он узнал Дейлта.

— Глад! Я все видел! Какой ужас! В этой крепости одни чудовища! Что они сделали с Джоуном... Я даже не думал, что кто-то способен на такое зверство...

Дейлт приложил руку к губам Рэба, чтобы заставить его молчать. Когда он заговорил, голос его был холодным, ровным, безжизненным:

— Я знаю. Мы должны рассказать обо всем остальным носителям Дара.

— Они уже все знают. Я передавал им все, что видел. Они видели все через меня. Все они — свидетели!

— А Адриэль?

Рэб обернулся и посмотрел на танцующие языки пламени у ворот крепости Мекка.

— Ей расскажет Комак. Сегодня я рад тому, что она лишина Дара. Мы потеряли хорошего друга, Тлад... Когда-нибудь Мекку придется ответить и за его жизнь. Но сейчас... что нам делать сейчас?

— Сейчас мы с тобой расстаемся. Ты возвращайся к своим в лес и оставайся там. До утра ни один из вас не должен приближаться к крепости. Понимаешь — ни один!

Рэб вопросительно посмотрел на него, но, прежде чем он успел задать вопрос, Дейлт поспешил продолжить:

— Помнишь, что я сказал тебе недавно, когда ты спросил, как победить легенду?

Рэб нахмурился и кивнул:

— Ты сказал, надо придумать другую легенду — ярче и лучше.

— Правильно! Так вот, новая легенда зарождается сейчас. Сегодня ночью. В ней будет говориться о существе в облике зверя, о гонимом, одиноком создании; его называли тери, хотя на самом деле он был человеком. Он пытался жить в мире с людьми. Но однажды его взяли в плен, и он умер ужасной смертью в руках своих палачей. Ты расскажешь обо всем, Рэб. А еще поведаешь миру о том, что стало с его убийцами.

— Но с ними ничего не случилось!

— Пока еще ничего.

Рэб недоуменно глянул на человека, которого знал под именем Тлада.

— Не волнуйся, Рэб. Я не безумец. То есть не совсем сумасшедший. Но сегодня ночью кое-что случится, и я не хочу, чтобы все подумали, будто произошло стихийное бедствие. Я хочу, чтобы люди накрепко запомнили сегодняшнюю ночь и знали, что все произошедшее имеет свою причину.

— А что случится сегодня ночью?

Лицо Дейлта превратилось в неподвижную маску.

— Случится кое-что, с чем мне придется жить всю оставшуюся жизнь.

Дейлт повернулся и поспешил по направлению к лесу. Рэб окликнул его:

— Ведь мы с тобой больше не увидимся?

Дейлт ничего не ответил.

Корабль Дейлта завис над крепостью Мекка. Внизу было темно, если не считать нескольких коптящих факелов. Может быть, у основания креста, на котором висят обугленные останки Джоуна, еще тлеют угольки, но Дейлт не видел их с высоты. Перепуганные местные жители давно разошлись по своим хижинам у подножия холма. Все было тихо.

Он выровнял сопло своего корабля и нацелил на крепость ионную пушку. Он должен сделать то, что должен, сейчас, немедленно. Если он позволит себе думать, если начнет взвешивать возможную опасность, он откажется от своих замыслов.

Но сейчас Дейлт не думал. Он действовал.

Он понимал, что всю оставшуюся жизнь будет заново переосмысливать мотив своего поступка. Постепенно он смирялся с мыслью о том, что поступил так из-за того, что тери Джоун был уни-

кален. Если бы в жертву у ворот крепости Мекка был принесен любой другой его знакомый с этой планеты, он бы оплакивал его, проклинал себя, вместе с другими скрежетал зубами... и продолжал выполнять задание.

Но гибель Джоуна на время лишила Дейлта душевного равновесия. Грубое и неуклюжее с виду создание было неповторимой личностью. Джоун отличался врожденной чистотой, свободой и невинностью; он обладал какой-то несокрушимой святостью. За всю свою жизнь Дейлт не знал другого такого редкого и драгоценного человека. И вот теперь его не стало — он навеки потерян для Дейлта и для всего человечества.

Его нет...

Однако он, Дейлт, позаботится о том, чтобы Джоуна не забыли. Джоун заслуживает большего; его останки не просто развеют по ветру. Он заслуживает постоянного поминования, вечного надгробия. И он его получит.

Если он обрушит на крепость Мекка мощный ионный пучок, последствия будут поистине катастрофическими, причем не только для планеты: кристаллическая обшивка космолета треснет, и Дейлт с его кораблем на короткое время превратится в крошечное солнце. Но направленный взрыв малой силы устранит нужду в протекторате. Кроме того, маломощный взрыв сделает не нужным пребывание на планете сотрудника Культурологической службы. Эффект получится такой же, как от бомбы, которую он с помощью Джоуна намеревался установить в тайнике: Мекка не станет, не станет его крепости, не станет тайника с реликвиями создателей, не станет и несчастных, лишенных разума обитателей Ямы.

Дейлт понимал и другое. Он не оставит внизу одни только разрушения. Его миссия также и со-зидательна.

Он создает легенду.

И все с помощью маломощной ударной волны.

Поднося палец к датчику, который активировал ионный привод, Дейлт начал в уме составлять прошение об отставке на имя руководства Культурологической службы.

Эпилог

...Все началось с жертвоприношения, которое обожгло их разум. И носители Дара, ведомые апостолом Рэбом, распространяли весть: Господу было угодно направить нам своего посланца в образе, который тогда считался низшей формой жизни. Господь поступил так, чтобы показать нам, что тери тоже люди и что мы все — братья.

— Поразительно! — воскликнул отец Пирелла, идя следом за Мантой к месту, которое называлось Божьей Отметиной. — Наш «посланец» сделал то же самое — он явился нам в образе представителя гонимой расы.

— И он был убит так же, как наш? — спросил Манта.

— Примерно так же.

— А потом Господь явил вам свой гнев?

— Гнев? Нет. Господь выказал свою любовь, простив всех.

Манта обдумал услышанное.

— Возможно, на правителя Мекка у Господа не хватило любви. А может быть... нашего посланца он любил больше.

Манта раздвинул ветви, и листва перестала загораживать им вид. Они стояли на вершине невысокого холма. Перед ними лежала Божья Отметина — круглая поляна, с километр в диаметре, поросшая зеленою травой. Все, что когда-то находилось на том месте, было расплавлено, растворено — видимо, мощным взрывом невообразимой силы.

— Господь не оставил нам сомнений в том, какие чувства он испытывал. Он наложил свой перст на крепость Верховного правителя Мекка, и с того дня никто и никогда не преследует тери.

— Пока я придерживаю дегенеративные процессы, ты будешь жить вечно.

Он замер на полу шаге.

— Вечно?

— Ну да. Старожилы этой планеты знают, что говорят, предупреждая детей: «Из каждой тысячи пораженных девятьсот девяносто девять умрут». Вывод очевиден — тысячный *никогда* не умрет.

— Никогда?

— Ну, если тебе в грудь ударит энергетический заряд, как Антону, я ничего не смогу поделать. Если нет, позабочусь, чтобы ты не умер от старости. Собственно говоря, чтобы даже не старился.

Потрясающий смысл слов Парда вдруг обрушился на него с полной силой.

— Иными словами, — выдохнул Стивен Дейлт, — я бессмертен...

— Предпочитаю другое местоимение — мы бессмертны.

— Не верю.

— Мне плевать, веришь или не веришь. Я буду хранить твою жизнь долго-долго, Стив, ибо, пока *ты* живешь, я живу, а мне все больше нравится жить.

Он не шевельнулся и не ответил.

— Ну, чего ждем? В галактике полным-полно миров, которые надо увидеть, обжить, а этот осточертел мне до тошноты!

— Куда спешить? — улыбнулся Дейлт.

После долгой паузы Пард согласился:

— Твоя правда, Стив. Действительно, нет никакой спешки. Все на свете время наше. Буквально.

п а р д

Пролог¹

Доктор Ронд наблюдал за толпой, бурлившей за больничными воротами.

Шумные, напирающие, толкавшиеся, колышущиеся людские волны старались пробиться в больницу. В большинстве своем люди стремились хоть мельком взглянуть на Целителя, кое-кто жаждал к нему прикоснуться — еще лучше, чтоб он их коснулся, — в надежде на исцеление от разнообразных болезней. Очень многие в самом деле излечивались.

Доктор Ронд изумленно качал головой, удивляясь силе плацебо, исходившей от этого человека.

Сначала потребность в усиленной охране больницы в связи с присутствием Целителя внушала доктору сомнения в разумности его приглашения. Но, видя, какие чудеса творятся с местными жертвами припадков белой горячки, он себя поздравил с подобным решением.

Доктор Ронд, повернувшись спиной к окну, поглядел в другой конец комнаты. Целитель работал

¹ Дорогой читатель, перед вами первые главы романа Ф. Поля Вилсона «Целитель», в котором вы снова встретитесь с планетарным разведчиком Стивеном Дейлтом (Перевод Е.В. Нетесовой).

с очередным страдальцем, на сей раз с мужчиной средних лет.

Внешность у так называемого Целителя впечатляющая. Шнурок с огненным камнем на шее, золотисто-желтая кожа на левой кисти руки, копна темных волос с белоснежной прядью на макушке...

Он сидел напротив пациента, положив ладони ему на колени, склонив голову как бы в дремоте. На лбу выступил пот, веки дергались. Через несколько минут застывшая картина треснула по швам: больной вдруг со стоном вскочил, огляделся:

— Г-где я?..

Из углов выскоились санитары, осторожно подхватили его под руки, повели прочь с успокаивающими речами. Доктор Ронд посмотрел ему вслед. Теперь для полного выздоровления достаточно традиционных терапевтических методов. Но первый важнейший прорыв совершают Целитель: пациент, на протяжении семи стандартных лет не реагировавший на внешние стимулы, поинтересовался, где он находится.

Доктор снова затряс головой, на сей раз восхищенно, переключая внимание на обмякшего на стуле Целителя.

Весьма обременительный дар, думал он. За него приходится расплачиваться дорогой ценой...

Доктор не раз подмечал привычку Целителя бормотать про себя. Наверняка сам психически ненормален. Возможно, тут и кроется секрет его уникальных талантов. В перерывах между приемом больных как бы полностью отключается, то и дело что-то шепчет, устремляет невидящий взгляд в одну точку в пространстве. Видно, в такие моменты уносится мыслями за сотни лет, за тысячи миллионов километров...

Часть первая ИСЦЕЛИСЬ САМ

Год 36-й

Целитель был необыкновенной, поразительной личностью, которая представляет собой, пожалуй, самую сокровенную тайну в истории человечества. После сотен тысяч попыток бесчисленных исследователей раскрыть ее она по сей день остается загадкой. Нет сомнений, что он, подобно древним романтическим литературным героям, вел двойное существование. Учитывая окружавшее его истерическое обожание, исключительно *alter ego*¹ могло обеспечить ему хоть какую-то личную жизнь.

Однако по неким необъяснимым причинам двойная жизнь стала объектом мифологизации, составив один из первых канонов литургии Целителя, согласно которому он имел два разума, две отдельные области восприятия и поэтому обладал способностью к чудесным исцелениям.

Безусловно, абсурдное утверждение.

Из книги Эммерца Фента
«Целитель: человек и легенда»

¹ Второе «я» (лат.). (Здесь и далее примеч. пер.)

Орбитальная разведка указывала на эту поляну как на вероятное место крушения, но дальнейшие поиски не выявили следов катастрофы. И при ближайшем рассмотрении Стивен Дейлт не особенно преуспел. Да, здесь что-то не так давно упало, произведя колossalный эффект: земля глубоко вспахана, несколько деревьев обуглены, борозда не совсем еще заросла травой. Ладно, пока неплохо. А обломки где? Он тщательно оглядел деревья вокруг поляны — ничего интересного. Теперь очевидно, что, вопреки изначальным надеждам, проблема легко и быстро не решится, поэтому Стивен пустился в обратный путь к припрятанному за полкилометра космическому челноку.

Поднимаясь на холм, заросший лиственными деревьями, оглянулся на долетевший слева окрик, увидел небольшой отряд колонистов верхом на конях — тепендианцев, судя по одежде. Удивительная картина ошеломила его. Такого просто не может быть почти в самом центре герцогства Бенделемского: Бенделема воюет с Тепендией на протяжении жизни многих поколений. Пожав плечами, Дейлт пошел дальше. Он много лет здесь не был, за это время отношения между герцогствами вполне могли как-то наладиться. Перемены в отковавшемся мире — неизбежное правило.

Один из колонистов прицелился из какого-то громоздкого орудия, что-то чмокнуло у виска. Дейлт, пригнувшись, метнулся вправо. Вот по крайней мере одно новшество, возникшее за время его отсутствия: кто-то заново изобрел самострел.

Копыта тепендианских коней зацокали в погоне, он скатился по склону к промозглой сырой полутемной пещере, вдвое прибавил скорости, отлично понимая, с какой легкостью преследователи настигнут его в низине и загонят в ловушку. Пока не окружили, надо взобраться повыше с другой стороны. Наполовину поднявшись на дальний холм, он замер на месте, слыша топот копыт впереди. Всадники успешно отрезали путь.

Дейлт повернулся и начал тихонько спускаться. Если б просто на глаза не попасться, может, они подумают, что он выскользнул из кольца, окружившего грот. Потом, когда стемнеет...

Стрела попала в камень под ногами.

— Вон он! — раздался чей-то крик, и Дейлт опять побежал.

На ходу принял мысленно взвешивать ситуацию. Если бежать дальше, в него так и будут стрелять, и в конце концов чья-то стрела попадет. Если остановиться, возможно, появится шанс. Может, его оставят в живых. Тут он вспомнил, что переодет в крепостного, а крепостных, убегающих от людей в военной форме, обычно пронзают мечом. Дейлт бросился вперед.

Пролетела другая стрела, кора брызнула с дерева неподалеку. Всадники приближаются — явно опытные в подобных делах, они скоро загонят его в пещеру, в безвыходную ловушку.

Тут перед ним возникло входное отверстие грота, широкая низкая темная арка чуть выше по склону, высотой приблизительно полтора метра в центре. Под градом сыпавшихся вокруг стрел он поспешно нырнул туда.

Пещера не слишком просторная. В сырой темноте сразу выяснилось, что она быстро сужа-

ется, превращаясь в туннель, куда не пройдут даже плечи. Остается забиться как можно дальше и надеяться на лучшее, что, впрочем, не так легко представить. Если преследователи не пожелают его вытаскивать, вполне достаточно просто усесться у входа и засыпать грот стрелами. Рано или поздно какая-нибудь попадет. Дейлт выглянул разведать, что они предпринимают.

Однако пятеро всадников ничего не предпринимали. Сидели на конях, тупо глядя в пещеру. Один из них опустил арбалет, стал пристраивать за спину. Дейлт не успел удивиться подобному поведению, мигом догадавшись, что совершил роковую ошибку. Он забежал в пещеру на планете Квации, а на Квации едва ли найдется хоть одна пещера, где не ютится колония крылатых.

Припав к земле, он бросился наружу. Уж лучше попытать удачу со стрелами, чем с крылатыми. Но при первом же шаге с потолка пещеры прямо на голову обрушилось что-то пушистое, теплое, продолговатое. В ушах заревел оглушительный вой, в глазах замелькали оранжевые, желтые, зеленые круги, Стивен Дейлт испустил смертельный страдальческий вопль и рухнул на пол грота.

Услыхав его крик, пятеро всадников-тепендианцев покачали головой, развернулись и ускакали прочь.

Он очнулся в темноте, в холода, в одиночестве, живой. Вспомнив произошедшее, изумился последнему обстоятельству, но, не тратя даром времени, пополз из пещеры на свежий воздух под открытое звездное небо. Нерешительно встал, со-

рвал с собственной головы сморщеные усохшие останки мертвого крылатого, с восторженным ошеломлением на них глядя. Ни в истории Квashi, ни в анналах ее исконной давно исчезнувшей расы, ни в памяти представителей отковавшейся и пришедшей в упадок колонии нет ни единого упоминания о живом существе, которое пережило бы атаку крылатых.

Вскоре после прибытия на планету первые отковавшиеся колонисты обнаружили остатки материальной культуры древней местной расы. До своей необъяснимой гибели — вина за которую была приписана какому-то природному катаклизму — цивилизация вышла на предындустриальный уровень. Среди прочего были найдены образцы символической письменности, один из которых, видимо адресованный детям аборигенов, строго наказывал не заглядывать ни в одну пещеру. На каждого вошедшего нападает «тварь-убийца-с-потолка». Надпись предупреждала: «Из каждой тысячи пораженных девятьсот девяносто девять умрут».

Уильям Крылатый, поселенец с некоторыми знаниями в зоологии, ознакомившись с переводом, решил разобраться, в чем дело. Зашел в первую попавшуюся пещеру и через секунду выскочил, с воплем вцепившись в маленькую мохнатую зверушку на голове. Он стал первой жертвой «тварей-убийц-с-потолка», названных в его честь «крылатыми».

Дейлт отшвырнул шкурку крылатого в сторону, собрался с силами и направился к спрятанному членоку, на сей раз не предвидя почти никаких затруднений. Если поблизости в такой час даже бродит какой-нибудь поисковый отряд, его вряд ли заметят, а на Квashi мало крупных плотоядных хищников.

Корабль нашелся на том самом месте, где он его оставил. Дейлт медленно поднял членок на пятьдесят тысяч метров, оттуда совершил бросок на орбиту.

И тут впервые услышал голос.

— Привет, Стив.

Если бы в тот момент на него не давила сила гравитации, он от изумления сорвался бы с кресла.

— Перегрузка весьма неприятная вещь, правда? — посочувствовал голос, и Дейлт догадался, что он звучит у него в голове.

На орбите двигатель автоматически выключился, желудок привычно ёкнул, в свободном падении опустившись на место.

— Ах, теперь гораздо лучше!

— Что происходит? — вслух вскричал Дейлт, лихорадочно озираясь вокруг. — Что это за шутки?

— Это не шутки, Стив. Я — то, что осталось от крылатого, свалившегося тебе на голову в пещере. Знаешь, ты оказался счастливчиком. Когда объектом слияния становится существо с интеллектом высокого уровня, обоим в результате грозит верная смерть — в большинстве случаев, по крайней мере.

«Я схожу с ума», — мысленно заключил Дейлт.

— Нет, не сходишь. Пока, во всяком случае. Хотя это вполне возможно, если не сядешь, не успокоишься, не смиришься со случившимся.

Дейлт откинулся на спинку кресла, устремив взор на вырастающий на переднем экране наблюдения металлический конус базового корабля корпорации «Старуэйз». Загоревшаяся сигнальная

лампочка на панели управления уведомляла, что станция засекла его и ведет к себе.

— Ну ладно. Так что же со мной случилось?

— Довольно смешно и дико разговаривать вслух в пустой кабине.

— В двух словах: у тебя появился сожитель, Стив. С этой минуты мы вместе живем в твоем теле.

— Иначе говоря, я захвачен?

— Слишком громкое и не совсем точное выражение. Я ни на что фактически не посягаю, ну, может, слегка стесню тебя в личной жизни, но это не будет иметь особого значения, благодаря нашей интимной близости.

— А кто дал тебе право влезать в мою душу? — быстро перебил его Дейлт и добавил: — И в личную жизнь, если на то пошло?

— Никто не давал мне подобного права, хотя у меня есть смягчающие обстоятельства. Видишь ли, несколько часов назад я был сонной пушистой пещерной зверушкой, питающейся лишайником, без всякого интеллекта, достойного упоминания...

— Для зверушки язык у тебя неплохо подведен, — заметил Дейлт.

— Не лучше и не хуже, чем у тебя, ибо я по возможности пользуюсь твоими познаниями. Дело в том, что мы, крылатые, как вы нас называете, проникаем в нервную систему любого достаточно крупного существа, очутившегося поблизости. Чисто инстинктивно. Если это собака, овладеваем разумом собаки — именно этой *конкретной* собаки. Если человек, который после этого, вроде тебя, остается в живых, захвативший его крылатый приобщается к высокоразвитому сознанию.

— Сам же теперь говоришь, «захвативший».

— Безобидная оговорка, поверь. Я вовсе не собираюсь брать верх. Это было бы в высшей степени безнравственно.

Дейлт мрачно хмыкнул.

— Откуда бывшая мохнатая пещерная тварь знает, что нравственно, а что безнравственно?

— Я ведь способен теперь рассуждать, используя твои запасы, не так ли? А если я мыслю, то вполне могу получить представление о нравственных законах. Я проник в твое тело, побуждаемый слепым инстинктом. Мог бы полностью взять контроль на себя — не без борьбы, конечно, — только это было бы непорядочно. Даже если бы захотел, не могу выйти, значит, ты со мной накрепко связан, Стив. Извлеки из этого максимальную выгоду.

— Накрепко ли связан, посмотрим, вернувшись на базу, — пробормотал Дейлт. — Но хотелось бы знать, как ты забрался ко мне в мозги?

— И сам точно не знаю. Помню, каким путем проник внутрь черепа, и растолковал бы тебе, если бы ты в анатомии хорошо разбирался, однако я вынужден ограничиваться твоим собственным словарем, который в данной области очень скучен.

— А ты чего ждал? Я получил не медицинское, а культурологическое образование!

— Ну, не важно. Я практически не осмысливал свое существование, пока не проник к тебе в череп. Только сейчас осознал себя полностью.

Дейлт взглянул на панель управления и выпрямился в кресле.

— Ладно. Кто бы ты ни был, пока убирайся. Не мешай, я готовлюсь к стыковке.

— Охотно помолчу. Мне еще предстоит досконально исследовать твой замечательный организм, чтобы с ним полностью свыкнуться. Ну, пока, Стив. Очень рад познакомиться.

В голове у последнего мелькнула мысль: «Если мне суждено сойти с ума, я хотя бы энергично отбрыкивался!»

II

В стыковочном шлюзе Дейлта встретил Барр.

— Не повезло, Стив?

Покачав головой, он собрался изложить подробности, но поймал на себе странноватый взгляд коллеги.

— В чем дело?

— Не поверишь мне на слово.

Барр взял его за руку, повел в ближайший мужской туалет, поставил перед зеркалом.

Дейлт увидел то, что ожидал увидеть: высоко-го мускулистого мужчину в одежде крепостного с Кваси, с загорелым лицом, короткими блестящими темными волосами, но вдруг наклонил голову, пристально разглядывая макушку. Там зияла овальная плешь с вырванными прядями. Он провел по ней ладонью, и перед глазами легким дождем посыпались каштановые волосы. Еще несколько взмахов руки, и в абсолютно голой лысине в зеркале отразился верхний свет.

— Ох, проклятье! Я облысел!

— *Не беспокойся, Стив, — проговорил в голове голос, — корни целы. Волосы отрастут.*

— Надеюсь, черт возьми! — рявкнул Дейлт.

— Что? — озадаченно переспросил Барр.

— Ничего, — буркнул он. — Мне там что-то в пещере на голову свалилось, видно, отсюда и лысина.

Безусловно ясно, что надо с большой осторожностью упоминать о вторгшемся без приглашения госте, иначе все присутствующие на корабле быстро примут его за сумасшедшего, даже если он в действительности не свихнулся.

— Может, лучше врачу показаться? — предложил Барр.

— Обязательно. Сперва только Кларксону отрапортую. Наверняка ждет не дождется.

— Будь уверен.

Барр, возглавляя группу исследователей, работавшую над проектом создания мозга, был отлично осведомлен о пресловутой нетерпеливости Дервела Кларкsona.

Оба быстро направились к начальственному кабинету. Вращение огромного конического корабля обеспечивало тяготение в одно «g».

— Привет, Джин, — улыбнулся Стивен, войдя вместе с Барром в приемную перед кабинетом.

Джин, секретарша Кларкsona, не позволяла ему скучать в полете, устраивая на редкость занимательные игры в ночное время.

Она улыбнулась в ответ:

— Очень рада тебя видеть целым и невредимым.

Он догадался, что, сидя на своем месте, Джин не замечает проплешины у него на макушке. Ну и ладно. Потом объяснимся.

— Здесь мистер Дейлт, — сообщила она в интерком.

— Ну, впустите его! — каркнул голос в динамике. — Пусть заходит...

Стивен с улыбкой толкнул дверь кабинета, вошел вместе с тащившимся в хвосте Барром. Огромный седеющий мужчина выскочил из-за стола и зашагал навстречу, приближаясь под крутым опасным углом.

— Дейлт! Где ты пропадал, черт возьми? Тебе было поручено сесть, посмотреть и вернуться. За такое время трижды можно было управиться! И что это у тебя с головой? — с привычной пулеметной скоростью трещал Кларксон.

— Э-э-э...

— Ну, не важно, оставим пока. Рассказывай! Сразу могу догадаться: раз Барр явился вместе с тобой, значит, ты ничего не привез. Если бы отыскал электронный мозг, он сейчас сидел бы в каком-нибудь углу, нянча его, как потерянного и найденного младенца! Ну, докладывай, что там?

Дейлт чуть-чуть обождал, не уверенный, кончен ли залп, и, наконец, ответил:

— Ничего хорошего.

— Почему?

— Потому что не удалось обнаружить никаких следов самого корабля. Есть, правда, признаки, что какое-то время назад он там был, а потом словно снова покинул планету, не оставив никаких свидетельств крушения.

— Ни единого? — озадаченно переспросил Кларксон.

— Абсолютно ничего.

Руководитель проекта минуту переваривал сообщение, потом пожал плечами:

— Это надо будет обдумать. А сейчас должен тебя уведомить, что, пока ты совершил увеселительную прогулку, мы перехватили еще один сигнал системы жизнеобеспечения мозга...

— Прогулка была вовсе не увеселительная, — возразил Дейлт. Даже несколько минут общения с Кларксоном неизбежно действуют на нервы. — Я нарвался на компанию неприветливых аборигенов, пришлось укрываться в пещере.

— Как бы там ни было, — заключил Кларксон, вновь усевшись за письменный стол, — теперь мы точно знаем, что мозг, или то, что от него осталось, находится на Кваше.

— Да, но где именно? Знаете, это в общем-то не совсем астероид.

— Точка почти локализована, — возбужденно перебил его Барр. — Очень близко к тому месту, которое ты осматривал.

— Надеюсь, в Бенделеме, — пробормотал Дейлт.

— Почему надеешься?

— Потому что я вел там культурологические исследования под видом солдата удачи, нечто вроде наемника на службе у герцога Кайла Бенделемского, досконально узнал, полюбил Бенделему. А в Тепендии, против которой сражался, не пользуюсь большой популярностью. Повторяю: надеюсь, что мозг в Бенделеме.

— Ты прав, — кивнул Кларксон.

— Хорошо! — облегченно вздохнул он. — Это сильно упрощает дело. В Бенделеме меня знают как наемника Раксо. Есть хотя бы отправная точка.

— Вот завтра и отправишься, — решил Кларксон. — Мы уже потеряли слишком много времени. Если не вернем образец, не установим точную причину неполадок, «Старуэйз» вполне может закрыть проект. На тебя вся надежда, Дейлт, помни.

Стивен повернулся к двери.

— Кто ж это мне позволит забыть? — буркнул он с мрачной усмешкой. — Я к вам еще загляну перед стартом.

— Хорошо, — коротко кивнул Кларксон и обратился к Барру: — Задержись на минуточку. Хочу с тобой кое-что обсудить.

Дейлт тихонько закрыл за собой дверь, оставив их вдвоем.

— Почти пора полдничать, — проговорил у него за спиной женский голос. — Что скажешь?

Он одним движением развернулся на месте, наклонился над столом, чмокнул Джин в губы.

— Извини, не могу. Может, для всех вас тут по корабельному времени полдень, а для меня дьявольски раннее утро. Надо к доктору заскочить и немножко поспать.

Джин не слушала, не отрывая взгляда от голого овального пятнышка на голове.

— Стив! — воскликнула она. — Что случилось?

Дейлт резко выпрямился.

— Да ничего особенного. Что-то свалилось на голову, и волосы выпали. Отрастут, не волнуйся.

— Меня не волосы волнуют. — Она потянулась, стараясь еще раз взглянуть, но он высоко задрал голову. — Больно было?

— Ничуточки. Слушай, не хочется убегать, но я должен выспаться. Завтра лечу обратно.

У нее вытянулось лицо.

— Так скоро?

— К сожалению. Может, вместе вечерком победаем? Я сначала к тебе заскочу, и оттуда пойдем. Кафетерий, конечно, не ресторан, но, если прийти попозже, наверняка найдется отдельный столик.

— А потом? — робко уточнила она.

— Провалиться мне в преисподнюю, если я собираюсь в последнюю ночь на базе перед боя весть сколь долгим отсутствием торчать в видеозале!

— Это я и хотела услышать! — улыбнулась Джин.

— В какое поразительное физиологическое смятение привела тебя эта женщина! — заметил голос, когда Дейлт шагал по коридору к медицинскому кабинету.

Он сразу споткнулся и замер на месте, почти позабыв о своем компаньоне. Потом пробормотал сквозь плотно стиснутые губы:

— Тебя не касается.

— Боюсь, меня касается почти все, что ты делаешь. В эмоциональном плане я непосредственно с тобой не связан, а в физическом чувствую тоже, что чувствуешь ты, вижу то, что ты видишь, ощущаю тот же вкус...

— Ладно, ладно!

— Должен признать, ты держишься довольно прилично. Лучше, чем я ожидал.

— Видимо, благодаря культурологическому образованию и опыту. Меня научили контролировать свои реакции в необычных ситуациях.

— Отрадно слышать. Возможно, нам долго придется жить вместе, если ты не пойдешь путем большинства высоких интеллектов и не избавишься от меня, совершив самоубийство. Будем считать твое тело мелким предприятием, а нас деловыми партнерами.

— Партнерами? — воскликнул Дейлт громче, чем хотелось бы. В коридорах, к счастью, было пусто. — Это *мое* тело!

— Готов пересмотреть аналогию, если так тебе больше понравится. Ты — основатель компании, а я только что выкупил пай. Что скажешь, партнер?

— Сплошной бред!

— Привыкай, — мелодично пропел голос.

— Не стоит трудиться. Долго ты тут не продержишься. Док об этом позаботится.

— Он ничего не увидит, Стив.

— Ну, посмотрим.

Стивен нажал на пластинку охранной системы, дверь в медицинский комплекс распахнулась, он вошел в крохотную приемную.

— Чем можем вам помочь, мистер Дейлт? — спросила дежурная сестра.

Он теперь стал на базе общепризнанной знаменитостью.

Наклонил голову, продемонстрировав проплешины.

— Хотелось бы показать доку. Перед завтрашим вылетом надо бы выяснить. Может, он меня примет, если найдется минутка?

— Сейчас, — улыбнулась женщина.

В данный момент Дейлт считался очень важной личностью, единственным человеком на базе, имеющим официальный допуск на Квации. Если ему нужен доктор, он его получит.

В ответ на звонок сестры мужчина в традиционном белом медицинском халате высунул голову в одну из трех дверей, выходивших в приемную.

— В чем дело, Лоррейн? — спросил он.

— Мистер Дейлт хочет вам показаться, док.

Врач перевел взгляд на посетителя:

— Конечно. Входите, мистер Дейлт. Я — доктор Грейвс. — Он пригласил его в маленький кабинет, стены которого были заставлены полками с книгами и микрофильмами. — Присядьте на минутку, я сейчас вернусь.

Грейвс нырнул в другую дверь, оставив Дейлта в одиночестве. Почти в одиночестве.

— А у него тут довольно богатая библиотека, правда? — прозвучал голос.

Стивен оглядел полки с печатными текстами, должно быть хранившимися со студенческих лет доктора Грейвса, и катушками микрофильмов с последними клиническими достижениями.

— Ты мне оказал бы большую услугу, попросив его одолжить ненадолго основополагающие учебники.

— Это еще зачем? По-моему, ты все обо мне знаешь.

— Действительно, кое-что уже знаю, но еще учусь и должен овладеть словарем, чтобы время от времени объяснять тебе разные вещи.

— Забудь. Скоро отсюда вылетишь.

Вернулся доктор.

— Ну, мистер Дейлт, в чем проблема?

Тот рассказал про случай в пещере.

— Легенда утверждает и опыт колонистов, кажется, подтверждает, что «из каждой тысячи пораженных девятьсот девяносто девять умрут». На меня свалился крылатый, а я до сих пор брыкаюсь. Хотелось бы знать почему.

— По-моему, я уже говорил, что, благодаря случайному конституционному фактору, твоя нервная система меня не отторгла.

— Заткнись! — мысленно рявкнул Дейлт.

Доктор пожал плечами:

— Не понимаю, что вас беспокоит. Вы живы, отделались одной проплешиной, да и та уже застает. Не могу объяснить, почему вы уцелели, потому что не знаю, как те самые крылатые убивают жертв. Насколько мне известно, никто их не исследовал. Лучше просто забудьте об этом и держитесь от пещер подальше.

— Все не так просто, док, — осторожно продолжал Стивен.

Необходимо изложить историю близко к правде, но ничего не выкладывать откровенно и прямо, чтоб не попасть в категорию безнадежных шизофреников.

— У меня такое ощущение, будто что-то попало под кожу головы или даже в черепную коробку. Чувствуется какая-то плотная шишка.

Дейлт заметил, что глаза доктора чуть-чуть сощурились.

— Я не сумасшедший, — поспешил заверил он. — Вы же видите след, оставленный крылатым, — голое пятно на макушке. Нельзя ли проделать какие-нибудь анализы или еще что-нибудь? Просто чтоб мне на душе легче стало.

Грейвс кивнул, признавая, что опасения пациента имеют вполне реальные основания, и в его взгляде погас огонек, намекавший на увольнение по восьмому параграфу¹.

Он повел его в смежную комнату, установил над головой кубический аппарат вроде шлема. Шлем щелкнул, зажужжал и поднялся. Доктор Грейвс вытащил два маленьких прозрачных снимка, сунул в диаскоп. На ожившем экране возник-

¹ Увольнение с военной службы по профессиональной или психологической непригодности, психическим отклонениям и т. п.

ли изображения черепа Стивена Дейлта изнутри в латеральной и переднезадней проекции.

— Волноваться нечего, — заключил доктор, исследовав картину. — Я провел сканирование только ради вашего спокойствия. Посмотрите.

Дейлт посмотрел, хоть понятия не имел, на что надо смотреть.

— *Я же предупреждал, — напомнил голос, — что полностью внедрился в нервную систему.*

— Ну, благодарю за хлопоты и за потраченное время, док. Пожалуй, действительно нечего беспокоиться, — соврал Стивен.

— Не стоит благодарности. Просто считайте, что вам посчастливилось выжить, если те самые крылатые действительно так смертельно опасны, как вы утверждаете.

— *Попроси книжки!* — напомнил голос.

— *Я спать сразу лягу, как только отсюда выйду. Некогда тебе будет читать.*

— *Это моя забота. Только достань мне книги.*

— *Почему я должен оказывать тебе услуги?*

— *Потому что в противном случае ты у меня никогда не заснешь. Буду без конца талдычить «достань, достань, достань», пока, наконец, не достанешь.*

— *Верю, что ты на это способен!*

— *Можешь не сомневаться.*

— Док, — сказал Дейлт, — нельзя ли одолжить у вас несколько книжек?

— Например?

— Ну, для начала по анатомии или физиологии.

Доктор Грейвс прошел в другую комнату, вытащил с полки два потрепанных тома большого формата.

— Для чего они вам?

— Просто так, — буркнул он, беря книги и сунув под мышку. — Хочу кое-что выяснить.

— Ну, только не забудьте, у кого их взяли. И смотрите, чтоб случай с крылатым не превратился в навязчивую идею, — многозначительно добавил доктор.

— Я уже его выкинул из головы, — улыбнулся Стивен.

— Очень смешно!

Выходя из медицинского кабинета, Дейлт, не тратя времени, направился к себе и рухнул в постель, прежде чем раздвижные двери успели закрыться. Положил научные книжки на тумбочку у койки, зарылся лицом в подушку, мгновенно провалился в сон.

Проснулся через пять часов, чувствуя себя полностью отдохнувшим, не считая глаз, которые горели жгучим огнем.

— Можешь вернуть книги, когда пожелаешь, — объявил голос.

— Уже потерял интерес? — зевнул он, потягиваясь в койке.

— Да, в определенном смысле. Прочел, пока ты спал.

— Каким образом, черт побери?

— По правде сказать, очень просто. Когда твой мозг заснул, начал читать твоими глазами, листать страницы твоими руками, переварил информацию, сохранил в твоей памяти. Кстати, в человеческом мозге дьявольски много пустого места. Ты близко даже не используешь свой потенциал, Стив. Наряду с любым другим представителем твоей расы, как я догадываюсь.

— Какое ты имеешь право впихивать в мою голову нечто подобное? — разозлился он, сидя в кровати и протирая глаза.

— В *нашу* голову, ты хочешь сказать?

Дейлт пропустил поправку мимо ушей.

— Неудивительно, что у меня глаза горят до смерти! Оказывается, я читал вместо того, чтобы спать!

— Не волнуйся. Ты выспался, я овладел словарем. Хорошо отдохнул, чего жалуешься? Теперь, кстати, могу объяснить, как проник к тебе в мозг. Просочился в поры, в капилляры скальпа, оттуда в эмиссарные теменные вены. Они проходят через теменное отверстие теменной кости и соединяются с верхней сагиттальной пазухой твердой мозговой оболочки. Оттуда легко попасть в центральную нервную систему.

Дейлт открыл было рот, собравшись заявить, что ему на это фактически наплевать, но вдруг сообразил, что целиком и полностью понял сказанное. Перед мысленным взором возникла ясная картина описанного пути.

— Почему мне понятны твои объяснения? Вроде бы хорошо все себе представляю, хотя и не помню, чтоб когда-нибудь эти термины слышал... Тем не менее они мне знакомы. Бред какой-то, фантастика...

— Ощущение, разумеется, странное, — подтвердил голос. — Видишь ли, я открыл тебе доступ к своим новым познаниям. В результате ты пользуешься плодами образовательного процесса, не проходя обучения. Без всякого труда знакомишься с фактами.

— Ну, — заключил Дейлт, поднявшись на ноги, — по крайней мере, ты не совсем паразит.

— Возмутительно! Мы партнеры, симбионты!

— Может быть, пригодишься от случая к случаю, — вздохнул Стивен.

— Уже пригодился.

— Что это значит?

— Я обнаружил небольшое новообразование в твоем легком, в средней доле справа. Вполне могло переродиться в злокачественное.

— Бежим тогда назад к доктору, пока не пошли метастазы! — воскликнул он, мельком отмечая, что пять часов назад говорил бы не о «метастазах», а о росте опухоли.

— Не волнуйся, Стив. Я убил его.

— Как же ты это сделал?!

— Поработал над кровеносной системой, избирательно перекрыл приток крови к разросшимся клеткам.

— Ну, спасибо, партнер!

— Не стоит благодарности, уверяю тебя. Я это сделал столько же для себя самого, сколько и для тебя. Мне тоже неприятно разгуливать в съедаемом раком теле!

Дейлт молча сбрасывал одежду крепостного. Смысл удивительного происшествия в пещере на Квации вдруг обрушился на него с полной силой. В него вселился сторожевой пес-лекарь, который будет отныне заботиться о его благополучии. Он мрачно усмехнулся, переодеваясь в скафандр и вешая на шею драгоценный призматический огненный камень, который впервые надел в роли Раксо и по-прежнему носил по завершении наблюдательной культурологической миссии на Квации. Здоровье ему обеспечено, а вот с личной жизнью навсегда покончено. Неизвестно, стоит ли одно другого.

— И еще одно, Стив, — добавил голос. — Рост волос на лысине максимально ускорен.

Дейлт провел ладонью по макушке, нащупывая густую щетину на месте прежнего голого скальпа.

— Эй, и правда! Действительно выросли! — Он кинулся к зеркалу. — Ох, нет!

— Прошу прощения... Я ж ничего не видел, даже не догадывался об изменении цвета... Боюсь, тут уже ничего не поделаешь.

Дейлт с омерзением разглядывал серебристый клок среди чернильно-черных волос.

— Меня примут за извращенца!

— Всегда можно покрасить...

Он взвыл от ужаса.

Голос постарался поскорей сменить тему.

— У меня есть несколько вопросов, Стив, — поспешил сказать он.

— Чего тебе?

— Зачем ты завтра летишь на планету?

— Затем, что когда-то был членом федеральной наблюдательной культурологической группы на Кваши, где корпорация «Старуэйз» потеряла экспериментальный пилотирующий электронный мозг. Она получила от Федерации разрешение на его поиски при условии, что их проведет культуролог.

— Да я не то имею в виду. Меня интересует, почему этот мозг всем так нужен, насколько он похож на настоящий мозг, и так далее.

— Это легко выяснить. — Дейлт направился к двери. — Достаточно зайти в корабельную библиотеку.

Библиотека располагалась рядом с центральной осью корабля и полностью управлялась компьютерами. Дейлт заперся в крошечной просмотровой

кабинке, сунул в открытую прорезь идентификационную карту.

Из встроенного динамика послышался ровный скучный компьютерный голос:

— Что вам угодно, мистер Дейлт?

— Мне предстоит отправиться в путь, и хотелось бы просмотреть все, что имеется по мозговому проекту.

Из крошечного желобка выскочили четыре катушечки с микропленкой, упав в стоявшее перед ним корытце.

— Прошу прощения, мистер Дейлт, — извинился компьютер, — больше по вашему допуску ничего не положено.

— Пожалуй, достаточно, Стив, — сказал голос. — Вставь в проектор.

Катушки излагали историю дерзкого биологического и экономического проекта. Корпорация «Старуэйз» быстро добилась монополии на рынке межзвездных кораблей, путешествующих в искривленном пространстве, и занялась межгалактическими полетами. Но, в отличие от известных типичных компаний, вкладывала большие деньги в фундаментальные исследования. Одной из основных областей ее исследовательской деятельности стало использование нервных тканей разумного человека. И Джеймс Барр открыл способ, имеющий колоссальный экономический потенциал.

Основные затраты на коммерческие межзвездные перелеты — грузовые или пассажирские — приходились на подбор команды. Хорошие пилоты были наперечет и с трудом соглашались работать, а для управления кораблем нужен был далеко не один звездолетчик. Многократно пытались за-

менить команду компьютерами, неизменно теряя поражение либо из-за проблемы массы-объема, либо из-за непомерной стоимости профилактического обслуживания. Достижения Барра в создании «искусственного», то есть выращенного в пробирке, мозга, похоже, решали проблему, хотя бы для грузовых кораблей.

После многочисленных проб и ошибок с системами жизнеобеспечения и всеобъемлющего контроля был в конце концов создан действующий прототип. Несколько кратких экспериментальных полетов с запасной командой наготове принесли превышавшие все ожидания результаты. После этого прототип подготовили к дальнему межзвездному путешествию с пятью запланированными по расписанию остановками — естественно, с пустыми грузовыми отсеками. Полет проходил довольно успешно, пока корабль не попал в район Квashi. С ним послали единственного механика, который предотвращал серьезные неполадки и сидел, по его утверждению, в своей каюте, когда корабль вдруг вышел из искривленного пространства, а вспыхнувшая лампочка подала сигнал бедствия. Он, не теряя времени, катапультировался в спасательном членоке. Корабль по кратчайшей орбите ринулся к Квashi и исчез, вероятно разбившись. С тех пор минуло восемь месяцев.

Любая дальнейшая информация недоступна без специального разрешения.

— Пустая трата времени, — заключил Стивен.

— Вы ко мне обращаетесь, мистер Дейлт? — переспросил компьютер.

— Нет.

— Новых сведений, конечно, маловато, — признал голос.

Прежде чем ответить, Дейлт вытащил из прорези свою карточку, отключив в данной будке компьютер, чтобы он больше не вмешивался.

— В данный момент рассматриваются теории о технических неполадках и о вредительстве.

— Почему о вредительстве?

— Во-первых, в связи с гильдией звездолетчиков, — объяснил он, вставая. — Во-вторых, из-за конкуренции между фирмами. Но, поскольку корабль разбился в закрытом отковавшемся мире, я остановился бы на неполадках.

Выходя из кабинки, взглянул на хронометр на стене: 19.00 корабельного времени. Джин наверняка уже ждет.

Они с Джин вошли в почти пустой кафетерий, найдя отдельный столик в дальнем углу.

— По-моему, вообще незачем красить волосы, — заявила она, ставя на стол поднос и усаживаясь. — На мой взгляд, очень даже симпатичная седая прядь... Я бы даже сказала, слишком симпатичная.

Дейлт благосклонно смолчал.

— Стив, — неожиданно встрепенулась Джин, — почему ты ешь левой рукой? Я раньше никогда этого не замечала...

Он опустил глаза. Вилка была уверенно схвачена пальцами левой руки.

— Ничего не пойму, — пробормотал Стивен. — Даже внимания не обратил...

— *Пока ты спал, — врезался голос, — я встроил несколько новых цепей. Довольно глупо отдавать предпочтение одной руке перед другой. Теперь ты стал двуруким.*

— Спасибо за своевременное предупреждение, партнер!

— Извини. Позабыл.

Дейлт перебросил вилку в правую руку, а Джин сменила тему.

— Слушай, — сказала она, — ты никогда не рассказывал, почему ушел из исследовательской культурологической группы...

Он помолчал, прежде чем отвечать.

После свержения Метепа VII, последнего в длинной династии самозваных «императоров внешних миров», новые независимые идеи породили свободное объединение под простым названием «Федерация».

— Федерация, — наконец начал Дейлт, — как тебе отлично известно, разработала долгосрочный план присоединения отковавшихся миров, я имею в виду, тех, кто этого пожелает. Но тут обнаружилось поразительное обстоятельство — слишком многие успели скатиться к варварству. Для оценки отковавшихся миров были начаты культурологические исследования, которые помогли бы решить, кому можно доверить современные технологии. Существовало еще одно правило, на которое я тогда не обратил особого внимания, просто принял на веру. Из-за этого и возникли проблемы.

— Что за правило?

— Полностью оно нигде не записано, не сформулировано, но в принципе предписывает оставить в покое отковавшуюся цивилизацию, которая выбирает иной путь по сравнению с человечеством.

— Видно, решили на некоторых планетах проводить культурологический анализ в пробирке, — усмехнулась Джин.

— Я и сам так же думал, хотя это нисколько меня не заботило, пока я не исследовал одну планету, название которой пусть останется в тайне. Ее обитатели создали путем селекции пси-культуру и фактически совершенно особое общество. В рапорте Федерации я особо подчеркивал, что, на мой взгляд, мы можем у них поучиться не меньше, чем они у нас.

— Наверняка напрасно, — догадалась Джин.

Дейлт кивнул:

— Поскандалив с непреклонным начальством, взбесился и ушел.

— Наверно, подумали, будто ты слишком привык к той планете.

— Следовало бы получше подумать. Я, к примеру, без всяких возражений покинул Кваши. Попросту побоялись, что тамошняя пси-культура недостаточно зрелая для контакта с галактической цивилизацией, которая ее просто поглотит. Решили дать ей еще пару столетий. Я считал это несправедливым, но ничего не смог сделать.

Джин проницательно взглянула на него:

— Кажется, ты употребляешь прошедшее время. Изменил с тех пор свое мнение?

— Кардинально. Пришел к заключению, что вся деятельность Федерации опирается на принципиальную, вполне конкретную философию. Она хочет не просто обеспечить разнообразие человечества, но и расширить его до предела. Люди были практически гомогенным видом, пока не принялись осваивать звезды. Межзвездные полеты начались как раз вовремя. Старушка Земля до сих пор служит лучшим примером. Запад с Востоком давно объединились, о чем никто даже не смел мечтать, теперь там воцарилась безликая,

бесконечно питающая саму себя бюрократия. И столь же безликое население. Однако человек, стремящийся к звездам, совсем другой! Вырвавшись из-под влияния других людей, перестав смотреть на окружающее чужими глазами, слышать чужими ушами, он снова стал личностью, выбирающей собственный путь. Многие отковавшиеся миры, доведя этот принцип до крайности, потерпели крах. А немногие выжили, и Федерация хочет, чтобы преуспевшие дошли до самого конца ради их собственного благополучия и на благо всего человечества. Как знать, вдруг когда-нибудь в отковавшемся мире родится новый высший человек?

Они не спеша направлялись к каюте Дейлта. Войдя, он взглянул в зеркало, пригладил серебристую прядь, пробормотал с насмешливым разочарованием:

— Никуда не делась.

Повернулся к Джин, успевшей раздеться больше чем наполовину.

— Ты улетал ненадолго, Стив, — прошептала она, — а я по тебе соскучилась... по-настоящему.

Он по ней тоже соскучился.

III

Когда Стивен наутро проснулся, Джин уже не было. На тумбочке у кровати лежала кратенькая записка с пожеланиями удачи.

— Ты был обязан меня подготовить к такой бешеной чувственной встряске, — упрекнул голос. — События прошедшей ночи застали меня врасплох.

— Ох, это снова ты! — простонал Дейлт. — Ночью я совсем о тебе позабыл, иначе точно оказался бы импотентом.

— Я подключился к твоей сенсорной системе — весьма возбуждает.

На него нахлынула беспомощная досада. Придется привыкать к присутствию партнера при самых интимных моментах, но многие ли способны заниматься любовью, зная, что бесстыдный проныра беспрепятственно подглядывает в окно, видя происходящее в полном масштабе?

— Дальше что будем делать?

— Дальше, Пард, — протянул Дейлт, — приготовимся спускаться вниз.

Он направился к платяному шкафу, вытащил поношенный кожаный камзол и кирасу с пустым красным кружком на нагруднике — опознавательным значком наемника. Затем последовали короткие жесткие кожаные штаны, картину завершили широкий меч и металлический шлем. Наконец, волосы были перекрашены в подобающий Раксо цвет.

— И еще кое-что, — добавил он, шаря в самой глубине полки. Вытащил руку, крепко стиснувшую резной кинжал. — Новое оружие Раксо.

— Что ж нового в кинжале?

— Это не совсем кинжал, а еще и...

— Ну конечно. Бластер.

— Откуда ты знаешь?

— Мы ведь партнеры, Стив. То, что знаешь ты, знаю я. Знаю даже, зачем ты его заказал.

— Интересно послушать.

— Боишься, как бы не утратил прежнюю скорость реакции. Опасаешься, что мышцы не имеют прежнего тонуса, которым обладали при пер-

вом выступлении в роли Раксо. Не хочешь умирать, отыскивая искусственный мозг.

— Похоже, ты уверен, будто очень хорошо меня знаешь.

— Разумеется. Всю подноготную, с рождения до нынешнего момента. Единственный сын более или менее благополучной супружеской пары с Френдли... Обычное, ничем не примечательное детство, не слишком выдающиеся успехи в учебе, однако, благодаря отлично выдержанному экзамену на совместимость, тебя зачислили в федеральную группу разведчиков-культурологов. С тех пор ты больше не общался с родителями. Они так и не простили сбежавшего сына, скачущего из одного отколовшегося мира в другой. Ты сам откололся от родного мира, завел друзей в корпорации, а теперь откололся и от корпорации. По натуре не одиночка, но приспособился к одиночеству. Собственно говоря, у тебя колоссальные способности к адаптации, насколько это допускает личный кодекс морали и чести, который ты чтишь очень строго.

— Видно, больше не будет никаких секретов, — вздохнул Дейлт.

— По крайней мере, от меня.

Дейлт прибыл в герцогство Бенделемское в расчетное время, перед рассветом. Спрятал членок и вышел на дорогу, когда небо начинало светлеть. Шагая с легким седлом, переброшенным через плечо, любовался полями спелой пшеницы и овощей с обеих сторон. Сельское хозяйство на Кваши всегда зависело от случая, нередко наступал голод, но, похоже, в этом году голода в

Бенделеме не будет. Даже у крепостных сытый вид.

— Что скажешь, Пард? — спросил он.

— Ну, ось Кваси не сильно отклоняется от геометрической. Нынче, кажется, предстоит сбрать второй обильный урожай.

— Неслыханно при их методах земледелия... Я тут однажды чуть не умер с голодау.

— Знаю, но не могу объяснить, почему крепостные вдруг так растолстели.

Дорога обогнула небольшой лесок, и Бенделема открылась перед глазами.

— Вижу, архитектура не слишком продвинулась за время моего отсутствия. Крепость до сих пор похожа на груду камней.

— Интересно, — задумался Пард, пока они подходили к каменной постройке, — почему столько отсталых отковавшихся миров возвращаются к феодализму?

— Тут можно лишь строить теории. Скажем, феодализм в принципе опирается на закон джунглей. Впервые высаживающиеся колонисты откладывают воспитание и обучение детей в долгий ящик, чтобы в первую очередь на столе всегда стояла еда. Это их первая и трагическая ошибка, потому что, как только они упускают из рук технологию, начинается спуск по виткам бесконечной спирали. Обычно третье поколение живет уже на очень низком технологическом уровне. Исчезают сдерживающие механизмы, перестают действовать стабилизационные факторы, верх берут крутые ребята. Феодализм основан на философии силы: то, что я могу взять и удержать, — мое. Узаконенное варварство. Поэтому феодальные миры вроде Кваси надо держать подальше от Федерации. Можешь себе

представить, чтоб шайка этих лихачей управляла межзвездным дредноутом? Ни у кого нет ни денег, ни времени на перевоспитание и обучение, поэтому их просто оставляют в покое. Пусть сами совершают свою маленькую индустриальную революцию и так далее. Когда будут готовы, Федерация даст им возможность присоединиться.

— Эй, наемник! — крикнул кто-то из крепостных ворот. — Чего тебе надобно в Бенделеме?

— Неужели я так сильно изменился, Фарри? — спросил в ответ Дейлт.

Стражник пристально вгляделся в него со стены, и лицо его просветлело.

— Раксо! Заходи, добро пожаловать! Герцогу требуются отважные мужчины.

Темнокожий солдат Фарри, набравший с момента их последней встречи несколько фунтов и получивший несколько новых шрамов, приветствовал вошедшего в открытые ворота наемника.

— А конь где? — с ухмылкой полюбопытствовал он. — У тебя сроду не было обыкновения топать на своих двоих, когда верхом можно ехать.

— Ногу сломал в канаве за много миль отсюда, так далеко, что вспоминать не хочется. Пришлось его прикончить, хоть и славный был жеребец.

— Жалко. Ну, герцог нового выдаст.

Герцог удостоил Дейлта настораживающее короткой аудиенции. Владелец замка не проявил ожидаемого энтузиазма. Дейлт не знал, чем объясняется холодность государя — занятостью другими делами или подозрительностью. Впрочем, его сын Антон вел себя совсем иначе, искренне радуясь встрече с Раксо.

— Пошли, — сказал он после взаимных приветствий. — Отведем тебе комнату рядом с моей наверху.

— Мне, простому наемнику?

— Тебе, моему наставнику!

Антон полностью возмужал с тех пор, как Дейлт в последний раз его видел. Он проводил с пареньком много времени, обучая приемам боя на мечах, которые сам освоил в студенческие годы.

— Я хорошо воспользовался твоими уроками, Раксо!

— Надеюсь, не бросил учиться после моего ухода.

— Спустимся на тренировочную площадку, увидишь, что я не ленился во время твоего отсутствия. Теперь я с тобой сравнялся.

Более чем сравнялся. Нехватку мастерства и точности Антон возмешал буйным пылом. Несколько раз Дейлт с трудом отбивался, но внимательно наблюдал за юношой, нанося и парируя удары, наступая и отступая в учебном бою. С виду тот же самый парень, каким он его помнил: храбрый, самоуверенный, единственный законный сын герцога, наследник Бенделемы, однако возникло и какое-то новое подводное течение. Антон всегда был грубоватым, хитрым, жестоким — идеальные качества для будущего феодального господина, — а теперь к ним добавилась нотка отчаянной безнадежности. Дейлт ее не сразу заметил и сейчас, заметив, не мог объяснить. У Антона прочное положение — что его гложет?

После разминки Стивен погрузился в огромный чан с горячей водой — в прошлый раз эта привычка принесла ему репутацию слегка чок-

нутого, — потом пошел к себе и сразу заснул, вымощанный долгой утренней пешей прогулкой с седлом, а потом яростным боем с Антоном.

Проснувшись, почувствовал в затекшем теле нестерпимую боль.

— Надеюсь, боль в мышцах тебе доставляет немало страданий.

— Что это значит, Пард? — недовольно спросил он, разминая мышцы правой руки, работавшей мечом.

— То, что ты к подобным занятиям не подготовлен. Смехоторных упражнений на корабле абсолютно недостаточно для схватки с таким соперником, как Антон. Если тебе нравится испытывать боль, на здоровье, только не забывай, что я тоже ее испытываю!

— Ну, так просто выключи болевые ощущения. Можешь ведь это сделать?

— Да, но это почти столь же неприятно, как сама боль.

— Тогда просто страдай со мной вместе. Кстати, ты нынче чертовски неразговорчив. В чем дело?

— Наблюдаю, сравниваю твои прошлые впечатления от Бенделемы с тем, что сейчас вижу перед собой. Либо ты никудышный наблюдатель, либо что-то здесь происходит... Нечто подозрительное, таинственное, я уж не знаю что...

— То есть как это — «никудышный наблюдатель»?

— Вот так. Или твои прошлые наблюдения неточны, или в Бенделеме произошли серьезные перемены.

— В каком смысле?

— Точно пока сказать не могу. Скоро выясню. Я гораздо более прозорливый наблюдатель, чем ты.

Дейлт со стоном взмахнул руками:

— В меня вселился не просто непрошеный гость, но и до невозможности наглый!

Послышался стук в дверь.

— Входите, — разрешил он.

Дверь открылась, вошедший Антон оглядел комнату.

— Ты один? Мне послышалось, говоришь с кем-то...

— Привязалась дурная привычка в последнее время, — поспешил объяснить Дейлт. — Мысли вслух.

Юноша пожал плечами:

— Скоро подадут ужин, я приказал посадить тебя за отцовским столом. Пойдем.

Спускаясь следом за ним по узкому лестничному пролету со ступенями из необработанного грубого камня, Стивен уловил густой безошибочный запах местного вина.

Высокий, похожий на мертвеца мужчина склонил голову, когда они вошли в обеденный зал.

— Привет, Стренч, — улыбнулся Дейлт. — Я смотрю, ты по-прежнему мажордом.

— С милостивого дозволения его светлости, — ответил Стренч.

Почти сразу за ними явился сам герцог. Все присутствующие стояли, пока он не уселся. Дейлт разместился почти во главе стола, догадавшись по возмущенному виду немногочисленных придворных советников, что их отодвинули от властного трона чуть дальше, чем хотелось.

— Я должен поблагодарить его светлость за выпавшую наемнику честь сидеть за его столом, — сказал он после того, как придворный поднял традиционный тост за Бенделему и долголетие герцога.

— Не говори глупостей, Раксо, — ответил герцог. — Ты отлично послужил мне против Тепенции и всегда от чистого сердца заботился о моем сыне. Сам знаешь, в Бенделеме тебя всегда встречают с радостью.

Дейлт поклонился.

— Чего ты раскланиваешься и лебезишь перед мерзким слизняком?

— Заткнись, Пард! Роль требует.

— Разве тебе не известно, скольких крепостных тиранит этот варвар?

— Заткнись, самодовольный паразит!

— Не паразит — симбионт!

Стивен поднялся, взмахнул кубком с вином.

— Если речь зашла о вашем сыне, мне хотелось бы провозгласить тост за будущего герцога Бенделемского Антона!

С внезапным звериным рычанием Антон вскочил на ноги, швырнул свой кубок на каменный пол и без всяких объяснений вылетел из зала.

Все изумились не меньше Дейлта.

— Может, я что-то не то сказал...

— Не понимаю, что именно, — пробормотал герцог, не сводя глаз с красной лужицы пролитого вина, просачивавшегося в щели между камнями. — В последнее время Антон ведет себя довольно странно.

Дейлт сел, поднес кубок к губам.

— На месте моего острого на язык партнера я бы не стал допивать до дна это пойло.

— Почему? — мысленно удивился он, осторожно коснувшись губами края кубка.

— Потому что, по-моему, в твой бокал, в отличие от других, что-то добавлено, а нам следует соблюдать осторожность.

— Что же тебе внушило подобные подозрения?

— Я уже говорил, что ты должен оттачивать наблюдательность.

— Перестань! Объясни.

— Хорошо. Я обратил внимание, что тебе подали заранее налитый кубок, тогда как остальные наполняли вон из того медного кувшина.

— Действительно странновато, — согласился Стивен и собрался поставить кубок.

— Не надо! Чуть-чуть смочи губы, я попробую проанализировать содержимое. Небольшой глоток сильно не повредит.

Он так и сделал и принялся ждать.

— Ну, — объявил, наконец, Пард, — по крайней мере, серьезного вреда тебе причинить не хотели. Пока, во всяком случае.

— Что там?

— Какой-то алкалоид, должно быть, из местного корня.

— И что со мной было бы?

— До утра отключился бы, не появляясь на сцене.

Дейлт задумался.

— Интересно, зачем?

— Не имею ни малейшего представления. Но, пока все отвлеклись на бегство Антона, советую немедленно выплеснуть вино на пол. Оно смешается с уже пролитым, никто не догадается. Пусть потом дураки удивляются, что ты по-прежнему в своем уме.

— У меня есть идея получше.

Дейлт вылил вино на собственный сапог, и оно стекло тихо, без плеска.

— *Пару минут обожду, а потом прикинусь, будто отключился. Может, узнаем, что они задумали.*

— Звучит рискованно.

— Тем не менее так мы и сделаем.

Стивен решил максимально использовать время, оставшееся до отключки.

— Знаете, — начал он, притворяясь, что пьет вино большими глотками, — прошлой ночью я видел на небе яркую вспышку света. Она ударила в землю далеко за горизонтом. Слышал недавно толки, будто тот самый свет упал где-то здесь, даже говорят, что в самой Бенделеме. Правда или вассалы спьяну болтают?

Разговоры за столом разом смолкли. Все перестали есть и пить, устремив на него взгляды.

— Почему ты об этом спрашиваешь, Раксо? — поинтересовался герцог.

Завеса подозрительности, вроде исчезнувшая в начале обеда, вновь прочно отделила герцога от наемника.

Последний решил, что представление пора заканчивать.

— Ваша светлость, меня лишь озадачили праздные слухи. Я... — Он приподнялся на стуле, прикрыл рукой глаза. — Я... — И осторожно повалился на пол.

— Отнесите его наверх, — приказал герцог.

— Не покончить ли прямо сейчас с вездесущим высокочкой, ваша светлость? — предложил один из советников.

— Нет. Он мой друг, друг Антона, зла нам наверняка не желает. Завтра все будет ясно.

Дейлта без какой-либо деликатности и тем более без учета физического самочувствия отволокли в его комнату, бесцеремонно швырнув на кровать.

Крепко хлопнула глухо закрытая прочная деревянная створка, послышался щелчок ключа в замке.

Он вскочил, бросился к двери. Ключ торчал снаружи в скважине.

— Блестящая была идея, — ядовито прокомментировал Пард.

— Попрошу воздержаться от замечаний.

— Что теперь будем делать, запертые на всю ночь в клетушке?

— Остается одно, — вздохнул Дейлт, сбросил сапоги, кольчугу, камзол, короткие штаны и прыгнул в постель.

Наутро дверь оказалась незапертой, и он с максимальными предосторожностями спустился вниз. Память подсказывала, что рядом с кухней находится каморка Стренча... точно, вот она. Хозяина поблизости не видно.

— Что это ты задумал?

— Изо всех сил стараюсь снова не просидеть ночь под замком.

Взгляд его остановился на большой доске, где Стренч держал дубликаты ключей от всех замков в крепости.

— Начинаю понимать.

— Медленно нынче утром соображаешь!

Стивен сдернул с крючка запасной ключ от своей комнаты, прицепив на его место другой, похожий, с другого конца доски. Стренч рано или поздно обнаружит исчезновение одного ключа, но конкретно, безусловно, не вычислит.

Через несколько секунд он столкнулся с ма-
жордомом.

— Его светлость желает тебя видеть, Раксо, —
сухо сообщил тот.

— Где он?

— На северной стене.

— Похоже, близится критический момент.

— Почему, Пард? — прошептал Дейлт.

— Помнишь, вчера вечером после твоей теа-
ральной отключки герцог сказал, что завтра все
будет ясно?

— По-твоему, он сейчас собирается выяснить?

— Может быть. Точно, конечно, не могу ска-
зать, но радуюсь, что у тебя кинжал за поясом.

Герцог стоял один на крепостной стене, привет-
ствуя Дейлта-Раксо со всей теплотой, допустимой
при его сдержанности, выслушав от последнего из-
винения за вчерашнюю «чрезмерную выпивку».

— К сожалению, должен кое в чем признать-
ся, — сказал он.

— Слушаю, ваша светлость...

— Как только ты явился, я заподозрил тебя в
предательстве.

Дейлт открыл было рот, чтобы ответить, но гер-
цог махнул рукой в перчатке:

— Можешь не доказывать свою невиновность.
Я получил донесение от шпиона при Тепендиан-
ском дворе с подтверждением, что ноги твой в
Тепендии не было после таинственного исчезно-
вания год назад.

Стивен повесил голову:

— Милорд, я в отчаянии.

— Не упрекай меня, Раксо. Всем известно, что ты ишьешь максимальной выгоды, а Тепендию очень интересуют последние события в Бенделеме. Настолько, что она засыпает на нашу территорию летучие отряды, которые захватывают моих вассалов.

— Зачем?

Герцог надулся от гордости.

— Затем, что Бенделема процветает. Ты сам кругом видел богатый урожай. Везде, по обыкновению, скудный, кроме Бенделемы.

Дейлт этого не знал, но все равно кивнул. Значит, только на Бенделеме собирают второй обильный урожай. Интересно.

— Наверно, вы освоили новые методы земледелия и Тепендия их хочет украсть, — предположил он.

— Больше того, — кивнул герцог. — У нас появились новые способы хранения продуктов, новые способы сева... Когда вновь придет голод, мы победим Тепендию не мечом и огнем, а едой! Голодящие тепендианцы побегут от своего господина, Бенделема расширит границы.

Дейлт собрался заметить, что если тепендианцы захватят бенделемских вассалов и завладеют секретами, то голода нигде больше не будет. Но герцог мечтал об империи, а простому наемнику не всегда стоит опровергать имперские мечты. Поэтому он промолчал, пока герцог созеркал горизонт, которым вскоре надеялся завладеть.

Остаток дня прошел в праздной ловле слухов, и к обеду Стивен убедился в одном: корабль разбился или приземлился на той самой поляне, ко-

торую он осматривал несколько дней назад. Было известно еще кое-что, но жители Бенделемы хранили секрет про себя — «правда, мы видели падавший свет, а больше ничего не знаем».

Антон предложил Дейлту то же почетное место, и он покорно уселся.

Когда прозвучал тост за герцога, сделал крошечный глоточек из кубка.

— Каков вердикт, Пард?

— Тот же самый.

— Не понимаю, в чем дело. Почему меня не опаивают ни за завтраком, ни за полдником, а только за обедом?

— Нынче ночью попробуем разобраться.

Поскольку сегодня Антон фокусов не выкидывал, трудно было найти способ избавиться от вина с добавленным снотворным. Наконец, он решил вновь притворно свалиться на стол, опрокинув при этом кубок в надежде скрыть тот факт, что проглотил лишь несколько капель.

Уронив на столешницу голову, внимательно прислушался.

Прозвучал голос Антона:

— Долго это будет продолжаться, отец? Если его каждый вечер опаивать, он обязательно заподозрит неладное.

— Долго, раз ты поселил его здесь, а не в солдатских казармах! — сердито крикнул герцог. — Недопустимо, чтобы он шатался вокруг во время ночных церемоний. Чужак не должен знать о божестве!

— Ладно, — мрачно буркнул Антон. — Завтра я его отправлю в казармы.

— Не обижайся, — смягчился отец. — Я знаю, он твой друг, но божество важнее наемника.

— Кажется, я вполне понимаю, что представляет собой упомянутое божество, — заявил Парл, когда Дейлта-Раксо тащили наверх.

— Мозг? Я сам догадался. А как он общается с ними? Образец к этому не приспособлен.

— Зачем ему общаться? Достаточно того, что он с неба свалился.

— Недостаточно. Мозг ничуть на божество не похож. Он должен был вступить в контакт с местными жителями, прежде чем они его обожествили. Иначе падение корабля стало бы очередной детской сказкой, которую рассказывают у костра.

Точно так же, как прошлой ночью, его завалили в кровать, дверь заперли снаружи. Он выждал несколько долгих минут, пока за дверью не установилась полная тишина, после чего сунул в замочную скважину дубликат ключа. Настоящий ключ выпал с другой стороны на каменный пол с кошмарно громким звоном. Впрочем, дело тем и ограничилось, поэтому Стивен повернул свой ключ и выскользнул по коридору на лестницу, ведущую вниз, к обеденному залу.

Там было пусто. Даже посуда после обеда не убрана.

— Куда все подевались? — пробормотал он.

— Тише! Слышишь голоса?

Дейлт начал спускаться по ступеням, прислушиваясь. Пространство наполнилось приглушенным пением. Слева виднелась открытая дверь, возле которой пение слышалось лучше.

— Вот... наверняка они там...

Коридор с земляным и частично вымощенным камнями полом повел его вниз. Редкие факелы, висевшие на стенах, бросали мерцающий свет на

каменные корявые стены, пение становилось все громче.

— Разбираешь слова?

— Речь идет о каких-то священных предметах... Половина встречается с нынешним солнцем, а другая с завтрашним... Круг не должен прерваться...

Пение вдруг смолкло.

— Похоже, литания кончилась. Давай лучше вернемся.

— Нет, спрячемся. Мозг наверняка тут, а мне бы хотелось как можно скорее вернуться к цивилизации.

Дейлт присел на корточки в темной нише в стене, наблюдая за торжественной процессией во главе с герцогом, который нес перед собой какие-то накрытые куском ткани предметы. За ним следовал мрачный, надутый Антон. Придворные советники на ходу срывали со стен факелы, но он успел заметить сочившийся в неразведенном конце коридора свет и, когда все прошли мимо, шмыгнул туда вдоль стены.

В последней глухой нише перед его глазами предстала абсолютно неожиданная картина. Сюрреалистическая.

Сводчатое подземное помещение было завалено обломками пропавшего грузового корабля. У стен громоздились огромные куски искореженного металла, детали поменьше свешивались с потолка. А спереди в центре стоял почти неотличимый от прочего металлома серебристый аппарат жизнеобеспечения мозга высотой в человеческий рост и вдвое шире. На нем в хрустальном шаре с питательной жидкостью плавал мозг — круглый ком нервной ткани.

- Ты его не слышишь? — спросил Пард.
- Кого «его»?
- Мозг представляется себе объектом мужского рода. Ему действительно удалось вступить в контакт с местными жителями. Тут мы были правы.
- Не пойму, каким образом.
- С помощью телепатии, Стив. Видимо, мое присутствие блокирует принимающие рецепторы в твоем мозгу. Я еще в коридоре чувствовал слабые импульсы, только не был уверен, пока он нас не поприветствовал.
- Что говорит?
- Естественно, хочет знать, кто мы такие и чего нам надо. — Последовала короткая пауза. — Ой-ой-ой! Как только я сказал, что мы просто вернем его корпорации «Старуэйз», он подал телепатический сигнал тревоги — очень громкий. Не удивляйся, если через пару минут к нам присоединится вся компания.
- Замечательно! Что теперь делать?
- Дейлт нашупал кинжал на пояске, обдумывая ситуацию. Бежать уже слишком поздно, прокладывать себе путь бластером нежелательно. Взгляд его остановился на шаре.
- Поправь меня, если я ошибаюсь, Пард, но мне вроде бы помнится, что этот шар съемный.
- Верно. Его можно отсоединить от системы жизнеобеспечения примерно часа на два без серьезного вреда для мозга.
- Больше нам и не надо, чтобы доставить его на базу и подключить к другому аппарату.
- Он очень боится, Стив, — предупредил Пард, когда Дейлт принялся отсоединять шар. — Кстати, я понял только что слышанную маленькую лита-

нию. Священные объекты, которые ежедневно «встречаются с солнцем», — солнечные батареи. Сегодня заряжается половина, а завтра другая. Поэтому он продолжает работать.

Как только Стивен отсоединил последний кабель, в подвал ворвалась шумная беспорядочная толпа вместе с герцогом.

— Раксо! — воскликнул тот, увидев его. — Все-таки ты нас предал!

— Простите, — извинился Дейлт, — но это чужая собственность.

Антон рванулся вперед:

— Гад, изменник! А я называл тебя другом...

Он схватился за рукоятку меча, Дейлт в ответ высоко поднял шар.

— Стой, Антон! Если кто-нибудь попытается преградить мне дорогу, я вдребезги разобью этот шар вместе с вашим божеством!

Побледневший герцог вцепился в плечо сына, удерживая его.

— Я пришел сюда не затем, чтобы что-то украсть у вас, но обязан украсть его. Очень жаль, что так вышло.

Он не кривил душой, обоснованно чувствуя, что обманул доверие, и ему это сильно не нравилось, но упорно напоминал себе, что мозг принадлежит корпорации «Старуэйз» и только он может его вернуть.

— Надеюсь, угроза их остановит, — вставил Пард. — Впрочем, обдумав возможности, сообразят, что, схватив тебя, лишатся божества, а если отпустят, все равно лишатся.

В тот же момент Антон огласил то же самое заключение, но отец по-прежнему держал его за плечо.

— Пусть он заберет божество, сын мой. Оно помогло нам мудрыми советами, в благодарность мы должны, как минимум, беспрепятственно его выпустить.

Дейлт схватил какого-то придворного.

— Беги, приведи мне коня — и хорошего!

Посмотрел ему вслед и медленно двинулся по коридору к обеденному залу. Герцог с компанией остался в нише.

— Интересно бы знать, что они теперь против меня затевають, — прошептал он. — Подумать только! Сколько я здесь прожил, никогда не догадывался, что они телепаты.

— Они не телепаты, Стив.

— Как же они с ним общались? — удивился он, взглянув на шар, зажатый под мышкой.

— Секрет заключается в том, что этот самый мозг представляет собой необычайно мощный передатчик и приемник. У местных жителей несколько не больше телепатических способностей, чем у любого другого.

Дейлт с облегчением увидел поджидавшего коня, открытые ворота. Крупнейшая из двух лун Кваши уже высоко стояла над горизонтом, поэтому он кратчайшим путем поскакал к спрятанному членоку.

— Одну минуточку, Стив, — попросил Пард, когда он спрыгнул с седла неподалеку от корабля. — Кажется, перед нами стоит нравственная проблема.

— А именно?

Пард молчал всю дорогу.

— Я поговорил с мозгом и понял, что он стал тебе просто пилотирующим устройством.

— Возможно. Потерпел крушение, обнаружил свои телепатические способности, постарался извлечь максимальную пользу из сложившейся ситуации. Мы нашли его и возвращаем хозяевам. В чем проблема?

— Он не потерпел крушения. Постарался избавиться от механика и самостоятельно завладеть кораблем. Не хочет возвращаться.

— Ну, ему выбирать не приходится. Его изгото-
вила корпорация, туда он и отправится.

— Стив, он нас умоляет!

— Умоляет?

— Да. Слушай, ты по-прежнему видишь в нем комок нейронов, слепленный для управления ко-
раблем, но он вырос в нечто большее. Это теперь существо, мыслящее, сознательное, с собственной волей! Не биомеханизм, а разумное существо...

— Философствуешь?

— Скажи, Стив, что с ним сделает Барр, по-
лучив в свои руки?

Не хотелось отвечать на этот вопрос.

— Скорее всего, препарирует? — допытывался
Пард.

— Нет, по-моему... когда поймет, что он ра-
зумный.

— Ну, допустим, не препарирует. Если Барр ос-
тавит его жить, он до конца жизни останется экс-
периментальным объектом. Разве это справедливо?
Разве мы вправе обречь его на такую судьбу?

Дейлт не ответил.

— Хуже никому не будет. Фактически он впол-
не способен помочь Кваши поскорей вернуться к
цивилизации. Он не стремится к власти. До кру-
шения целиком усвоил корабельную библиотеку
и был необычайно счастлив в своей подвалной

нише, выдавая информацию об удобренях, севообороте и прочем, работая на ежедневно подзаряжаемых батареях.

— Я тронут, — саркастически проворчал Стивен.

— Шути, если угодно, а я не так легкомысленно к этому отношусь.

— Откуда у тебя столько самоуверенности?

— Молчу. Можно оставить шар здесь, мозг установит телепатическую связь с крепостью, оттуда придут и заберут его.

— А что я скажу Кларксону?

— Почти абсолютно чистую правду. В заключение объяснишь, что шар разбился в крепости, когда тебя пытались схватить и едва не убили.

— Видишь ли, это может погубить проект. Для его продолжения обязательно нужно вернуть мозг.

— Пусть так, но мы должны рискнуть. С другой стороны, если отметить в докладе, что найденный мозг стал разумным и выработал приемы самосохранения, ученые обязательно страшно заинтересуются и непременно продолжат исследования в том или в ином направлении.

К своему огромному неудовольствию, Дейлт обнаружил, что соглашается с Пардом и почти готов осторожно положить шар в траву и уйти прочь, послав ко всем чертям корпорацию «Старуэйз».

— Он по-прежнему умоляет нас, Стив. Как ребенок.

— Ладно, черт побери!

Проклиная себя за безволие и мягкотелость, он отошел на безопасное расстояние от челнока, опустил шар на землю и буркнул:

— До отлета еще кое-что надо сделать.

— Например?

— Накачать нашего маленького дружка основной информацией о феодальной культуре, которой наверняка не было в корабельной библиотеке.

— На опыте усвоит.

— Этого я и боюсь. Без четкого представления о феодализме на Квации его помощь Бенделеме вполне может поколебать весь общественный строй. Либо непомерно богатое герцогство захватят жадные соседи-завистники, либо оно воспользуется своим богатством для создания захватнической армии. Оба варианта фатальны для мозга и лишат Квации шансов на социальное и технологическое развитие.

— Что предлагаешь?

— Очень просто. Возьми все, что я знаю о Квации и феодализме, и скорми мозгу. Подчеркни первостепенную необходимость широкого распространения имеющейся у него информации. Пусть, к примеру, телепатически вкладывает обрывки мыслей в голову бродячих торговцев, менестрелей, нищих. С распространением благополучия по всей планете постепенно исчезнут причины общественных потрясений. В долгосрочной перспективе вся Квация выиграет.

Пард послушно приступил к процессу обучения, быстро справившись, ибо мозг поглощал информацию с ненасытным аппетитом.

Поднимаясь на ноги, Дейлт оглянулся на широк в кустах и увидел Антона, бросившегося к нему с обнаженным мечом.

— Я... решил вернуть вам божество, — заикнулся он.

Антон остановился.

— Не нужна мне эта пакость! Если хочешь знать, я расколочу его вдребезги, как только тебя прикончу!

Взгляд его был полон немыслимой ненависти: взгляд юноши, который только что понял, что его друг и горячо любимый наставник — презренный предатель и вор.

— Но ведь божество позаботится, чтоб в Бенделеме никто никогда больше не голодал! — вскричал Дейлт. — Зачем его уничтожать?

— Затем, что оно заодно позаботится, чтоб никто из придворных никогда не признал меня герцогом! — прорычал Антон.

— Они же признают им твоего отца... Почему тебя в свой черед не признают?

— Отца признают по привычке! Вся власть в Бенделеме принадлежит божеству... А я после смерти отца буду просто марионеткой!

Теперь разъяснилась причина мрачности наследника герцога. Мозг угрожал его положению.

— Значит, ты пустился в погоню за мной не из-за угрозы разбить божество, а поэтому?

Антон кивнул и вновь рванулся вперед:

— Вдобавок я должен с тобой расквитаться, Раксо! Не позволю тебе *безнаказанно* обманывать мое доверие и доверие моего отца!

С последними словами он обрушил яростный рубящий удар на Дейлта, который нырнул, увернулся, вильнул в сторону. Он вышел без меча из своей комнаты в крепости, но у него имелся кинжал.

Молодой человек расхохотался при виде маленького лезвия.

— Этим ты меня надеешься остановить?

Если бы ты только знал, мысленно посочувствовал Дейлт, не желая, однако, пускать в ход бластер. Настроение парня хорошо понятно. Отыскать бы какой-нибудь способ оглушить его и улететь...

Антон энергично бросился в атаку, Стивену пришлось отступить. Под ногу подвернулся камень, споткнувшись, он инстинктивно выбросил вперед правую руку, чтобы сохранить равновесие... Дальнейшие события разворачивались как бы замедленным кадром. Левое запястье, по которому рубануло лезвие меча, пронзила жгучая сокрушительная режущая смертельная боль. Кисть отлетела, брызжа в воздух пульсирующими красными струями, словно живая. Правая рука тоже как бы жила самостоятельной жизнью — перевернула кинжал, нацелила рукоятку в противника, нажала потайную кнопку. В темноте сверкнул лучевой заряд, поразил в грудь Антона, упавшего без единого звука.

— Рука! — простонал Дейлт, схватившись за обрубок.

— Передай мне управление, — потребовал Пард.

— Рука... — стонал он, не в силах ничего больше вымолвить.

— Передай мне управление!

Стивен слегка опомнился, на секунду расслабился и вдруг увидел собственное тело со стороны. Правая рука бросила кинжал, крепко зажала кисть над кровоточившей культей. Пальцы впились в плоть, пережимая артерии.

Ноги выпрямились, тело его встало на ноги и спокойно пошло к спрятанному космическому

челноку. Локоть раздвинул кусты и нажал на пластиночку, открывшую люк переднего отсека.

— Хорошо, что ты его не запер вчера, — заметил Пард, когда люк распахнулся.

В корабле на подобные случаи имелся набор первой помощи. Залитые кровью пальцы правой руки разжались, ловко сняли крышку с аптечки, вытащили банку стат-геля. Кровоточащий обрубок левой сунулся в банку и крепко прижался ко дну.

— Сейчас кровотечение остановится.

Гель при контакте мгновенно сворачивал любую кровь, образуя плотные твердые сгустки.

Выпрямившись, Стивен вновь овладел своим телом, вышел нетвердой походкой наружу, ослабевший, растерянный.

— Ты спас мне жизнь, Пард, — пробормотал он наконец. — Я даже шевельнуться не мог, глядя на этот обрубок, из которого хлещет кровь.

— Я спас жизнь нам обоим, Стив.

Дейлт подошел к упавшему Антону с дымившейся дырой в груди:

— Мне этого совсем не хотелось. Знаешь, както нечестно... У него был только меч...

Он еще не пришел в себя, еще не понял, что произошло в последние минуты.

— Какая тут к черту честность? О какой «честности» может идти речь, когда кто-то пытается тебя убить?

Но он словно не слышал, обшаривая землю.

— Где моя рука? Если мы ее привезем, может, пришить удастся...

— Никаких шансов, Стив. Когда прибудем на базу, некроз уже полностью разовьется.

Дейлт сел, осознав, наконец, положение дел.

— Ну ладно, — сдался он. — Протезисты нынче делают настоящие чудеса.

— Протезисты? Мы новую вырастим!

Стивен помолчал, прежде чем отвечать.

— Новую кисть?

— Конечно! В твоем организме еще имеется добрый запас всемогущих мезенхимных клеток. Я уже их направил в культуру, так что скоро кисть под моим руководством без проблем отрастет. Очень жаль, в самом деле, что люди лишены возможности сознательно контролировать физиологию своего тела. При надлежащем управлении человеческий организм способен почти на все.

— Ты хочешь сказать, у меня снова будет рука? Здоровая и новая?

— Здоровая и новая. А теперь предлагаю садиться в корабль и отчаливать. Мозг зовет герцога, и к его появлению нам, по-моему, лучше убраться отсюда.

— Знаешь, — заключил Дейлт, садясь в челнок и закрывая люк за собой, — пожалуй, под твоим присмотром я доживу до глубокой старости.

— Пока я придерживаю дегенеративные процессы, ты будешь жить вечно.

Он замер на полу шаге.

— Вечно?

— Ну да. Старожилы этой планеты знают, что говорят, предупреждая детей: «Из каждой тысячи пораженных девятьсот девяносто девять умрут». Вывод очевиден — тысячный *никогда* не умрет.

— Никогда?

— Ну, если тебе в грудь ударит энергетический заряд, как Антону, я ничего не смогу поделать. Если нет, позабочусь, чтобы ты не умер от старости. Собственно говоря, чтобы даже не старился.

Потрясающий смысл слов Парда вдруг обрушился на него с полной силой.

— Иными словами, — выдохнул Стивен Дейлт, — я бессмертен...

— Предпочитаю другое местоимение — мы бессмертны.

— Не верю.

— Мне плевать, веришь или не веришь. Я буду хранить твою жизнь долго-долго, Стив, ибо, пока ты живешь, я живу, а мне все больше нравится жить.

Он не шевельнулся и не ответил.

— Ну, чего ждем? В галактике полным-полно миров, которые надо увидеть, обжить, а этот осточертел мне до тошноты!

— Куда спешить? — улыбнулся Дейлт.

После долгой паузы Пард согласился:

— Твоя правда, Стив. Действительно, нет никакой спешки. Все на свете время наше. Буквально.

Литературно-художественное издание

Вилсон Ф. Пол

ТЕРИ

Роман

Ответственный редактор *З.В. Полякова*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 10.02.2006
Формат 82x100^{1/2}. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,96. Уч.-изд. л. 9,88

Тираж 6 000 экз. Заказ № 1113

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в полном соответствии с качеством
представленных диапозитивов
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Книга-почтой

Если вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассыпаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае вы будете регулярно получать по 2 новых книги выбранной серии в месяц.

Для этого вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

111024, Москва, а/я 18, «Центрполиграф»

Также вы можете заказать книги через сайт издательства «Центрполиграф» — www.centrpolygraf.ru

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА	
	
Куда	г. Москва, а/я 18
Кому	«ЦЕНТРОЛИГРАФ»
=111024	
Пожалуйста, оставьте пустое место упомянутого	
Код страны: 380011	
г.Хабаровск, ул. Мира, д. 10, кв. 5. Ивановой Г.П.	
Марк. зона: Россия. Издательство «Маркет». 1992 г. 1992 г. 1010 Белка. № 55 к	

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

Стоимость пересылки почтового перевода наложенным платежом оплачивается отделению связи и составляет 10—20% от стоимости заказа.

Книги оплачиваются при получении на почте.

К сожалению, издательство не может долго удерживать объявленные цены по не зависящим от него причинам, в связи с общей ситуацией в стране. Надеемся на ваше понимание.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!



ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

Т С Е Р И

В результате катастрофы на колонизированной людьми планете вышли из-под контроля эксперименты по созданию сверхчеловека и появились человекоподобные существа тери, телепаты и монстры-мутанты. Они стали изгоями среди людей. Их планомерно уничтожают, а самых страшных монстров держат в подземном лабиринте... Планетарный разведчик Стивен Дейлт хочет помочь отвергнутым, но представители Федерации запрещают ему вмешиваться.

ISBN 5-9524-2171-7



9 785952 421714

ЦЕНТРОПОЛИГРАФ